

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

4/2021

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацера** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 7 от 03.12.2021 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 4/2021

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Дроздов В.А.</i> Экономный выбор слова – характерная черта карибских креолов на англоязычной основе	6
<i>Супрун В.И., Вэн Цзятун</i> Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщения о Китае в русских текстах XVII–XIX веков	14
<i>Винникова-Закутняя Т.С.</i> О зарождении идей переходности между частями речи в русском языкознании	24
<i>Гладкая Н.В.</i> Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект	30
<i>Дьякова Т.А.</i> Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского	36
<i>Кудрейко И.А.</i> Полисемия терминов родства (на материале славянских языков)	45
<i>Миннуллин О.Р.</i> Рецепция в событии художественного литературного произведения: ценностно-онтологический аспект	50
<i>Панчехина М.Н.</i> Структура авторского «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма»	56
<i>Пращерук Н.В., Овчинников А.П.</i> Анализ системы имён собственных в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой» (1899)	62
<i>Сорокин А.А.</i> Осмысление событий апрельского кризиса 1917 года в поэме «Певущий зов» С.А. Есенина	69
<i>Фатьянова И.В.</i> Американский политический дискурс XXI столетия: основные характеристики	74
<i>Бурляй А.С., Якель А.О.</i> Возможности и проблемы использования сервиса Google Trends в изучении донецкого региолекта	82
<i>Василенко Е.С.</i> Дихотомия добра и зла в сборнике рассказов Анджея Сапковского «Последнее желание»: мифопоэтический дискурс	89

<i>Калмыкова Д.А.</i> Лексические единицы со значением «еда / напитки» в гоголевском дискурсе	93
<i>Кондаурова А.В.</i> К вопросу об основных категориях концепции В.В. Фёдорова	98
<i>Коробова-Латынцева В.С.</i> Лексико-семантическое поле «человек» в донецком региолекте	105

Слово молодому учёному

<i>Косенко К.А.</i> Самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения	115
--	-----

Психология

<i>Данилова С.В.</i> Психологические особенности макиавеллизма студентов социальных работников	122
<i>Новикова Е.В.</i> Стресс: признаки, методы профилактики и коррекции	129
Правила для авторов	141

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 4/2021

CONTENTS

Philology

<i>Drozdov V.A.</i> Economical choice of a word as a feature of English-based Caribbean creoles	6
<i>Suprun V.I., Weng Jiatong</i> Russian Sources on the History of Sinoisms: Reports on China in Russian Texts of the XVII–XIX Centuries	14
<i>Vinnikova-Zakutniaia T.S.</i> On origin of ideas of transitivity between parts of speech in Russian linguistics	24
<i>Gladkaya N.V.</i> The influence of internet memes on the formation of public opinion: theoretical aspect	30
<i>Diakova T.A.</i> Historicisms as linguistic realias with sociocultural component in works by Mikhail Matusovsky	36
<i>Kudreiko I. A.</i> Polysemy of kinship terms (based on the material of the Slavic languages)	45
<i>Minnullin O. R.</i> Reception in the event of a literary work: the value-ontological aspect	50
<i>Panchehina M.N.</i> The structure of the authorial "Dictionary of Linguistic Culturemas in the Poetry of Metarealism"	56
<i>Pracheruk N. V., Ovchinnikov A. P.</i> Analysis of proper names system in «The lady with the dog» (1899) by A.P. Chekhov	62
<i>Sorokin A.A.</i> Interpretation of April crisis of 1917 in the poem "The melodious call" by S.A. Yesenin	69
<i>Fatyanova I.V.</i> American political discourse of the XXI-st century: main characteristics	74
<i>Burlyai A.S., Iakel A.O.</i> Possibilities and problems of using the Google Trends service in the study of the Donetsk regiolect	82
<i>Vasilenko E.S.</i> Good and evil dichotomy in the collection of stories "The Last Wish" by Andzej Sapkovsky: mythopoetical discourse	89

<i>Kalmykova D. A.</i> Lexical units with the meaning "food / drinks" in Gogol's discourse	93
<i>Kondaurova A. V.</i> To question on main categories in V.V. Fyodorov's theory	98
<i>Korobova-Latyntseva V. S.</i> Lexical-semantic field "human being" in the Donetsk regiolect	105

Commencing scholars, have your say!

<i>Kosenko K. A.</i> Self-attitude of a person with non-psychotic mental disorders suffering from burn disease with different types of controlling behavior	115
---	-----

Psychology

<i>Danilova S. V.</i> Psychological features of Machiavellianism of prospective social workers	122
<i>Novikova E. V.</i> Stress: signs, methods of prevention and correction	129
Guidelines for authors	141

*Памяти заведующего кафедрой
истории русской литературы и теории словесности
профессора Владимира Викторовича Фёдорова*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.111.8

ЭКОНОМНЫЙ ВЫБОР СЛОВА – ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА КАРИБСКИХ КРЕОЛЕЙ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

© 2021 В.А. Дроздов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается проблема экономного выбора слова в карибских креолях на англоязычной основе из лексических пар, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции в британском английском. Было выявлено, что редукция и переструктуризация лежат в основе этого выбора.

Ключевые слова: развитие, заимствование, дополнительная дистрибуция, изоморфизм, архаизм, алломорфизм.

Введение. В определенных условиях межэтнический вспомогательный язык пиджин (который не является родным ни для кого из говорящих) может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом расширяются его коммуникативные функции и совершенствуется его структура. Такой язык определяется как креольский [1, с. 8–9]. В данном исследовании на примере 83 лексических пар, находящихся в британском варианте английского языка (далее БрА) в отношении дополнительной дистрибуции, рассматривается проблема экономного выбора слова в ситуации, когда этот выбор не влияет на смысл высказывания в карибских ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях на англоязычной основе (далее ККАО).

Дополнительная дистрибуция состоит во взаимном исключении разных воспроизведений одной и той же структурной единицы, каждый из алло-вариантов которой встречается в такой совокупности контекстов, в которой не встречается ни один из остальных ее алло-вариантов. Это обстоятельство позволяет трактовать дополнительную дистрибуцию как особый вид избыточности языка [2, с. 137].

Креоли, характеризуются структурной однотипностью, так называемым оптимальным грамматическим строем, переносящим центр тяжести на синтаксические способы выражения грамматических значений. В них отсутствуют такие избыточные черты европейских языков, как род, число, падеж у местоимений, сложные глагольные формы. Они имеют существенно редуцированный словарный инвентарь [3, с. 288].

Существует теория оппозиций, разработанная Н.С. Трубецким [4, с. 255–256], С.И. Карцевским [5, с. 51], а также Р.О. Якобсоном [6, с. 116–133], в соответствии с которой при пиджинизации и креолизации устраняются маркированные категории числа, времени, вида, залога. Маркированное множественное число элиминируется. В ККАО категория множественного числа представляется сложнее, чем категория единственного числа. Соответственно, множественное число выступает в качестве маркированного члена оппозиции в категории числа. Следовательно, множественное число имеет в большинстве случаев более сложное морфологическое оформление, чем единственное. Аналогично следует трактовать и все остальные морфологические категории языка – времени, вида, залога.

В креолях словоизменительные суффиксы -s, -ing не используются.

Восприятие носителем языка того или иного понятия в качестве семантически более простого / сложного обусловлено следующими факторами: биологическими, социальными, культурными, их сочетанием, а также особенностями восприятия, свойственного носителям данного языка.

Немаркированные категории семантически являются более простыми, более доступными при восприятии.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к проблемам пространственной и временной вариативности, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО).

Цель исследования – показать, как развивается английский язык на новых территориях своего распространения, представленных англоязычными креолями Карибского бассейна, и выявить специфические черты ККАО, опираясь на лексические пары, заимствованные из западноафриканских, европейских, азиатских языков, а также американского и британского вариантов английского языков и их диалектов.

Объектом исследования являются заимствованные имена существительные ямайского, багамского и тринидадо-тобагского ККАО конца XX – начала XXI века. *Предметом* исследования является проблема экономного выбора слова в ККАО из лексических пар, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции в БрА. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) на примере 83 лексических пар, которые в БрА находятся в отношении дополнительной дистрибуции, выявить, при каких условиях данные лексические пары при креолизации в ККАО – сводимы к одному категориальному члену противопоставления; 2) рассмотреть особенности функционирования английских архаизмов и показать их роль в становлении алломорфных признаков карибских креолей; 3) выявить алломорфные и изоморфные признаки в лексических парах в трех исследуемых ККАО.

В качестве *материала исследования* были использованы лексемы различных словарей карибских креолей на англоязычной основе [Allsopp, 1996], F.G. Cassidy [Cassidy, 1967], L. Winer [Winer, 2009], J.A. Holm [Holm, 1982]. Общий объем проанализированных языковых явлений составляет 2878 лексических единиц. Было подвергнуто анализу 1190 архаизмов (из них 535 архаизмов в ямайском креоле, 240 архаизмов в багамском креоле, 415 архаизмов в тринидадо-тобагском креоле), отобранных методом сплошной выборки из словарей английского языка Карибского бассейна. Архаизмы – устаревшие наименования современных предметов, понятий, явлений. Эти понятия и предметы обозначаются новыми словами, которые выступают в качестве синонимов к новым словам [11, с. 67]. По проблеме архаизмов имеются следующие новейшие публикации: Е.В. Маринова [12], А.А. Жданова [13], И.Ю. Зимовец [14], Н. В. Кожанова [15], М.С.В. Varol [Varol, 2019].

В ККАО имеет место редукция (сведение к одному члену противопоставления) и, как следствие, переструктуризация (один член противопоставления покрывает и включает в себя второй член противопоставления) этих лексических пар.

Основная часть. В рассмотренных креолях НЧТ-архаизм *foot* ‘нога’ проникает в исследуемые ККАО. В багамском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях НЧТ *foot* ‘нога’ обозначает ‘вся нижняя конечность’: *both foot and leg*. Например, в багамском креоле: *And my foot. Right up to the knee it painin me* [Holm, 1982:80]. ‘А моя нога (*foot*) болит до самого колена’.

В тринидадо-тобагском креоле: 1994 г. *Yes mammy! His foot really dirty ... All up by he knee* [Winer, 2009:418]. ‘Да, мама. У него ноги (*foot*) очень грязные ... до самых колен’.

В ямайском креоле: 1956 г. */dem hav anada bord agen, a lang fut wan – dem kaal duoz gaalen – dem fut lang/. There’s another bird, a long legged one, called gaulin – their legs are long* [Cassidy, 1967:219]. ‘Есть еще одна птица длинноногая (*a lang fut wan*), называемая цаплей: ноги у нее (*dem fut*) длинные’.

В багамском и ямайском креолях НЧТ *hand* ‘рука’ обозначает ‘вся верхняя конечность’. Например, в багамском креоле: *He can reach across the table because he has long hands* [Holm, 1982:98]. ‘Он может протянуть руку через стол потому, что у него длинные руки’.

В тринидадо-тобагском креоле НЧТ *hand* ‘рука’ обозначает: ‘part of the body from the shoulder to the finger-tips’. ‘НЧТ от плеча до кончиков пальцев; вся рука; вся верхняя конечность’. Например: *He get chop in he hand, just below the shoulder.* [Winer, 2009:418]. ‘Ему нанесли рубящий удар в руку, чуть ниже плеча’.

Есть основания предполагать что закреплению архаичных значений НЧТ *foot* и НЧТ *hand* в исследуемых карибских креолях на англоязычной основе способствовало то, что в языке английских анатомов XVI–XVII веков НЧТ *foot*, а также *great foot* употреблялись в архаичном значении ‘вся нижняя конечность от тазобедренного сустава до пальцев ноги’ (уст.). Кроме того, НЧТ *hand* употреблялась в значении the whole arm ‘вся рука’ (уст.). Например: 1661г. *The foot is divided into fæmur, the tibia and the foot extreme.* [COED, 1993:63/1256]. ‘Нога (*the foot*) делится на бедренную кость, большеберцовую кость и кости стопы’. 1727–51 гг. *The hand, among anatomists, extends from the shoulder to the fingers ends.* [COED, 1993:81/976]. ‘В среде английских анатомов ‘рука’ начинается от плеча и заканчивается кончиками пальцев’.

Семантическое развитие производных НЧТ *foot* и *hand* в ККАО из исходных западно-африканских лексических единиц можно представить в виде следующей модели: зап.-афр. НЧТ *hand* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть всей конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’ → отсутствие семантического развития → карибские креолы НЧТ *hand* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть всей конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’.

Зап.-афр. НЧТ *foot* ‘вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев’ → отсутствие семантического развития → карибские креолы НЧТ *foot* ‘вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев’.

Таким образом, налицо отсутствие семантического развития в лексических архаизмах НЧТ *hand* и *foot* в ККАО, калькированных из исходных западно-африканских лексических единиц.

Сегодня эти НЧТ – полные архаизмы в БрА. Ведь для современного БрА характерно различие НЧТ *hand* и *arm* ‘рука’, *foot* и *leg* ‘нога’. Таким образом, лексическим парам *hand* и *arm* ‘рука’, *foot* и *leg* ‘нога’, находящимся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу в БрА, в исследуемых карибских креолях соответствуют лексические архаизмы *hand* ‘рука’, *foot* ‘нога’, соответственно.

В ККАО имеет место редукция (сведение к одному члену противопоставления) и, как следствие, переструктуризация (один член противопоставления покрывает и включает в себя второй член противопоставления) этих лексических пар.

2.2. В современном английском языке как в британском, так и в американском вариантах английского языка характерно наличие синонимического ряда *every, each, either*. [WNDS, 1973:274]. Слово *every* применимо к любому из людей, образующих группу, и рассматриваемому как тип или представитель всей группы. Например: *Every*

man is mortal. Every book published should be worth reading [WNDS, 1973:34]. ‘Каждый человек смертен’. *Each* is applied to any or every individual of the group, but unlike *every* it implies reference to him or to it as a distinct, recognizable and therefore concrete person or thing. Например: *He knows the weaknesses of each batter on the team. Each book on the shelf is worth reading* [WNDS, 1973:34]. ‘Он знает слабости каждого подающего в команде. Каждая книга на полке достойна чтения’. ‘*Either* обозначает каждого из двух’ (перевод наш) [WNDS, 1973:34].

Следует заметить, что приведенные ниже английские примеры XVI-XIX веков с точки зрения норм современного английского языка являются архаизмами. Для архаичных употреблений лексемы *every* в БрА XVI-XIX веков характерно наличие значений а) *either* ‘каждый из двух’ (пример 2); б) *each* ‘каждый в отдельности’ (примеры 1;3) в английской лексеме *every*.

1) 1526–34 *They came and receaved every man a penny*. (Сегодня было бы *each man*. ‘Они приехали и каждый получил по пенсу’. 2) 1599 *They did ride on every side of him*. (Сегодня было бы : *on either side*). ‘Они ехали по обеим сторонам от него’. 3) 1632 *The Sergeants, and the two slaves, thrust on every ancle an heavy bolt*. ‘Сержанты и два раба с надетым тяжелым шкворнем на обеих лодыжках’ [OED, x: 645].

В тринидадо-тобагском креоле сегодня употребляется только одна лексема-архаизм *every*. При этом она покрывает семантический объем всех трёх лексем БрА и АмА: *every, each, either*. Например:

В тринидадо-тобагском креоле в семантической структуре лексемы *every* имеются значения, которые в современном английском языке передаются лексемой *each* ‘каждый в отдельности’ (примеры 1; 2) и лексемой *either* (пример 4). Например: (в ТрТКр поговорках:) 1. *Every barrow-hog have he Saturday morning*. (Досл.: ‘Для каждого кастрированного хряка наступает субботнее утро’). ‘Если кто-либо смеется над чужими бедами, ему напоминают: «Придет день возмездия, справедливого суда»’. 2. *Every bread have its cheese*. (Досл.: ‘Для каждого кусочка хлеба найдётся кусочек сыра’). ‘Каждому человеку в какой степени он ни был бы эксцентричным, суждено иметь пару’. 3. *Every day is fishing day, but not every day is ketching day*. (досл.: ‘Каждый день – день рыбной ловли, но не кадый день – день улова рыбы’). ‘Не все попытки удачные’. 4. *There's a chimley on every (=either) en' o' the house* [Winer, 2009:331]. ‘На каждой стороне дома имеется дымоход’.

В тринидадо-тобагском креоле сематическая структура лексемы *every* совпадает с семантической структурой английской лексемы-архаизма *every* XVI-XIX веков. При этом в состав последней лексемы включаются значения, свойственные сегодня лексемам *either* и *each*. На этом основании можно сформулировать вывод о том, что лексема *every* в ТрТКр была заимствована из английского языка XVI-XIX веков и отражает архаичный характер ее значений.

Таким образом, семантический объем тринидадо-тобагской лексемы *every* соответствует семантическому объему трех лексем английского языка: *every, each, either*. Это можно показать в виде следующей формульной записи: (БрА) *every::each::either* → (ТрТКр) *Every*. (БрА) (3 → 1) (ТрТКр).

2.3. Архаизмы ЛСГ «Слова со значением «много» имеют общие черты в тринидадо-тобагском, ямайском и багамском креолях. В качестве примера рассмотрим архаизм *much*. Употребление *much* перед исчисляемыми существительными во множественном числе (вместо *many*) характерно для авторизованного перевода Библии (АВВ) 1611 года, выполненного при короле Якове, например: ‘1535 Deut. Xxviii.38 *Thou shalt carry out moche sede into ye felde, and shalt gather but little in as it is this day, to*

save much people’, ‘ты понесешь много зерен в поле, соберешь мало потому, что этот день предназначен для спасения многих людей’; ‘*and much people of the city was with her*’ ‘и много людей из города пребывало с ней’. ‘*Him That much horses they might give*’ [Holy Bible, 1978:345]. ‘Чтобы ему дали много лошадей’.

Употребление слова *much* перед исчисляемыми существительными было характерно для предыдущих периодов истории английского языка. В «Большом оксфордском словаре» (COED 1993) первое употребление *much* перед исчисляемыми существительными датируется 1205 годом, а последнее употребление в американском варианте английского языка – 1952 годом. Приведем некоторые показательные примеры из «Большого оксфордского словаря» (OED, 1993).

OED 1470–85 Malory Arthur i. i. 36 *There was moche peple slayne*. ‘И много людей при этом полегло’. с 1425 Hampole's Psalter Metr. Pref. 15 *Mych vertu he may him wynne*. ‘Много добродетелей ему он может преобрести’. 1710 Swift Jmnl. to Stella 10 Oct., *Mr. Harley presented me to the Attorney-General, Sir Simon Harcourt, with much compliment on all sides*, etc. ‘Мистер Харли представил меня министру юстиции, сэру Саймону Харкуру, высказав много комплиментов в мой адрес’. 1952 E. O'Neill Moon for Misbegotten i. 17 *You didn't get much thanks from Mike, I'll wager, for your help* (OED 1993). ‘Бью о заклад, не много ты благодарности получил от Майка за все твои старания’ [COED, 1993].

Употребления лексемы *much* являются характерными для многих карибских креолов. *Much* adv (Car) (AF) [перед существительными во множественном числе, особенно после *how, so, too*] *many* ‘много’ а. *She didn't get much customers the night before*. ‘Накануне у нее было немного покупателей’; б. *I said 'how much children do you have'*. ‘Я спросил: Сколько у тебя детей?’ [Allsopp, 1996:393].

В тринидадо-тобагском креоле отмечены следующие случаи употребления *much*. *Much* adv *much*; *many*; sometimes with *a/ah/of*. Например: (1956). *How much apples did you buy?* ‘Сколько ты купил яблок?’ (1968). *How much batteries you want?*. ‘*Bring three. That is all.*’ ‘Сколько ты хочешь батарей?’ *How much pounds he have?* ‘Сколько у него фунтов?’. (1991). *How much miles it is?* ‘Сколько миль это составит?’ [Winer, 2009:617].

В багамском креоле *much* [cf. Atlantic *how much* = how many; cf OED *much* is used with a plural noun taken collectively *obs.* However the origin of this usage lies in the general breakdown of European number distinctions in creole languages. ‘В словаре OED слово *much* употребляется с именами существительными, воспринимаемыми как коллективное множественное. Однако происхождение данного употребления объясняется общим распадом категории числа в креольских языках’]. В багамском креоле представляют интерес следующие примеры *much*: *I never seen so much people out so late* (Nassau). ‘Никогда не видел столько много народу на улице в такой поздний час’. *So much unwanted children* (COB). ‘Так много нежеланных детей’. *How much years?* (Nassau). ‘Сколько лет?’ [Holm, 1982:137].

В багамском креоле употребляется прилагательное *many* в качестве гиперкорректной формы вместо *much*. Например: *I have so many money, I don't know what to do with it* [Holm, 1982:432]. ‘У меня так много денег, не знаю, что с ними делать’.

В ямайском креоле слово *much* употребляется в следующих значениях. *Much* adj dial. (диал.). 1. = ‘*Many* – особенно после слов *how, so*’ (перевод наш). 1956 Mc Man /ai riili duon nuo hou moch mailz/; ‘Я в самом деле не знаю, сколько миль’. 1957 JN StAnd, *So much children don't come to dat school*. ‘Столько много детей не ходит в ту школу’. 2. In phr. *How much* = what number. ‘В словосочетаниях: *How much* = what number

‘сколько’ (перевод наш). 1956 Mc StE /*ho much chapter/ which (what number) chapter?* [Cassidy, 1967:310]. ‘Сколько глав? /Какая глава?’

С точки зрения хронологии употребления слова *much* перед исчисляемыми существительными во множественном числе в карибских креолях на англоязычной основе являются архаичными, поскольку в качестве архаизмов такие употребления слова *much* были характерны для БрА в предшествующий период истории английского языка, до появления англоязычной Вест-Индии.

Таким образом, в вышеприведенных примерах слово *much* в карибских креолях вступает в синтагматические связи с исчисляемыми существительными во множественном числе: *much customers, much children, so much times*. Можно сделать предположение, что употребление слова *much* вместо *many*, вероятно, объясняется характерной чертой креольских языков Карибского бассейна, связанной с экономным выбором слова, особенно в ситуации, когда этот выбор не влияет на содержание высказывания. В БрА в XX-XXI веках слова *much* – *many* находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

3. Заключение.

3.1. В ККАО имеет место редукция т.е. сведение к одному члену противопоставления) и, как следствие, переструктуризация при которой один член противопоставления, семантически более простой член оппозиции (базисный, немаркированный) покрывает и включает в себя второй маркированный член противопоставления в лексических парах карибских креолей на англоязычной основе, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции в британском варианте английского языка.

3.2. Таким вторым членом оппозиции являются семантически более сложные маркированные категориальные члены оппозиции.

3.3. Характерной чертой карибских креолей на англоязычной основе является экономный выбор слова, особенно в ситуации, когда этот выбор не влияет на смысл высказывания. Как правило, это касается лексических единиц, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции в британском варианте английского языка. В ККАО используется только один член противопоставления, но при этом он покрывает объем значений и второго члена противопоставления.

3.4. Рассмотренные современные значения лексем карибских креолей по их семантической структуре совпадают с семантической структурой соответствующих английских архаизмов, использовавшихся в Англии XVI – XIX веков, где они вышли из употребления, но по-прежнему живут в современных карибских креолях, совпадая с английскими архаизмами по семантической структуре.

В качестве перспективы дальнейших исследований представляется целесообразным рассмотреть семантические пути пополнения словарного состава белизского и гайанского креолей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьячков М.В. Креольские языки / М.В. Дьячков. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. – 106 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – 2-е издание. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 351 с.

5. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия / С.И. Карцевский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 348 с.
6. Якобсон Р.О. Принципы исторической фонологии // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 454 с.
7. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage. – US by OUP Inc., New York, 1996. – 697 p.
8. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English / F.G. Cassidy, R.B. LePage / Cambridge at the University Press, 1967. – 487 p. – Bibliography xviii-xxx.
9. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. Ed. by Lise Winer, McGill. – Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1041 p.
10. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English / John A Holm, Alison Watt Shilling / – Lexic House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
11. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Старичёнок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
12. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие / Е.В. Маринова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
13. Жданова А.А. Роль архаизмов и неологизмов во французском языке / А.А. Жданова // Молодой исследователь: от идеи к проекту, 2020.
14. Зимовец И.Ю. Проблема перевода архаизмов и историзмов на материале произведений У. Шекспира / И.Ю. Зимовец. – Филологический аспект. – 2018.
15. Кожанова Н.В. Архаизмы и неологизмы в сфере наименования лиц по профессии (на материале немецкого языка) / Н.В. Кожанова // Филология и человек. – 2020.
16. Varol M.C.B. What is the use of archaisms in Oriental Judeo-Spanish. A new perspective on an old question // La Linguistique, 2019. – caim. int. info
17. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English / John A Holm, Alison Watt Shilling/. – Lexic House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
18. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. Ed. by Lise Winer, McGill. – Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1041 p.
19. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English / F.G. Cassidy, R.B. LePage/. Cambridge at the University Press, 1967. – 487 p. – Bibliography xviii-xxx.
20. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English / John A Holm, Alison Watt Shilling/. – Lexic House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
21. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. Ed. by Lise Winer, McGill. – Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1041 p.
22. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press, Inc. – New York. – Second edition, 1993. – 2572 p.
23. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press, Inc. – New York. – Second edition, 1993. – 2572 p.
24. Webster's New Dictionary of synonyms. – Merriam-Webster Inc., Publishers: Springfield, Massachusetts, USA, 1973. – 909 p.
25. Webster's New Dictionary of synonyms. – Merriam-Webster Inc., Publishers: Springfield, Massachusetts, USA, 1973. – 909 p.
26. Webster's New Dictionary of synonyms. – Merriam-Webster Inc., Publishers: Springfield, Massachusetts, USA, 1973. – 909 p.
27. Webster's New Dictionary of synonyms. – Merriam-Webster Inc., Publishers: Springfield, Massachusetts, USA, 1973. – 909 p.
28. OED
29. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. Ed. by Lise Winer, McGill. – Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1041 p.
30. Holy Bible.
31. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press, Inc. – New York. – Second edition, 1993. – 2572 p.
32. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage. – US by OUP Inc., New York, 1996. – 697 p.
33. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage. – US by OUP Inc., New York, 1996. – 697 p.
34. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English / F.G. Cassidy, R.B. LePage/. Cambridge at the University Press,

35. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. Ed. by Lise Winer, McGill. – Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1041 с.
36. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English /John A Holm, Alison Watt Shilling/. – Lexic House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
37. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English /John A Holm, Alison Watt Shilling/. – Lexic House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
38. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English /F.G. Cassidy, R.B. LePage/. Cambridge at the University Press.

Поступила в редакцию 01.11.2021 г.

ECONOMICAL CHOICE OF A WORD AS A FEATURE OF ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES

V.A. Drozdov

The article considers the problem of economical choice of a word in the English-based Caribbean creoles from the lexical pairs manifesting British English complementary distribution relations. It has been found out that reduction and restructuring are in the basis of this choice.

Key words: development, borrowing, complementary distribution, isomorphism, archaism, allomorphy.

Дроздов Владимир Александрович.

Доктор филологических наук, профессор.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Профессор кафедры теории и практики перевода.

E-mail: drozdov@donnu.ru

Drozdov Vladimir Alexandrovich.

Doctor in Philology, Professor.

Donetsk National University.

Professor of Translation Theory and Practice Department.

E-mail: drozdov@donnu.ru

УДК 81.161.1 + 394.92 + 910.4

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КИТАИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СООБЩЕНИЯ О КИТАЕ В РУССКИХ ТЕКСТАХ XVII–XIX ВЕКОВ**

© 2021 В.И. Супрун, Вэн Цзятун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Статья посвящена изучению русско-китайских контактов и истории текстов, описывающих жизнь Китая. Выявлены пребывание русских воинов в Китае в XIV веке, возникновение контактов русских со Срединной империей в XVII веке. Проанализирована история рукописи (рописи) Ивана Петлина и её переводов на европейские языки. Рассмотрена история появления статьи немецкого востоковеда Карла Фридриха Неймана в журнале «Русский вестник».

Ключевые слова: китаизм, русский язык, китайский язык, перевод, транскрипция, палладица, пиньин, «Русский вестник», Иван Петлин, Карл Фридрих Нейман.

Введение. Китайские исследователи полагают, что первые контакты Руси и Китая происходили уже во времена династии Юань (元朝 [Yuáncháo], 1271–1368), когда Китай и Русь были подчинены Монгольской державе и между ними были кратковременные сношения [54]. Впрочем, какие-либо достоверные источники об этих контактах отсутствуют. Известно лишь, что в состав войска Хубилай-хана (1215–1294, годы правления: 1260–1271 – 5-й великий хан Монгольской империи, 1271–1294 – 1-й император династии Юань) во время военной кампании в Южном Китае 1267 года входили воины, рекрутированные в Персии и на Руси [8, с. 82; 9]. Исследователи отмечают, что в состав императорской гвардии Хубилая входили монголы, китайцы, тангуты, карлуки, кыпчаки, канглы, аланы, русские. Эти новые отряды караульной службы именовались *вэй* в отличие от общего названия личной гвардии хана *кэшик* < тюрк. *кэзик* ‘очередь, смена’ [16, с. 149]. Достоверно известно, что Хубилай положительно относился к китайской культуре, в его окружение вошли китайцы, учёные и деятели культуры, своих детей он стал обучать китайскому языку.

Уже в более ранний период русские люди появлялись в монгольских городах, где могли встречаться с китайцами, но вряд ли эти контакты имели серьёзные последствия. В 1245 году в столицу Монгольской империи Каракорум отправилась делегация великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича (1191–1246), который там был отправлен матерью нового великого хана Гуюка (1206–1248) Дорегене (Туракиной). Летопись свидетельствует, что это произошло не только из-за властного нрава ханши, но и по навету новгородского боярина и воеводы Фёдора Яруновича. Францисканец Иоанн де Плано Карпини (около 1182–1252), бывший на приёме у вновь избранного великого хана Гуюка, подробно описал это событие. После обеда у ханши Ярослав Всеволодович «вернулся в своё помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и всё тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену» [31, с. 77].

Но всё же Александру Ярославичу Невскому пришлось вместе с братом Андреем отправиться в столицу Монгольского ханства. Всего их поездка в Сарай и Каракорум длилась более трёх лет. Они вернулись на Русь только в начале 1250 года. Неизвестно, встречались ли они с китайцами, но должны были слышать от местных жителей о Поднебесной и её жителях.

Великие ханы из своих завоевательных походов привозили в свою столицу большое число ремесленников, мастеровых людей, художников и других деятелей искусства. Русские мастера трудились над строениями и их убранством в Каракоруме, как и позже в Ханбалыке, куда Хубилай-хан перенёс столицу в 1264 году. В 1254 году францисканские монахи, отправленные в Каракорум Людовиком IX, встретили здесь некую женщину Пашу, француженку или немку из Меца в Лотарингии, которая была женой русского плотника, работавшего в монгольской столице [8, с. 75]. Вероятно, эту жительницу Меца звали Павла, Паула, Павлина, Паулина, Полина или Аполлинария (было несколько святых с такими именами, которые попали в календари обеих ветвей христианства), но в то время на Руси уже христианские имена были адаптированы, от них образованы краткие формы для домашнего употребления (известен, например, соратник Александра Ярославича в Невской битве Миша Новгородец [21]), поэтому русский муж звал её Паша, как она и представилась францисканцам.

Традиции использования русских в качестве наёмных воинов были продолжены в XIV веке. Архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) обнаружил в китайских документах упоминания о русском полке. Этот полк носил пышное название Сеань-джу-уло-сы-хувэй-цин-цзюнь «Охранный полк из русских, прославляющий верноподданность». Он подчинялся только Высшему военному совету. Русские воины жили в отдельном поселении к северу от Пекина, они занимались земледелием, охотой, рыбной ловлей, им были выделены сельскохозяйственные орудия. В 1331 году в полк прибыло новых 600 воинов, а через год – ещё 2803 человека, в т. ч. 103 подростка. В 1334 году при последнем императоре династии Юань Тогон-Тэмуре (1320–1370) сведения о русском полке в Пекине упоминаются в последний раз [28]. Дальнейшая судьба этих воинов неизвестна. Возможно, они омонголились, как это произошло с аланами-осетинами, которые образовали отдельный монгольский род (оток) асудов. «Находясь среди монголов около 700 лет, асуды полностью утратили родной язык, религию и культуру» [26, с. 17].

Разумеется, эти контакты между русскими и китайцами носили спорадический характер и не имели дипломатического статуса. С установлением правления династии Мин (1368–1644) и они первоначально затухли в силу удалённости двух государств друг от друга. Но по мере сближения территориальных владений России и Китая начались новые попытки установления более или менее устойчивых дипломатических и торговых связей.

Основная часть. Из истории дипломатии известно, что впервые контакты русских со Срединной империей произошли в 1618 году, когда группа российских землепроходцев посетила Пекин [11; 41]. В составе миссии было 12 человек, возглавляли её томские казаки учитель Иван Петлин и Андрей Мадов. Петлин владел несколькими языками и раньше, в 1609 году, уже вёл переговоры с телеутским князем Обаком. Его рукопись (ропись) имела сложную историю. Она попала в Посольский приказ, где пролежала вместе с привезённой им из Китая грамотой императора Ваньли (萬曆 Wànlì), которую никто в то время не мог перевести, откуда якобы и пошло в русском языке выражение китайская грамота [20, с. 429]. Только в 1670-е годы Николай Гаврилович Спафарий, готовясь к поездке в Китай, занялся её изучением. Впрочем, сам фразеологизм отмечен только в начале XIX века, он встречается в романе

Фаддея Венедиктовича Булгарина «Иван Иванович Выжигин», опубликованном в 1829 году: Но дела так мне чужды, как китайская грамота [5].

Текст описания поездки Ивана Петлина заинтересовал иностранных дипломатов. Английский посол Джон Мерик перед тем, как летом 1621 года покинуть Россию, выкрал из Посольского приказа или тайно купил у вора копию этой рукописи и вывез её в Англию, после чего она начала переводиться на европейские языки. В 1625 году рукопись Ивана Петлина была переведена на английский язык, в 1634 году – на французский, в 1667 и 1674 годы – на шведский [19, с. 261]. Во французском переводе назван автор текста – Eveska Petlinen [43, с. 192]. Судя по первой букве имени, запись русского антропонима проходила при английском посредничестве. Как предполагают исследователи творчества Дж. Мильтона (1608-1674), перевод рукописи русского землепроходца был использован в книге английского поэта и мыслителя «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих к востоку от России вплоть до Китая. Почерпнуто из трудов нескольких очевидцев», написанной в 1649–1652 годы, но опубликованной только через 8 лет после смерти автора [48, с. 812–813; 49].

В России первоначально рукопись И. Петлина копировалась разными людьми, она сохранилась в нескольких вариантах с некоторыми расхождениями в тексте. Частичное совпадение сведений этой рукописи и некоторых других документов привело к тому, что Н.М. Карамзин предполагал, что Иван Петлин просто скомпилировал свой текст, а в Китае он и не был [14, с. 241]. Другие историки высказывали сомнение о существовании предшествующих поездок казаков в Китай. Внимательное изучение первоисточников позволило установить, что в сентябре 1619 года томские казаки Ивашко Петлин и Ондрюшка Мадов подали в Посольский приказ челобитную о выдаче жалованья за сопровождение послов Алтын-хана и за сбор сведений о Китайском государстве. При разбирательстве было установлено, что 1616 году посылались «на государеву службу к Олтыну царю Тарского города атаман Васька Тюменец да литовского списку десятник Ивашко Петров», которые были щедро вознаграждены за труд. В Китае эти землепроходцы не были. Что касается мнимой поездки в Китай упоминаемых Н. М. Карамзиным атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 году, то она была им ошибочно приписана на основании неточно понятого текста позднего хронографа [22]. Авторитет Н.М. Карамзина был столь велик, что и до наших дней можно найти в исторических трудах отголоски его мыслей о дипломатических контактах России и Китая с 1567 года.

О путешествии Ивана Петлина упоминает академик Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771), который с 1739 по 1748 годы находился в Сибири, не слишком успешно изучая её историю из-за плохого знания русского языка. В 1768 году он публикует книгу «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen» [45]. Она была составлена на основании материалов, привезённых из Сибири его предшественником Герхардом Фридрихом (Фёдором Ивановичем) Миллером (1705–1783). В ней упоминаются казаки Ивашко Петлин и Петунько Кисиллов (Кисилёв), отправившиеся искать до сих пор скрытый Китай (das verborgene Schina). Историк тщательно поясняет в примечании, что имена Iwaschko vor Iwan, Petunko vor Peter образованы; поскольку русские униженно обращаются в таком виде, император Пётр отменил это в 1702 году своим указом [45, с. 382–383]. И.Э. Фишер указывает, что в томском архиве сохранилась только первая часть описания путешествия казаков Томска до улуса Алтын-хана и высказал предположение, что в Москве, куда отправлено донесение, можно найти подлинник в каком-нибудь из архивов, а описание

иноземных авторов (делается ссылка на труд П. Бержерона) об этом путешествии так испорчены, что их использовать невозможно [45, с. 364].

В этой же книге упоминается о попытке отправить в Китай головы Андрея Шарыгина и атамана Василия Тюменца в 7128 (1620) году. Видимо, эти данные почерпнуты из косвенных источников, поскольку указано, что известия пропали, но при этом предполагается, что путешественники до Китайского государства не дошли [42, с. 269]. В 1774 году книга была переведена на русский язык под названием «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» [42].

Немалый вклад в распространение ошибочных сведений о первых контактах России и Китая внёс Иван Петрович Сахаров (1807–1863), который во втором томе своих «Сказаний русского народа» опубликовал взятый из Толстовского списка Хронографа текст «Путешествия казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай в 1567 году» [39, с. 183–186]. И.П. Сахарова ещё при его жизни обвиняли в недобросовестности при публикации фольклорных текстов, а в наши дни называли «поддельщиком» и сочинителем «собственных сказок в слащавой псевдонародной манере» [35].

Однако публикуя текст путешествия, Иван Петрович всего лишь доверился Хронографу – созданному в конце XV – начале XVI века сборнику исторических сведений, в который постепенно добавлялось описание событий из русской истории [7, с. 5–7]. Этот сборник сохранился в нескольких списках, один из них находился в собрании известного русского библиофила графа Фёдора Андреевича Толстого (1758–1849). В 1830 году принадлежавшее ему собрание летописей, насчитывающее 1302 древнерусские рукописи, было куплено для Императорской публичной библиотеки, с тех пор этот список Хронографа именуется Толстовским [40]. Текст для И.П. Сахарова переписал Афанасий Фёдорович Бычков, который был в 1844 году назначен хранителем отделения рукописей и старопечатных церковно-славянских книг Императорской публичной библиотеки [29, с. 109–110].

Хронограф постоянно дополнялся различными редакторами. Одному из них попал в руки список рукописи Ивана Петлина, вероятно, без упоминания данных об участниках путешествия. Откуда-то ему было также известно о путешествии на восток (реальном или мнимом) Ивана Петрова и Бурнаша Елычева (Ялычева), в результате он приписал этим атаманам поездку в Китай. В.П. Адрианова-Перетц отмечает: «Невнимательного редактора не смутило даже то, что во время Грозного нельзя было ещё сравнивать “кутукту” с “нашим патриархом”: на Руси патриарха в то время ещё не было» [1, с. 121].

Один из списков рукописи Ивана Петлина попал в руки томского губернатора оберберггауптмана Петра Козьмича Фролова (1775–1835), который старательно переписал её в свою рукописную книгу [37]. Однако из-за несовершенства первоисточника или по ошибке переписчика поездка Ивана Петлина была перенесена на 1620 год: «Лета 7128 (1620) августа в день <...> Государь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси велел сибирскаго Томскаго городка козаку Ивану Петлину проведати про Китайское государство и про Обь реку великую и про иные государства». Он привёз Государю и Великому князю Михайлу Федоровичу «чертеж и роспись про Китайскую область» [32, с. 211–212]. Русский историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук Григорий Иванович Спасский (1783–1864) обнаружил эту рукопись в Императорской публичной библиотеке и напечатал её в своём краеведческом журнале без уточнения даты [32, с. 211–246], так сведения об этой поездке стали известны в России. До этого исследователи пользовались переводами на французский и английский языки. Архимандрит Палладий (П.И. Кафаров),

познакомившись с изданием рукописи на русском языке, писал: «Я имею реляцию его во французском переводе в Сборнике Бержерона; к сожалению, этот перевод сокращен и представляет не мало вариантов с оригинальным текстом» [28, с. 305].

Роспись дошла до нас в двух основных редакциях: первая была создана с 16 мая по 6 июля 1619 года ещё в Сибири, когда землепроходцы вернулись в Томск, она была издана Ф.И. Покровским в 1914 году [30]; с 23 сентября по 10 ноября 1619 года в Москве со слов Ивана Петлина была записана вторая версия, её опубликовали Н.Ф. Демидова и В.С. Мясников [10, с. 41–55]. Через три года оба варианта росписи были включены в новую книгу, подготовленную этими же авторами [36].

В дальнейшем Россия была занята войнами с Польшей и Турцией и на некоторое время перестала уделять внимание установлению связей с Китаем. Но интерес к загадочной и богатой стране на Востоке не угасал, тем более что вскоре появились серьёзные поводы для более подробного знакомства с Поднебесной.

При династии Цин, пришедшей в 1644 году на смену династии Мин, продолжились контакты с русскими. В 1708 году император Канси (1654–1722) вёл войну с Московским государством в Приамурье [25]. Он распорядился создать специальное заведение для подготовки дипломатов и переводчиков, с этой целью была открыта Школа русского языка при Дворцовой канцелярии (内阁俄 罗斯文官). В ней студенты обучались 5 лет, после чего сдавали письменный экзамен [41]. Но уровень обучения в школе был низким. В 1805 году четыре лучших ученика были направлены в качестве переводчиков на встречу с русскими послами, но не смогли в их речи ничего понять [17; 18].

При императоре Канси в Китае впервые появилось православие. В ходе военных действий у Албазина (Яксы) в 1686 году было захвачено немало русских пленных, часть из них была размещена в Пекине и Шэнцзине (ныне – Шэньян). В столице русские были расселены в переулке Хуцзяцюань, их приписали ко «второму жёлтому знамени» восьмизнамённых войск. В их распоряжение был передан храм, посвященный богу преданности и храбрости, богатства и защиты Гуаньгуну, который стал русской Никольской часовней. Позже она была преобразована в храм святой Софии (см. подробнее: [2, с. 144–154]).

30 апреля 1715 года в Пекин прибыла первая духовная миссия Русской православной церкви во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). После подписания в 1727 году китайско-российского Кяхтинского договора духовные миссии из России направлялись в Китай периодически. Существенный вклад в развитие русско-китайских отношений и в деятельность Школы русского языка оказал архимандрит Палладий (Пётр Иванович Кафаров) (1817–1878), который 30 лет (1840–1847, 1849–1859, 1864–1878) проработал в Пекине в составе Русской духовной миссии [27].

Интерес к Китаю и жизни его народа проявляла и российская журналистика. В 1856 году группа московских деятелей литературы и культуры основала журнал «Русский вестник». Журнал первоначально был двухнедельным, с 1861 года стал ежемесячным. Каждый номер состоял из произведений художественной литературы и статей научного характера, составляющих первый отдел, и политического отдела, который именовался «Современная летопись». Редактором журнала стал публицист и литературный критик Михаил Никифорович Катков (1818–1887) [13, с. 335–336]. В 1858 году в журнале была опубликована статья немецкого востоковеда Карла Фридриха Неймана «Современное положение Китая и его отношение к союзникам».

Этот учёный родился в 1793 году в еврейской семье в Рейхмансдорфе в Верхней Франконии, получил имя Исаак Лазарь, а в качестве фамилии использовал дериват (катоиконим) от названия близлежащего города – Бамбергер. В 1818 году он перешёл в

протестантизм, получил имя Карл Фридрих и выбрал популярную немецкую фамилию Нейман, которая давалась обычно людям, переехавшим на новое место жительства, новичкам. В данном случае, возможно, подчёркивалось, что он был новичком в евангельской вере. Нейман (в другой транскрипции – Нойман) обучался в ведущих германских университетах: Гейдельбергском, Мюнхенском и Гёттингенском. Затем в Венеции он выучил армянский язык, а в Лондоне – китайский, изучив который отправился в Китай. Из Китая Карл Фридрих привёз библиотеку, состоящую из 6 тысяч книг, 3500 из них он передал (в биографиях написано: уступил) в дворцовую библиотеку Баварии и стал её хранителем. За эту уступку Нейман был назначен также профессором Мюнхенского университета, в котором преподавал армянский и китайский языки. Им были написаны и напечатаны в Лейпциге книги об армянской литературе (1836), истории англо-китайской войны (1846), истории Афганистана (1846) и др.

В 1847–1848 годы Нейман принял активное участие в революционной деятельности, был членом баварского временного парламента, что в конце концов привело его к увольнению в 1852 году из университета, ещё некоторое время он работал в библиотеке, а затем переехал в Берлин, где продолжил научную деятельность. Им были опубликованы книги об истории английской империи в Азии (1857), истории Восточной Азии 1840–1860 годов (1861), истории США (1863–1866). К.Ф. Нейман занимался изучением истории России, им опубликована книги «Россия и черкесы» (1840) [50], «Народы южной России» (1846, 2-е издание – 1855). Название последней несколько вводит в заблуждение: в ней рассказывается не о народах России того времени, а о тех, которые проживали на северном побережье Чёрного и Каспийского морей в III–XI веках: скифах, даках, гуннах, готах и пр. Книга была написана по заказу Академии надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles Lettres), французского учёного общества в области гуманитарных наук [51]. Им были также опубликованы переводы китайских и армянских книг.

В России знали о научной деятельности К.Ф. Неймана. О нём упоминает (с небольшим искажением фамилии) В.Г. Белинский в опубликованной в 1845 году в «Отечественных записках» рецензии на «Славянский сборник» Н.В. Савельева-Ростиславича [4]. Книга об Афганистане была переведена Платоном Васильевичем Голубковым (1786–1855) и издана под названием «Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах» в 1848 году в Москве [23]. В 1864 году, через год после выхода в свет её в Германии, была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге «История Американских Соединенных Штатов» (1-й том). Большие отрывки из этой книги были опубликованы Петром Лавровичем Лавровым в ежемесячном журнале «Заграничный вестник».

В 1861 году в журнале «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» было опубликовано «Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии». Перевёл текст с немецкого языка Алексей Николаевич Шемякин (около 1817–1887). Он владел немецким, французским, английским, латинским и греческим языками и делал многочисленные переводы, которые публиковались в различных журналах и издательствах. Немецкий текст был подготовлен Августом Бюрком, который в предисловии упоминал, что беседовал в Мюнхене с профессором Нейманом, который «счёл себя вызванным приложить к этому изданию свои примечания и поправки» [33]. На следующий год этот перевод был напечатан в виде отдельной книги. Ещё через год она была переиздана в университетской типографии [34].

С появлением публикации статьи К.Ф. Неймана в «Русском вестнике» имеются некоторые неясности. Неизвестно, каким образом этот текст попал в журнал, кто его

перевёл. Михаил Никифорович Катков с 1839 по 1842 году учился в Берлинском университете. Но К.Ф. Нейман в это время в Берлине не жил. Михаил Никифорович выезжал из Берлина в Бельгию и Францию, но неизвестно, проезжал ли он через Мюнхен и встречался ли с Нейманом, был ли с ним знаком. Скорее всего, статья была получена от немецкого ориенталиста по почте или её привёз кто-то из сотрудников «Русского вестника». Эта работа не указана в списке трудов К.Ф. Неймана. М.Н. Катков прекрасно знал немецкий язык [38, с. 24], переводил на русский язык произведения Г. Гейне, И.В. Гёте, научные статьи, поэтому вполне мог перевести и текст К.Ф. Неймана.

Предваряя публикацию, редактор журнала пишет: «Статья эта написана одним из первостепенных знатоков Востока, г. Нейманом, в конце прошедшего года, по случаю новой китайской войны. Она разъясняет положение этой страны и причины войны» [24, с. 313]. Поскольку в тексте нигде не поясняется история появления статьи в журнале, некоторые современные исследователи сочли, что К.Ф. Нейман был российским учёным [3, с. 5].

В 1850 году в Китае началась крестьянская война против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов. Её возглавил Хун Сюцюань (у Неймана: Гонг Сиутзиуэн), который объявил себя младшим братом Иисуса Христа и создал Небесное царство великого благоденствия (太平天国, Tàipíng Tiān Guó), по названию которого восстание получило название Тайпинское [12]. К.Ф. Нейман пишет: «Тайпинги, как кажется, призваны играть важную роль в исторической драме, разыгрывающейся от Лондона и Вашингтона, от Парижа и Петербурга до Кантона и Пекина, до границ Монголии и Манджурии» [24, с. 340].

В 1856 году началась так называемая Вторая опиумная война между китайской империей Цинь и Великобританией, к которой присоединилась Франция. В военных действиях также участвовали также корабли США. В июне 1858 года были подписаны Тяньцзиньские трактаты представителями императора с Великобританией, Францией, Россией и США. 24–25 октября 1860 года был подписан Пекинский договор, по которому цинское правительство должно было выплатить Великобритании и Франции контрибуцию, открыть для иностранной торговли Тяньцзинь. Результатом этой войны было также подписание 14 ноября 1860 года Пекинского трактата о границе между Россией и Китаем по Амуру и Уссури [6; 47; 53].

Заключение. В упомянутых публикациях о Китае приводится значительное число китаизмов: антропонимов, топонимов, названий китайских реалий. Они записываются в текстах на русском языке в приблизительной транскрипции, а при переводе с немецкого языка – в транслитерации. Это приводит к многочисленным искажениям реального звучания китайских лексем. Как известно, первая система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1839 году. Её несколько изменил и уточнил в 1888 году архимандрит Палладий (П.И. Кафаров), в честь которого она стала именоваться палладиевской системой, или палладицей [15]. До этого в русских текстах, посвящённых Китаю, китаизмы записывались произвольно, что обнаруживается и в рукописи Ивана Петлина.

Европейские учёные и писатели более века пользовались системой транслитерации, разработанной Томасом Френсисом Уэйдом в 1867 году и доработанной Гербертом Джайлсом в 1892 году. Эта система получила название почтовая латинизация (романизация), поскольку она использовалась в почтовом ведомстве Китая [46]. В 1950-х годах группой китайских лингвистов была разработана новая система записи китайских слов латинскими буквами, которая была введена в

КНР в 1958 году, а в 1986 году принята Организацией Объединённых Наций. Её называли пиньин (拼音) ‘произносимые звуки’ [55].

Понятно, что во времена К.Ф. Неймана ни почтовой романизации, ни пиньин не было, он записывал китайские слова на свой вкус – так, как ему казалось, что запись отражает реальное звучание. При этом нужно учесть, что учёный находился в южном Китае: 8 сентября 1830 года он прибыл в Макао, а в начале октября отправился в Кантон (ныне Гуанчжоу 广州 Guǎngzhōu), где провёл почти 3 месяца в ожидании корабля [44]. Кантонский диалект значительно отличается от пекинского, вплоть до непонимания между коммуникантами [52], поэтому запись немецким учёным китайских имён, названий, реалий не всегда может быть легко понята, а ещё нужно учесть, что они были транскрибированы переводчиком на русский язык, что вносит дополнительные трудности в их идентификацию.

Изучению китаизмов в отмеченных выше текстах XVII–XIX веков на русском языке будут посвящены наши следующие статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианова-Перетц В.П. Путешествия первой половины XVII в. / В.П. Адрианова-Перетц // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 118–126.
2. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В.А. Александров. – Хабаровск. 1984. – 275 с.
3. Анисимов А.Л. Дальневосточная политика США в 30–60 гг. XIX века (отношения США с Цинской империей и Японией): Автореф. дисс. <...> д-ра ист. наук. Волгоград, 2007. – 85 с.
4. Белинский В.Г. Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845 / В.Г. Белинский // Отечественные записки. – 1845. – Т. – XLI. – № 8. Отд. V: Критика. – С. 23–48.
5. Булгарин Ф.В. Сочинения / Сост., автор вступ. ст. и прим. Н.Н. Львова. – М.: Современник, 1990. – 702 с.
6. Бутаков А.М. Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах / Послесловие Р. Светлова, перевод приложений Ю. Филиппова / А.М. Бутаков, А.Е. Тизенгаузен. – М.: АСТ, 2002. – 400 с.
7. Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси / Е.М. Верещагин. – М.: Наука, 1996. – 207 с.
8. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. – Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. – 480 с.
9. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. – М.: Ломоносовъ, 2011. – 506 с.
10. Демидова Н.Ф. Первые русские дипломаты в Китае / Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1966. – 159 с.
11. Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.) / Д.В. Дубровская. – М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2001. – 251 с.
12. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов / В.П. Илюшечкин. – М.: Наука, 1967. – 394 с.
13. История русской журналистики XVIII–XIX веков. – М.: Высшая школа, 1966. – 516 с.
14. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. IX–X / Н.М. Карамзин. – М.: Юрайт, 2017. – 252 с.
15. Концевич Л.Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте / Л.Р. Концевич. – М., Муравей, 2002. – 262 с.
16. Кычанов Е.И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) / Е.И. Кычанов // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, 1993. – С. 148–149.
17. Лапин П.А. Школа русского языка при Дворцовой канцелярии в Цинском Китае (начало XVII – вторая половина XIX в.) / П.А. Лапин // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2009. – № 3. – С. 103–126.
18. Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае / П.А. Лапин. – М.: Вост. лит., 2009. – 125 с.
19. Люстров М.Ю. Шведский перевод «Росписи Китайскому государству» И. Петлина / М.Ю. Люстров // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 2-2. – С. 261–267.
20. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 1. – М.: Русские словари, 1994. – 819 с.

21. Молчанов Л.Л. Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей / Л.Л. Молчанов // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1988: Тез. докл. науч.-практ. конф. / [Отв. ред. В.В. Седов]. – Псков: Б. и., 1989. – С. 103–105.
22. Мясников В.С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина / публ. и вступ. ст. // Советское китаеведение. – 1958. – № 1. – С. 146–152.
23. Нейман К.Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 гг. / Пер. П. В. Голубкова. – М.: Тип. В. Готье, 1848. – II + 183 с.
24. Нейман К.Ф. Современное положение Китая и его отношение к союзникам / К.Ф. Нейман // Русский вестник. – 1858. – Т. 16. – № 12. – С. 313–340; № 13 (июль, кн. 1). – С. 3–26; № 15 (август, кн. 1). – С. 233–246; № 16 (август, кн. 2). – С. 337–364.
25. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин: XVII – начало XX века / О.Е. Непомнин. – М.: Вост. лит., 2005. – 712 с.
26. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов / Пер. с монг. Норовсамбуу Хишигт. – Элиста: КИГИ РАН. 2016. – 286 с.
27. П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение: Матер. конф. / Под ред. А.Н. Хохлова. В 3 ч. – М.: Наука, 1979.
28. Палладий, арх. (преосв.). Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Духовная беседа. – 1863. – Т. XVIII. – №27. – С. 368–370; Живая старина. – 1894. – № 1. – С. 65–67.
29. Петров Ф.А. Бычков Афанасий Фёдорович // Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 109–110.
30. Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году: (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.) / Ф.И. Покровский. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1914. – 48 с.
31. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / Ред., вступ. статья и примеч. Н.П. Шастиной. – М.: Географгиз, 1957. – 270 с.
32. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 году // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. Часть вторая. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1818. – С. 211–246 (сплошная пагинация с первой частью).
33. Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с дополнениями Августом Бюрком, с дополнениями и поправками Карла Фридриха Неймана; Пер. с нем. А.Н. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1861. – Кн. 3, 4. – 1862. – Кн. 1, 2, 3, 4.
34. Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августом Бюрком / С доп. и поправками Карла Фридриха Нейманна; Пер. с нем. А.Н. Шемякина. – [М., 1862]. – IV + 528 с.; – М.: Унив. тип., 1863. – IV + 529 с.
35. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002. – 970 с.
36. Русско-китайские отношения в XVII в.: Матер. и док. В 2 т. Т. 1: 1608–1683 / [Сост. М.Б. Давыдова, В.С. Мясников; отв. ред. С.Л. Тихвинский]. – М.: Наука, 1969. – 611 с.
37. Савельев Н.Я. Пётр Кузьмич Фролов: Жизнь и деятельность новатора русской техники XIX века / Под ред. Д.И. Абрамовича. – Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1951. – 144 с.
38. Санькова С.М. Обучение М.Н. Каткова в Берлинском университете как переломный момент в становлении его мировоззрения / С.М. Санькова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2008. – № 12. – С. 21–26.
39. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Том второй. Кн. 5-8 / И.П. Сахаров. – СПб.: Тип. Сахарова, 1849. – 224 с.
40. Строев П.М. обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного камергера и кавалера графа Фёдора Андреевича Толстова / П.М. строев. – М.: Тип. С. Селивановского, 1829. – XXIV + 592 с.
41. Супрун В.И. Славянские языки в современном Китае / В.И. Супрун, Ван Цзинлинь // Универзитетска славистика: традиције, савремено стање, перспективе // Уредник д-р Ксенија Кончаревић. – Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017. – С. 313–325.
42. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и Профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером / И.Е. Фишер. – СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1774. – 631 с.

43. Bergeron P. Traite des Tartares, de leur origine, païs, peuple, moeurs religion, guerres, conquêtes, empire, & son etenduë: de la suite de leurs Chamset Empereurs; Etats & Hordes diversesjusqu' aujourd'hui. Le toutrecueilli de divers auteurs; memoires, & relations antiques & modernes / P. Bergeron. – Paris: Michel Soly, 1634. – P. 192–205.
44. Dickerhof H. Neuman, Karl Friedrich // Neue Deutsche Biographie / Generalredaktor Dr. Fr. Menges. Band 19. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – S. 147–148.
45. Fischer I.E. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen / I.E. Fischer. – SPb.: Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1768. – 2 + 10 + 536 S.
46. Harris L.J. «A Lasting Boon to All»: A Note on the Postal Romanization of Place Names, 1896–1949 / L.J. Harris // Twentieth-Century China. – 2009. 34(1). – P. 96–109.
47. Lovell J. Opium War: Drugs, Dreams and the Making of China / J. Lovell. – Basingstoke/Oxford: Picador, 2011. – 458 p.
48. Masson D. The Life of John Milton narrated in connexion with the political, ecclesiastical, and literary history of his time. Vol. 6 / D. Masson. – London: Macmillan and Co, 1880. – 840 p.
49. Milton J. A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of Several Eye-witness / J. Milton. – London: printed by M. Flescher, for Brabazon Aylmer, 1682. – 109 p.
50. Neumann K.F. Russland und die Tscherkessen / K.F. Neumann. – Stuttgart und Tübingen: Cotta'sche Buchhandlung, 1840. – 154 c.
51. Neumann K.F. Geschichte der Afghanen. Leipzig / K.F. Neumann. – 1846.
52. Snow D. Cantonese as Written Language: the Growth of a Written Chinese Vernacular / D. Snow. – Hong Kong: University Press, 2004. – 308 p.
53. Wong J.Y. Deadly dreams: opium, imperialism, and the Arrow War (1856–1860) in China / J.Y. Wong. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998. – XX + 542 p.
54. 张维华, 孙西. 清前中俄关系. – 济南: 山东教育出版社, 1997. – 359页
55. 尹斌庸, Felley M. Chinese Romanization: Pronunciation & Orthography: 汉语拼音和正词法. – 北京: 外文出版社, 1990. – 598 c.

Поступила в редакцию 09.10.2021 г.

RUSSIAN SOURCES ON THE HISTORY OF SINOISMS: REPORTS ON CHINA IN RUSSIAN TEXTS OF THE XVII-XIX CENTURIES

V. I. Suprun, Weng Jiatong

The article deals with the study of Russian-Chinese contacts and the history of texts describing the life of China. Russian soldiers' stay in China in the XIV century, the emergence of Russian contacts with the Middle Empire in the XVII century are revealed. The history of the manuscript of Ivan Petlin and its translation into European languages is analyzed. The history of the appearance of the article by the German orientalist Karl Friedrich Neumann in the journal «Russkiy vestnik (Russian Bulletin)» is considered.

Key words: sinoism, Russian, Chinese, translation, transcription, palladica, pinyin, Russkiy Vestnik, Ivan Petlin, Karl Friedrich Neumann.

Супрун Василий Иванович.

Доктор филологических наук, профессор.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности.

Е-mail: suprun@vspu.ru

Вэн Цзятун.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности.

Е-mail: ong.valentine@yandex.ru

Suprun Vasily Ivanovich.

Doctor of Philology, Professor.
Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Professor of Department of the Russian Language and Methods of its Teaching at the Institute of Russian Language and Literature.

Е-mail: suprun@vspu.ru

Weng Jiatong.

Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Post-graduate student of Department of the Russian Language and Methods of its Teaching at the Institute of Russian Language and Literature.

Е-mail: ong.valentine@yandex.ru

УДК 81.161.1

О ЗАРОЖДЕНИИ ИДЕЙ ПЕРЕХОДНОСТИ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

© 2021 Т.С. Винникова-Закутняя

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

В статье представлен обзорный анализ зарождения идей переходности с целью определения предпосылок теоретического осмысления проблемы транспозиции частей речи. Основное внимание уделено рассмотрению изысканий М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Г.П. Павского, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого.

Ключевые слова: транспозиция частей речи, переход, явления переходности, взаимодействие.

Процессы транспозиции в русском языкознании на протяжении нескольких эпох носят дискуссионный характер, что говорит о необходимости историографической систематизации материала по данному вопросу и обуславливает актуальность нашего исследования.

Целью данной статьи является обзор зарождения идей переходности в российском языкознании периода XVIII – 30-х гг. XX вв. для определения предпосылок теоретического осмысления затронутой проблемы.

В «Толковом словаре иностранных слов» Л.П. Крысина лингвистический термин *транспозиция* истолкован как «переход слова из одной части речи в другую (в неизменном виде или с добавлением аффиксов) или использование одной языковой формы в функции другой» [9]. Ученые с разных позиций исследуют процессы переходности среди частей речи, которые А.М. Пешковский образно назвал «вечными», поскольку они делятся «не одно столетие, современное, в частности, ... мы останавливаемся с удивлением над словом и не знаем, к какой части речи его отнести». Наряду с принятием лингвистами классификации частей речи, по-прежнему спорной остается возможность распределения между ними абсолютно всех слов. Не одно столетие такие случаи стимулируют исследовательский интерес к рассмотрению межчастеречных переходов. На современном этапе их изучают в словообразовательном, морфологическом и синтаксическом аспектах, выделяют неполную (синтаксическую) и полную (морфологическую) транспозицию, диахронический или синхронический переход единиц одного класса в другой и т.п.

Однако теоретическому изучению проблем транспозиции частей речи предшествовал этап (условно назовем его предтранспозиционным), который был ознаменован наблюдениями над конкретными явлениями перехода слов из одной категории в другую и нашел отражение, в первую очередь, в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, а далее в исследованиях лингвистов периода XIX – 30-х гг. XX вв.

М.В. Ломоносов в своих исследованиях впервые отметил слова, которые употребляются как существительные, но при этом имеют морфемную структуру, свойственную прилагательным [12, с. 464]. Ученый рассматривал конкретные случаи частеречной переходности, но конечно же без использования соответствующей терминологии, например, способность притяжательного местоимения *свой* к субстантивации и др.

Классификация частей речи (знаменательных слов), предложенная М.В. Ломоносовым, позволила определить важные для теории переходности свойства.

Исследователь выделял главные части речи, к которым относил имя и глагол, а также служебные части речи (местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междометие). Ученый не принял концепцию отождествления логического расчленения мира и разделения слов на части речи, присущую ранним грамматическим системам, поскольку анализировал частеречную принадлежность лексических единиц исключительно в аспекте функционально-семантической нагрузки, что впоследствии оказалось важным для развития теории переходности частей речи. Детальное описание морфологических свойств частей речи в их взаимодействии является одним из основных вкладов М.В. Ломоносова в развитие грамматической науки. Формальный, функциональный и стилистический аспекты изучения грамматического строя русского языка, представленные в органическом взаимодействии в исследованиях ученого, позволили предопределить дальнейшее развитие русской грамматики на несколько десятилетий.

Н.И. Греч в работе «Практическая русская грамматика» (1827) представил новые утверждения относительно отдельных частей речи, а также их взаимодействия, в том числе классифицировал их следующим образом: к самостоятельным (знаменательным) отнес существительные, прилагательные, местоимения, глаголы, причастия, наречия и деепричастия, а предлоги, союзы и междометия назвал словами служебными (частицами), но при этом, видимо, предвзято идеи теории переходности, противопоставил междометия другим словам. В дальнейшем немаловажным для развития теории переходности стал так называемый «перевод» наречия из разряда служебных слов в систему самостоятельных частей речи.

При том, что концепция явлений переходности как таковая ученым не была определена, мы встречаем в его работе описание некоторых случаев употребления существительных в роли прилагательных: «§ 58. При образовании и склонении прилагательных надо учитывать, что: 1. Прилагательные, которые имеют значение существительных (например, *портной, часовой, вестовой, кормчий, кладовая, холодное*), склоняются как прилагательные качественные...» [7, с. 31].

Н.И. Греч считал субстантивацию прилагательных (термин *субстантивация* не использовался) следствием условного «опущения» одних частей речи и замены их другими. При этом новая часть речи в полной мере приобретала значение так называемой опущенной (слово *зодчий* – пример полного замещения) или же при новой части речи она только домышлялась (слово *слепой* – пример неполного замещения). В описанных случаях, по мнению лингвиста, прилагательное приобретало свойства, присущие существительному, но не переходило полностью в его категорию [7]. Современный терминологический аппарат дает возможность понять, что Н.И. Греч истолковывал представленные примеры перехода частей речи как синтаксическую транспозицию, которая подразумевает изменение только синтаксической функции исходной единицы без изменения её частеречной принадлежности.

Термин *части речи* был введен в научное использование в XIX веке. А.Х. Востоков одним из первых начал его применять и перечислил в «Российской грамматике» (1831) восемь частей речи, причем выделил прилагательное из имени как особой части речи, кроме того, считал причастия «прилагательными действенными», а также относил числительные к прилагательным. В процессе анализа частей речи как грамматических разрядов слов для ученого первостепенным оставалось реальное значение слова, но при этом немаловажная роль отводилась его морфологическим характеристикам и структурным особенностям. В.В. Виноградов подчеркнул, что одной из заслуг А.Х. Востокова является выделение основных грамматических категорий каждой части речи, а также их описание на доступном уровне [4, с. 49]. Идеи А.Х. Востокова оказали

влияние на развитие грамматической теории в целом и теории переходности в частности. Замечание исследователя относительно переходности (гибридности) у причастий [6, с. 36] (специальная терминология не применялась) носит актуальный характер до сегодняшних дней при изучении взаимодействия частей речи. По его мнению, причастия являются образованными от глагола прилагательными, поскольку это слова с «означением» (рус.) времени, как и глаголы [6, с. 67]. Лингвист обратил внимание на прилагательные, которые употребляются вместо существительных (*Борисов, Киев* и т.д.) и рассмотрел особенности их изменения, отметил возможность использования существительных в роли наречий (*кругом, верхом, даром* и т.д.) [6].

В кратком общетеоретическом вступлении о частях речи в работе Г.П. Павского «Филологические наблюдения над строением русского языка» сделан обзор морфологического строения русских слов, на фоне которого уделено внимание распределению слов между частями речи [13, с. 5–14]. Ученый не поднимает вопрос о явлениях частеречной переходности как таковых, но при этом констатирует их в своем труде, описывая ряд наблюдений: объясняет пребывание существительного во взаимоотношениях с другими частями речи вхождением в его основы половины корневых морфем русского литературного языка [14, с. 17]; определяет местоимение как слово, которое не заменяет имя, а лишь указывает на него [14, с. 249–250]; обосновывает грамматическую самостоятельность числительных и выделяет их в равноправную самостоятельную часть речи [14, с. 252]. Научные изыскания Г.П. Павского в будущем послужили опорой для языковедов при анализе проблемы переходности среди частей речи в лингвоисториографическом ключе [16, с. 12].

Достаточно основательным является исследование проблемы перехода слов из одной части речи в другую в работах Ф.И. Буслаева. Ученый включил в число служебных числительные и местоимения; как и А.Х. Востоков, выделил имя прилагательное; классифицировал девять частей речи: к самостоятельным отнес существительное, прилагательное, глагол, а к служебным причислил местоимение, числительное, предлог, союз и наречие; охарактеризовал междометие как особый разряд слов, выражающих ощущения; зафиксировал случаи субстантивации, то есть перехода различных частей речи в существительные (без использования термина *субстантивация*) и др. [3, с. 43]. Рассматривая «опущение» определённых лексико-грамматических классов слов в русском языке, Ф.И. Буслаев утверждал, что опущенное существительное можно восстановить при прилагательных только мужского и женского рода благодаря так называемому домысливанию (например, *нелегкая, подноготная* и др.), которое становится невозможным при прилагательных среднего рода (например, *соединяй приятное с полезным* и др.) [3, с. 202, 204]. Таким образом, «опущение» было истолковано в ключе явлений переходности (*сытый голодного не поймет* – опущено *человек*). Также был приведен ряд примеров, иллюстрирующих использование других частей речи вместо имен существительных: *громогласное ура, жемчужное* (украшение из жемчуга), *частую ходим* (прилагательное вместо наречия *часто*), *жив человек живу и помышляет* и т.п. Кроме того, Ф.И. Буслаев выделил возможные случаи сокращения предложения вследствие «перехода глаголов в имена», в качестве примера привел сокращение полного предложения до отдельного члена («тот, кто виноват = виновник») [3, с. 307].

Описание явлений перехода в системе частей речи в работах А.А. Потебни носит спорадический характер, но при этом следует отметить, что его достижения в дальнейшем были использованы для решения некоторых грамматических проблем. Ученый применял термин *части речи* и классифицировал их следующим образом: 1) знаменательные (или

настоящие): существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие. 2) слова по форме (или служебные): союзы, предлоги, частицы и вспомогательные глаголы [17, с.82]. Исследователь трактовал переходность как склонность языковой системы в целом к непрерывным преобразованиям: относил части речи к исторически сложившимся категориям, но вместе с тем подчеркивал их способность к изменениям, на фоне которой рассматривал синтаксические и семантические особенности субстантивации (без применения термина), установил ее степени.

В трудах А.А. Потебни приведены многочисленные примеры, подчеркивающие отсутствие необходимости использовать определительный компонент. Например, опущение слов *мужчина*, *женщина* относительно слов *родной*, *больная* и др. [18]. Позднее его мнение разделили В.В. Виноградов, М.Ф. Лукин и др. [5, с. 48; 11, с. 84].

Достижения И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого (представителей Казанской лингвистической школы) в области исследования обозначенной проблемы впоследствии оказали влияние на решение общетеоретических транспозиционных вопросов и предопределили некоторые основы морфологической транспозиции.

Применение психологического подхода к изучению категорий частей речи позволило И.А. Бодуэну де Куртенэ выделить надязыковую, умственную природу частеречного значения. Лингвист представил в своих трудах ряд наблюдений над грамматическими особенностями отдельных частей речи, в том числе и над явлениями частеречной переходности: обратил внимание на системную зависимость языковых изменений от изменений в сознании, на основе чего сформулировал гипотезу о наличии в языке тенденции к усилению количественных изменений в морфологической подсистеме, предусматривающих для части речи возможность получить широкое значение в семантическом аспекте [2].

Вышесказанное иллюстрирует *транспозитивную деривацию* (термин Е.С. Кубряковой), которая «не только меняет знак функции, но и позволяет осмыслить события, факты, качества и явления как некоторые аналоги предметов в невидимом мире», вследствие чего выделяется периферийная сфера частей речи [10, с. 76].

Н.В. Крушевский в «Очерке науки о языке» (1883) рассматривал примеры образования слов одной части речи от другой. Классифицируя слова на самостоятельные и служебные, ученый выделил доли различных ступеней (например: наречия – доли первой ступени; предлоги – доли второй ступени и т.п.). Ценными являются замечания исследователя о происхождении одной знаменательной категории от другой, а также «о развитии долей низших ступеней из долей высших ступеней» [8, с. 142]. В дальнейшем эти наблюдения послужили комментарием для примеров, иллюстрирующих функциональные вводно-модальные слова, соотносительные с краткими прилагательными, предикативами и наречиями, а также переход слов из существительных в наречия вследствие утраты значения предметности, а затем в предлоги, союзы, частицы в результате потери полноточности, [22, с. 11; 23, с. 180].

В основе системы частей речи, предложенной В.А. Богородицким, лежат синтаксические категории [19, с. 84]. Ученый предложил следующую классификацию: 1) слова с собственным самостоятельным значением, к которым отнес существительное, глагол, личное местоимение; 2) знаменательные слова, имеющие меньшую степень самостоятельности, зависящие от существительного (прилагательные, числительные и определительно-указательные местоимения) или глаголы (наречия и деепричастия); 3) слова без собственного значения (частицы, или «словечки отношений»: предлоги и наречия); 4) междометие (стоит отдельно от других разрядов) [1, с. 106].

Исследователь считал, что при определении частеречной принадлежности слова необходимо брать во внимание не только его значение, но и особенности словоизменения, а также учитывать возможность соподчинения одних частей речи другим, что обычно остается за рамками школьной грамматики [1, с. 104]. В.А. Богородицкий отмечал, что переход одних знаменательных частей речи в другие не уменьшает полноту, а приводит лишь к изменению категориального значения и других грамматических признаков слов; уменьшить же полноту может, например, переход наречия в союзы, предлоги, частицы, которые будут служить для выражения грамматических связей между словами или предложениями [1, с. 193].

А.М. Пешковский детально рассматривал взаимодействие частей речи и утверждал, что переходные явления делают возможными сложные преобразования в семантико-грамматической структуре языка; считал переход слов из одной категории в другую результатом происходящих в них звуковых и семантических изменений. Ученый выделял глагол, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деепричастие, инфинитив; местоимение и числительное не относил к самостоятельным частям речи; только в синтаксическом аспекте анализировал служебные слова. Лингвист детально охарактеризовал три стадии субстантивации прилагательных с учетом семантических и синтаксических особенностей данного процесса, что позволило ввести тенденцию диахронического подхода к изучению переходных явлений [15].

Наблюдая за конкретными случаями перехода слов из одной части речи в другую, А.А. Шахматов ввел в научное использование термины *субстантивация*, *вербализация*, *адвербиализация*, *предикативация*, *прономинализация*, *конъюнкционализация* и др. [20; 21].

Анализ теоретического наследия ученых периода XVIII – 30-х гг. XX вв. позволил нам выяснить следующие предпосылки теоретического осмысления проблемы транспозиции частей речи: 1) накопление значительного по объему фактического материала; 2) расширение круга изучаемых переходных явлений; 3) постулирование новых для грамматики тезисов относительно отдельных частей речи, их взаимодействия и явления переходности; 4) формулирование идей, которые оказали влияние на дальнейшее развитие грамматической теории в целом и теории переходности в частности; 5) детальное описание конкретных явлений транспозиции без употребления терминологии.

Описанные достижения в лингвистике в период так называемого предтранспозиционного этапа определяют перспективность дальнейшей работы, поскольку попытки выявления закономерностей переходных явлений могут быть результативными лишь при условии сопоставления однотипных фактов в четкой хронологической последовательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – 5-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В.А. Богородицкий. – М. – Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 354 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 1. – 385 с.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
4. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1972. – 614 с.
6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст] / А.Х. Востоков. – СПб., 1831. – 496 с.

7. Греч Н.И. Практическая русская грамматика [Текст] / Н.И. Греч. – СПб.: Император. типогр. СПб. восп. дома, 1827. – 588 с.
8. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке [Текст] / Н.В. Крушевский. – Казань: Типография Императорского Университета, 1883. – 149 с.
9. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст]. Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва: Рус. яз., 1998. – 846 с.; (Библиотека словарей русского языка).
10. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.
11. Кушнина Л.В. Смысловое поле текста: динамика образа в процессе транспонирования // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. – Пермь: ПГТУ, 2002. Вып. 5. – С. 157–162.
12. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Текст] / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. Труды по филологии. – 996 с.
13. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение первое [Текст] / Г.П. Павский. – СПб., 1841–1842. – 166 с.
14. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Об именах существительных. Рассуждение второе – Изд. стереотип. [Текст] / Г.П. Павский. – М.: Издательство Юрайт, Серия: *Лингвистическое наследие XIX века*, 2021. – 376 с.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст]. – 8-е изд., доп. / А.М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
16. Поспелов Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции: материалы к курсам языкознания [Текст] / Н.С. Поспелов. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – 36 с.
17. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1/2. – 536 с.
18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного в 2 ч. Часть 1 / А.А. Потебня. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 265 с.
19. Ситько Ю.Л. Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века – I половины XX века (на примере понятия *части речи*) [Текст] / Ю.Л. Ситько. – Севастополь: Рибэст, 2007. – 140 с.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз (Ленингр. отделение), 1941. – 620 с.
21. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов ; под редакцией С. П. Обнорского. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 395 с.
22. Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: учеб. пособие [Текст] / В.В. Шигуров. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, 1988. – 88 с.
23. Шигуров В.В. Функциональные вводно-модальные слова, соотносительные с краткими прилагательными, предикативами и наречиями [Текст] / В.В. Шигуров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 179–181.

Поступила в редакцию 22.10.2021

ON ORIGIN OF IDEAS OF TRANSITIVITY BETWEEN PARTS OF SPEECH IN RUSSIAN LINGUISTICS

T.S. Vinnikova-Zakutniaia

The article provides an overview of ideas of transitivity in order to determine the grounds for theoretical interpretation of the problem of parts of speech transposition. A special attention is paid to views by M.B. Lomonosov, N.I. Grech, A.Kh. Vostokov, G.P. Pavsky, F.I. Buslayev, A.A. Potebnya, N.V. Krushevsky, V.A. Bogoroditsky.

Key words: parts of speech transposition, transition, transient phenomena, interaction.

Винникова-Закутняя Татьяна Сергеевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».

Доцент кафедры русского и иностранных языков.

E-mail: w380505288601@gmail.com

Vinnikova-Zakutniaia Tatyana Sergeievna.

Candidate of Philology.

Donbass Agrarian Academy.

Associate Professor of Department of the Russian and foreign languages.

E-mail: w380505288601@gmail.com

УДК 81'42

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021 Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена наиболее популярной единице в интернет-коммуникации – интернет-мему. В работе рассматривается влияние мема на пользователей Интернета. Актуальность статьи обусловлена широкой распространенностью интернет-мемов в виртуальном пространстве и недостаточной изученностью их воздействия на реципиентов. В исследовании рассмотрены основные признаки интернет-мема. Перспективность дальнейшего исследования обусловлена глобализацией данного явления и широким охватом аудитории. Перспективы дальнейшего изучения темы целесообразно рассматривать в контексте интернет-сообществ и групп.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-коммуникация, прецедентный текст, прагматический потенциал, картина мира.

В современной интернет-коммуникации прослеживается тенденция к визуализированной информации. Так, невербальный контент может быть представлен различными единицами: картинками, «гифками» (*GIF* – англ. *Graphics Interchange Format* «формат для обмена изображениями»), фотографиями, изображениями с элементами фотошопа и др. Однако нужно учитывать, что невербальная составляющая не изолирована от текстовой, и наибольшее воздействие на реципиентов создается благодаря взаимодействию этих составляющих.

Несмотря на многообразие креолизованных единиц в интернет-коммуникации, особое место занимают интернет-мемы. Первоначально понятие мема было тесно связано с биологической научной парадигмой. Ричард Докинз, английский этолог и биолог, выдвинул теорию о схожести мема и гена в генетике, т.е. мем стали рассматривать как «единицу передачи культурного наследия, единицу имитации» [2]. По мнению ученого «примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [2, с. 189]. Мемы конкурируют между собой в интернет-среде, следуя одной цели – репликации, при этом невозможно предсказать последствия их движения.

Следует отметить, что первоначально у интернет-мемов не было первостепенной задачи стать культуросодержащими и культуропередающими элементами, но, учитывая, что современное интернет-общество можно отнести к инстант-культуре (англ. *instant*: 1) мгновение, миг, момент; 2) текущий момент, настоящий момент. Ускоренные действия молодежи, характерные для постмодерна), мемы стали идеальными трансляторами культуры общества. Инстант-культура преимущественно свойственна молодежи и формирует потребность в быстрых результатах, удовольствиях, действиях, а также отказ от каких-либо обязанностей и долгосрочных связей, без привязанности к прошлому или будущему, т.е. существование в конкретном моменте здесь и сейчас.

При создании мемов пользователи Сети передают свое миропонимание, отношение к социальным и политическим проблемам, эмоциональный настрой. Мемы могут передавать любую культурно значимую информацию в сжатом виде: информацию о ситуации, о тексте-источнике, о социальных группах и т.д., поэтому мы можем считать их разновидностью прецедентных текстов. Мемы появляются как реализация творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на социально значимые изменения в обществе, а их распространению способствуют простота воспроизведения и восприятия, комическая составляющая, а также актуальность и злободневность затронутой темы, но учитывая быстрый и зачастую бесконтрольный характер распространения информации, сложно заранее предугадать, будет ли тот или иной мем реплицироваться.

Учитывая прецедентный характер мемов, пользователи социальных сетей должны уметь корректно их декодировать, для этого нужно обладать определенной культурной базой, т.е. «мемы являются способом определить наше онлайн "племя", или наше представление о нем в данный момент времени» [7]. Так, при передаче мемов, прежде всего учитывается способность адресата к декодированию пересылаемой информации. Мемы могут реализовываться в обществе, распространяться, трансформироваться, транслировать определенную точку зрения, т.е. благодаря своей простоте и скорости распространения быть проводниками «идеального дискурса» [8].

Исследователи интернет-мемов рассматривают различные типологии для выявления моделей воздействия на реципиентов. Так, Д. Рашкофф рассматривает мемы как скрытый идеологический код, который способен воздействовать на человека, как медиавирус и выделяет три типа: 1) искусственно созданные мемы (преднамеренно созданные мемы для продвижения какого-то товара или идеи); 2) «кооптированные» вирусы, или «вирусы-тягачи» (мемы, созданные спонтанно, но используемые для продвижения собственных идей); 3) полностью самозарождающиеся вирусы (мемы, которые распространяются сами по себе) [5]. Главным недостатком данной теории становится невозможность с точностью определить намерено ли создан мем или нет.

Важным этапом в исследовании теории мемов является исследование Р. Броуди, который, аккумулировав теории Рашкоффа и Докинза, рассматривал мем как некую репрезентацию знаний, как образ необходимый для того, чтобы у людей «возникло большее количество его копий» [1]. Таким образом, мемы – это репликаторы, воспроизводящие процесс мышления.

Ю.В. Щурина рассматривает интернет-мемы, учитывая их носители: 1) текстовый мем; 2) мем-картинка; 3) видеомем; 4) креолизованный мем [6]. Но данная классификация не учитывает аудио-мемы. А.Г. Квят рассматривает типологию мемов на основе их воплощения в медиаобъектах: 1) речевые клише; 2) визуальные и аудиовизуальные объекты; 3) образы реальных или вымышленных персонажей медиапространства; 4) бренды компаний или товаров; 5) тематические доминанты медиапространства [4]. Данная типология представлена достаточно широко, однако не дает четких принципов разграничения: так, один и тот же мем может одновременно относиться к разным типам.

Перспективной и актуальной представляется теория Н.А. Зиновьевой, которая выдвинула типологию по принципу дихотомий [3]. Данный подход учитывает следующие признаки: 1) источник мема; 2) объект реальности, требующий отражения; 3) апелляция к уровню включенности в культуру; 4) смысловые доминанты; 5) форма отображения; 6) эффект воздействия [там же]. По мнению исследователя, данная

типология претендует на описание любого интернет-мема и его воздействия на реципиента.

Первый признак – источник мема, включает дихотомию *истина-ложь*, т.е. в Интернете функционируют искусственные, ложные мемы, которые специально созданы рекламными компаниями, в противовес им активно распространяются истинные мемы, которые вызывают у реальных пользователей эмоциональный отклик и не имеют коммерческой составляющей (к данной разновидности относится большая часть мемов в сети Интернет) (Рисунок 1). Если истинные, самозародившиеся мемы используются в рекламных и маркетинговых компаниях, то их можно отнести к ложным мемам (Рисунок 2). Подобные мемы еще называют форсированными, т.е. специально созданными для воздействия на аудиторию с целью создания положительного образа услуги, товара и их продвижения.

Рисунок 1

Рисунок 2

Второй признак – конкретно выраженный объект реальности, отражает дихотомию *персонаж-событие*. Данная разновидность мемов представляет определенного персонажа со своей историей, смыслом и ярко выраженной эмоцией. Текстовая составляющая подобных мемов призвана усилить эффект на реципиентов и сделать мем более понятным и простым для восприятия (Рисунок 3, 4).

Рисунок 3

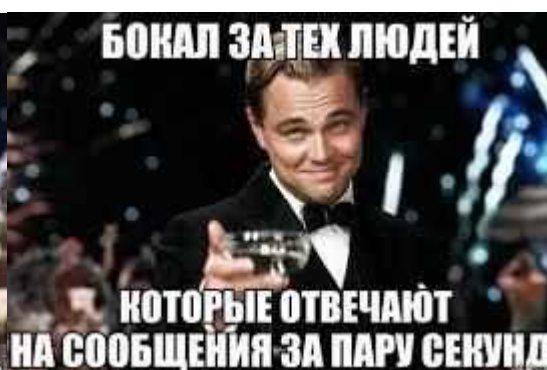

Рисунок 4

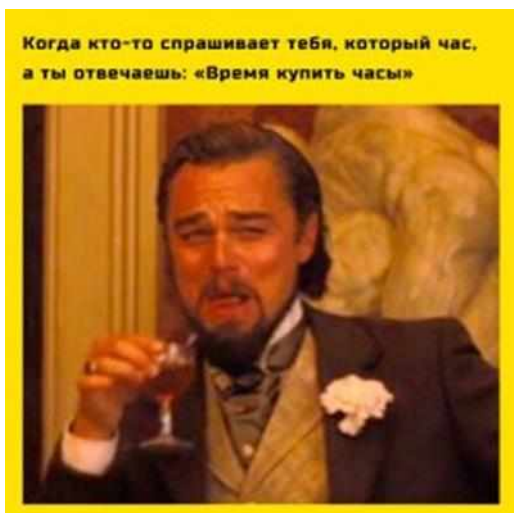

Рисунок 5

Образ Леонардо Ди Каприо, поднимающего бокал (фрагмент из фильма «Великий Гэтсби»), стал одним из самых популярных шаблонных образов для провозглашения любых тостов и поздравлений. Схожая ситуация с образом актера повторилась после фильма «Джанго Освобождённый», в котором Ди Каприо также поднимал бокал, однако пользователи Сети наделили его иной эмоционально-смысловой составляющей. Так, данный образ стал выражать насмешливое превосходство над собеседником, ситуацией или реакцию на удачную, едкую шутку, розыгрыш.

Следующий признак – апелляция к уровню включенности в культуру отражает дихотомию *традиция – инновация*. Это наиболее сложная для понимания категория, т.к. для корректной интерпретации мема у пользователей Интернета должен быть общий культурный фон, они должны относиться к одной исторической и культурной группе, в противном случае мем не достигнет нужного эффекта и это приведет к коммуникативной неудаче. Как правило, объектами мема становятся известные фразы из фильмов или образы конкретных людей или персонажей в определенной ситуации (Рисунок 6, 7).

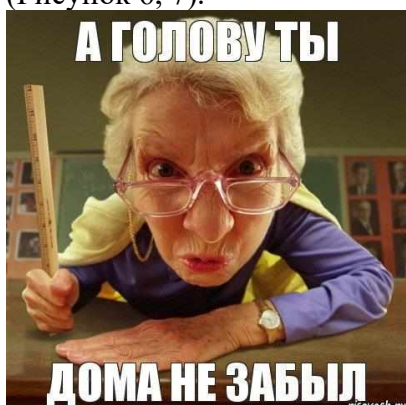

Рисунок 6

Рисунок 7

Смысловые доминанты отображают дихотомию *фон-фигура*, т.е. это образы конкретных персонажей, выразителей культуры со сформировавшимся образом, значением и смыслом. Благодаря доминантному мемному персонажу создается смысловой диссонанс с фоном, что приводит к комическому эффекту (Рисунок 8). Стоит отметить, что не только персонаж, но и сам фон может придавать смысла мему, как правило, фон служит выразителем конкретной эмоции, что помогает пользователям Интернета сразу понять настроение, заложенное автором мема (Рисунок 9).

Рисунок 8

Рисунок 9

Рисунок 10

Форма отображения реализуется в дихотомии *изображение-текст*, т.е. здесь важно определить, что является мемом первоначально – текст или изображение. Так, новая подпись к иконической части может реанимировать уже существующий или забытый мем и наоборот. Именно креолизация текста и изображения создает уникальные мемные образования, с неожиданным содержанием или подтекстом (Рисунок 10).

Последняя разновидность – эффект воздействия, отражает дихотомию *мысль-действие*, здесь можно рассматривать несколько разновидностей мемов: мемы, которые подталкивают пользователей к конкретным действиям и вызывают определенные эмоции. В подобных мемах часто используются глаголы в повелительном наклонении (Рисунок 11). Ко второй разновидности можно отнести так называемые мемы-флешмобы, призывающие пользователей Интернета повторить действия, слова, позы и проч. (Рисунок 12). Данная разновидность мемов направлена на реципиентов, которые несомненно поймут их смысл и распространят в Интернете.

Рисунок 11

Рисунок 12

Учитывая вышеизложенные факты, можно говорить о том, что мем благодаря интерактивному характеру аккумулирует идеи, образы, участвует в процессе создания и распространения культурно значимых ассоциаций и создает ощущение сопричастности интернет-пользователей. Мемы дополняют картину мира, отражая национальную специфику, а приведенная типология демонстрирует их воздействие на пользователей сети Интернет. Особый интерес представляет использование мемов для

малых групп и сообществ, что, несомненно, требует дальнейшего исследования и расширения данной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание / Р. Броуди. – М.: Поколение, 2007. – 304 с.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз – М.: Мир, 1993. – 318 с
3. Зиновьева Н.А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов / Н.А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 195–201.
4. Квят А. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход / А. Квят // Медиаскоп. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/1254#24> (дата обращения: 12.11.2021).
5. Рашкофф Д. Медиавирус! Как попкультура воздействует на сознание / Д. Рашкофф. – Режим доступа: <http://mediavirus.narod.ru/02.html> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Филология. – 2012. – № 3. – С. 160–172.
7. Burgess T. Friday Fun: What Different Types of Memes Say About IT Service Management Professionals / T. Burgess. – Режим доступа: <http://blog.samanage.com/friday-fun/friday-fun-what-different-types-of-memes-say-about-it-service-managementprofessionals> (дата обращения: 12.11.2021).
8. Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie / J. Habermas, N. Luhmann // Was leistet die Systemforschung? – 1971. – P. 101–141.

Поступила в редакцию 23.10.2021 г.

IMPACT OF INTERNET MEMES ON FORMATION OF PUBLIC OPINION: THEORETICAL ASPECT

N.V. Gladkaya

The article deals with the Internet meme as the most popular unit in Internet communication. The effect of a meme on Internet users is considered. The focus on the Internet memes is relevant due to their widespread prevalence in the virtual space and insufficient knowledge of their impact on recipients. The main features of an Internet meme are singled out. The prospects for further research are accounted for by the globalization of this phenomenon and a wide audience coverage. The further study of the Internet memes seems perspective if they are considered in the context of Internet communities and groups.

Key words: Internet meme, Internet communication, precedent text, pragmatic potential, picture of the world.

Гладкая Наталья Витальевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of the Russian Language.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

УДК 81:112

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2021 Т.А. Дьякова

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В работе рассматриваются историзмы в произведениях М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реальия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Введение. Современные исследования различных аспектов развития языка свидетельствуют о том, что процессы глобализации, унификации, постоянно обновляющийся слой неологизмов неуклонно ведут к забвению и потере такого значимого лексического пласта, как устаревшие слова. Эта часть языкового фонда является предметом исследования многих ученых. Аргументируя значимость изучения архаичной лексики, лингвисты отмечают, что она является средством сохранения «непрерывности культурных традиций, духовной связи поколений» [6, с. 75]. Знание же слов, существовавших в определенный исторический период, «позволяет постичь глубину произведения, а ошибочное истолкование может привести к искажению смысла высказывания и даже ложному пониманию текста в целом» [4, с. 15]. Исследование слов, вышедших ли выходящих из активного употребления в речевой практике, должно способствовать и «коммуникативному взаимодействию разных поколений» [9, с. 42]. Устаревшие слова, использованные в художественном произведении, «могут помочь читателю ощутить мировосприятие людей прошлых эпох, предоставить в подробностях особенности периода» [1, с. 16]. Историзмы, обладая «особенной эмоционально-экспрессивной окраской» [15, с. 60], используются писателями с определенными стилистическими целями. В произведениях из современной жизни авторы применяют устаревшую лексику для «придания приподнятости, торжественности, отображения неповседневных событий в жизни народа» [8, с. 34].

Среди работ, посвященных историзмам, особый интерес представляют словари, которые не только содержат толкование лексических единиц, а и предлагают разного рода комментарии (социокультурного, этимологического характера), художественные

иллюстрации. Задачи «Иллюстрированного толкового словаря забытых и трудных слов русского языка», по мнению авторов, – дать филологическое толкование устаревших слов, словосочетаний и значений; проиллюстрировать значения и их оттенки цитатами из классической русской литературы; предоставить этимологическую или историко-этимологическую справку к каждой словарной статье [19, с. 6]. Определяя специфику «Словаря редких и забытых слов», автор отмечает, что многие из редких слов присутствуют в работах русских литераторов сер. XVIII–к. XX в., и при прочтении этих произведений возникают проблемы восприятия [25, с. 3]. Словарь «Язык старой Москвы» [20] является полезным, информативным не только в отношении московской жизни прошлого, поскольку многие реалии, присущие старой Москве, были актуальны и для русской жизни начала XIX–20-х гг. XX в. в целом. Ученые ведут и исследования, посвященные функционированию устаревшей лексики в произведениях русской литературы. Так, материалом для изучения архаизмов и историзмов в последнее время стали тексты А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Чехова, И. Бунина, В. Шукшина и других писателей. Однако, по мнению А. Аннюк, «недостает именно конкретно-исторических работ, содержащих большой фактический материал, прослеживающий историю, судьбу этого пласта лексики» [3, с. 84].

Основная часть. Исходя из общепринятого разделения устаревшей лексики на архаизмы и историзмы, последними будем называть слова, «вышедшие из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый ими предмет уже не известен говорящим как реальная часть их повседневного опыта» [5, с. 185]. Историзмы как составляющая устаревшей лексики относятся к периферийной части современного русского литературного языка. Однако они являются свидетельством и динамичности самой лексической системы, и различных социально-культурных явлений, происходивших в определенные периоды развития общества.

Литературное творчество Михаила Матусовского является разноректорным в хронологическом плане: помимо отражения современной для писателя действительности, он обращается и к историческому прошлому. Поскольку начало писательской деятельности Матусовского – это 30-е гг. XX в., многие явления и реалии, современные автору, нынешнему читателю подчас не знакомы и не понятны, как и проявления других исторических эпох.

Цель работы – изучить социокультурный компонент историзмов, использованных в художественных текстах Михаила Матусовского. Объектом изучения являются историзмы (лексемы и словосочетания) с социокультурным компонентом, предметом – семантическая и стилистическая специфика их употребления. Материалом исследования стали поэтические и прозаические произведения М. Матусовского, включенные в сборники разных лет. Для анализа историзмов привлекались толковые словари русского языка, словари устаревшей лексики, интернет-ресурс.

Рассматриваемые историзмы являются частью материала, который войдет в словарь языка произведений Михаила Матусовского. При цитировании в работе сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию. Словарная статья состоит из лексической единицы / словосочетания; их толкования; историко-культурного, этимологического комментария; определения функции устаревших единиц в произведениях М. Матусовского; иллюстративного материала. Учитывая регламент публикации, мы остановимся лишь на наиболее показательных в функциональном отношении историзмах. С целью систематизации единиц с социокультурным компонентом, использованных в произведениях писателя, выделяем несколько групп наименований.

1. Обувь, одежда, ее детали

Бекеша – один из видов верхней мужской одежды. Толкование слова в лексикографических источниках свидетельствует о том, что это – реалия и прошлого времени: ‘старинное долгополое пальто сюртучного покроя. Теплое пальто в талию со сборками’ [26]. Наименование образовано по фамилии предводителя венгерской пехоты Каспара Бекеша, носившего такую одежду [19, с. 42]. В художественном произведении слово **бекеша** употреблено для воссоздания временного колорита, специфики изображаемой среды, является элементом портретной характеристики персонажа: *Он сидел в фуражке, сильно сдвинутой набок, в темной кавалерийской бекеше, отороченной белым мехом и перепоясанной простым солдатским ремнем* [13, с. 111].

Душегрейка рассматривается как женская одежда: *устар.* ‘женская теплая кофта без рукавов’ [26]. В литературном произведении историзм **душегрейка** употреблен, на наш взгляд, не столько для портретной характеристики, сколько для создания эмоционального фона повествования о тяжелых днях обороны города Ржева во время Великой Отечественной войны: *В тот же день артисты, утеплившись кто чем мог – тут пригодились и рабочий ватник, и бабушкина душегрейка – отправились в район Ржева* [13, с. 192].

Ермолка как традиционный головной убор также ушла в прошлое, хотя лексикографические источники этого не отмечают. Исторический характер этого предмета одежды подтверждает фиксация лексемы **ермолка** в «Иллюстрированном толковом словаре забытых и трудных слов русского языка» [19, с. 104]. В произведениях Матусовского данная единица использована для передачи временного и локального колорита, создания необходимого эмоционально-экспрессивного фона повествования, она участвует «в изображении бытовой, нравственной, этнической плоскостей, конкретизируя изображаемый мир» [16, с. 234]: *Те же вещи на тех же полках, / Те же скрипочки и смычки. / В тех же черных своих ермолках / Бесприютные старики* [10, с. 35]; *...одноэтажные полуразвалившиеся домики и церквушки старого Витебска; еврей в ермолке и, конечно, со скрипкой...* [13, с. 270].

Жупан составлял часть комплекса верхней мужской одежды: *истор.* ‘род полукафтана, верхняя мужская одежда у поляков и украинцев’ [26]. Автор использует историзм **жупан** для «правдивой социальной характеристики общества определенного исторического периода» [7, с. 33], создания национального колорита, название является одним из элементов портретной характеристики персонажа: *В тот час гулял в харчевне пан, Швырял карбованцы повсюду, / Ходил вприсядку, сняв жупан, / И бил гончарную посуду* [12, с. 46].

Камзол рассматривается как часть старинного мужского костюма: *истор.* ‘короткая мужская одежда без рукавов, заменявшая жилет’ [26]. В художественном произведении лексема **камзол** применена для: 1) портретной характеристики персонажа: *Да и трудно было не обратить внимания на странного человека в извлеченном откуда-то из пыльного театрального реквизита, перехваченном в талии камзоле, в коротких штанишках...* [13, с. 284]; 2) подчеркивания неуместности в современном писателю городе персонажа, словно сошедшего со старой картины: *Теперь я мог разглядеть вблизи пепельно-тусклые космы старика, нелепо наряженного в камзол, пергаментную сухость его рук...* [13, с. 285].

Макинтош являлся предметом верхней одежды в XX в.: *ист.* ‘пальто из непромокаемой прорезиненной ткани’. Название произошло от имени шотландского химика Ч. Макинтоша, нашедшего способ изготовления непромокаемых тканей [18, с. 514]. Рассматриваемое слово, образованное путем метонимии, в поэтических

произведениях используется: 1) для отражения бытового колорита времени: *Шли пассажиры из темноты, / Перегибаясь под грузом ноши. / Мерцали кожанки и зонты, / Плащи, накидки и макинтоши* [12, с. 121]; 2) как метафора для описания природного явления: *Шел над крышами над наклонными / Незнакомый унылый дождь, / Облачившийся в свой нейлоновый, / В свой сверкающий макинтош* [12, с. 200].

Поддевка была достаточно распространенной одеждой в к. XIX–н. XX в.: *устар.* ‘мужская верхняя одежда с застёжкой сбоку, от плеча, со сборками по талии’ [18, с. 864]. В текстах М. Матусовского лексема **поддевка** используется для достоверного отражения быта описываемой эпохи, служит частью портретных описаний персонажей: *Выплакавшись долгими ночами, / Мать поддевку мужнину взяла / И с сухими красными глазами / Санитаркой в армию ушла* [11, с. 101]; *Он был одет в суконную поддевку синего цвета, сшитую в талию и застегивающуюся на внутренние крючки, и если кто не знал его, мог подумать, что в техникум приехала художественная самодеятельность, представляющая сцены из «Фомы Гордеева»* [13, с. 106].

2. Приборы, технические средства

Астролябия – один из немногих астрономических и геодезических приборов, существовавших в старину: *астрон.* ‘инструмент, служащий для наблюдения звезд и для определения их высоты над горизонтом’; *геодез.* ‘угломерный инструмент, применявшийся при межевых работах и съемке планов (заменен теодолитом)’ [24, т. 1, с. 211]. Из приводимого далее контекста, на наш взгляд, не представляется возможным уточнить толкование слова **астролябия**. Однако лексема может быть отнесена к историзмам, поскольку оба прибора (астрономический и геодезический), упоминаемые в лексикографическом источнике, в современных условиях не используются. Автор применяет данное слово для передачи культурно-исторического колорита времени (Петровская эпоха), «заставляет читателя поверить в описываемые события» [2, с. 4]: *С астролябией и отвесом / Из заморских приплыл земель, / Весь пропахший пенькой и лесом, / Он валился в ее постель* [12, с. 336].

Керосинка длительное время являлась неотъемлемым атрибутом российского и советского быта: ‘нагревательный керосиновый прибор для приготовления пищи’ [17, т. 8, с. 28]. В художественном тексте лексическая единица **керосинка** использована: 1) для отражения культурно-бытового колорита времени: *А мысль человека на этом не успокаивалась – появилась керосинка, сквозь слюдяное окошко которой можно было видеть широкие коптящие фитили, керосинка была несомненным шагом вперед по сравнению с шумным, взрывоопасным примусом* [13, с. 448]; 2) в составе компаративного оборота для придания экспрессивности характеристике персонажа: *Сторож выписал в помощь себе из деревни старшего брата – такого же, как он, непрспавшегося, щетинистого <...> и проспиртованного до такой степени, что при нем опасно было зажигать спичку, как при неисправной керосинке* [13, с. 57].

Примус, как и керосинка, являлся привычным атрибутом прошлого века: ‘прибор для приготовления пищи и нагревания чего-н., состоящий из резервуара со впаянной трубкой, по которой поднимается в горелку нагнетаемый насосом керосин’. От латинского *primitus* ‘первый’ [26]. В художественном тексте историзм **примус** употреблен для: 1) отражения культурно-исторического колорита времени: *...керосинка была несомненным шагом вперед по сравнению с шумным, взрывоопасным примусом* [13, с. 448]; 2) достоверности изображения быта: *В коммунальной квартире, самой обычной – с примусами на кухне, с очередью на уборку мест общего пользования, с дощечкой в туалете: «Уходя, гаси свет»... [13, с. 56].*

3. Музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты

Граммoфон – популярный звуковоспроизводящий аппарат прошлого: ‘вышедший из употребления механический аппарат с рупором для воспроизведения звука специального пластмассового диска (пластинки)’ [17, т. 4, с. 367]. М. Матусовский употребляет лексику **граммoфон** для создания социально-исторического и культурного колорита, обращаясь к воспоминаниям детства (именно в доме Паланта находилось фотоателье отца поэта): *Где вечную польку хрипит граммoфон, / Где нужно при встрече отвесить поклон. / Где дал нам жилище и место под солнцем / Квартирохозяин Палант Соломон* [12, с. 43].

Гусли были элементом музыкальной культуры Древней Руси: ‘старинный русский многострунный щипковый музыкальный инструмент’ [23]. Поэт использует лексическую единицу **гусли** как образное средство в составе развернутого компаративного оборота для придания выразительности характеристике природы (речной волны): *Там, где сероватый и неброский, возникает берег новгородский; где звенит волна в широком русле, будто кто настраивает гусли* [12, с. 436].

Клавикорды являлись атрибутом культурной жизни прошлого: ‘старинный струнный клавишно-ударный музыкальный инструмент (известный с XIV в.), вытесненный в XIX в. фортепьяно’ [17, т. 8, с. 80]. Писатель употребляет историзм **клавикорды** для реалистического отражения повседневного быта интеллигенции начала XX в. (речь идет о семье композитора И. Дунаевского): *Музыка всегда жила в доме Дунаевских. Его мать любила напевать песни и романсы, аккомпанируя себе на стареньких клавикордах* [13, с. 496].

Оркестрион был одним из символов культурной жизни прошлого: ‘вышедший из употребления механический музыкальный инструмент, имитирующий оркестр и напоминающий внешним видом орган’ [17, т. 14, с. 108]. Автор применяет лексическую единицу **оркестрион** для воссоздания социально-исторического и культурного колорита, описывая повседневные реалии н. XX в. в стихотворении с выразительным названием «Старорусский романс»: *И слышали мы сквозь сон, / Как сползают гири, / Как гремит оркестрион / За углом в трактире* [12, с. 460].

Патефон – достаточно распространенное звуковоспроизводящее устройство XX века: ‘вид граммофона в форме ящика или шкафика, со скрытым рупором, портативный небольшой граммофон’ [26]. В художественных текстах слово **патефон** использовано для передачи культурного колорита времени: *Танцплощадка допоздна открыта, / Я ее законам подчинен. / Хрипая пластинка «Рио-Рита», / С заводной пружинкой патефон* [12, с. 466]; *...не грех сказать доброе слово и о патефоне – душе районных танцплощадок, кумире молодых людей тридцатых годов* [13, с. 447].

4. Осветительные приборы и приспособления

Коптилка чаще всего сопровождала быт в самые трудные годы истории страны: разг. ‘простейшее осветительное приспособление, состоящее из банки (бутылки и т. п.) с горючей жидкостью и фитилем; маленькая керосиновая лампа без стекла’ [17, т. 8, с. 426]. Разговорный характер лексики свидетельствует о распространенности реалемы, автор использует слово для отражения социально-исторического колорита времени, бытовых условий жизни наших соотечественников во время войны: *Так и бродил по замерзающему темному городу, где больше всего ценились керосиновые лампы, фонари типа «летучая мышь» и копилки, сконструированные из ватного фитилька, кружочка сырого картофеля и пузырька с постным маслом...* [13, с. 253]; *Мигающие копилки. / Брезентовые носилки. / И приступ ночного бреда. / И вера в тебя, Победа* [14, с. 273].

Летучая мышь – ни в одном из привлеченных лексикографических источников не объяснено происхождение названия светильника, приводится лишь толкование: ‘керосиновый переносной фонарь’ [18, с. 495]. Однозначного ответа на вопрос об этимологии наименования этого осветительного прибора нет. Высказывается мнение, что такое название родилось спонтанно: подвешенная к потолку керосиновая лампа очень похожа на висящую вверх ногами летучую мышь. Другая версия гласит, что название происходит от слова «Fledermaus» ‘летучая мышь’. Так называлась немецкая фирма, которая в XIX в. создала ветроустойчивый фонарь с керосиновой лампой. Позже так стали называть все подобные светильники [30]. В художественных текстах данная единица употреблена для воссоздания: 1) производственного колорита военного времени (речь идет о периоде Гражданской войны): *Турбины стояли. И все еще не было света. / На станции тускло горели «летучие мыши»* [11, с. 60]; 2) правдивого отображения быта времени Великой Отечественной войны: *Так и бродил по замерзающему темному городу, где больше всего ценились керосиновые лампы, фонари типа «летучая мышь» и копилки...* [13, с. 130].

Молния – наименование еще одного прибора, ушедшего в прошлое. В лексикографических источниках словарная единица в значении ‘осветительный прибор’ не зафиксирована, находим лексему лишь в лингвоэнциклопедическом словаре: ‘разновидность керосиновой лампы’, сохранялась в быту Москвы до сер. XIX в. Обычно была круглой формы [20, с. 296]. **Молнией** называли подвесной осветительный прибор, состоящий из каркаса, припотолочной розетки, противовеса, плафона и керосиновой лампы [29]. В художественном тексте лексема **молния** употребляется для создания реалистической характеристики быта н. XX в. (говорится о времени Гражданской войны): *На вбитых в простенки гвоздях колыхались повсюду / Домашние «молнии», пятилинейные лампы – / Их ночью спокойно, чтоб не расплескать керосина, / по зову мужей притащили хозяйки сквозь город* [13, с. 60].

Пятилинейная лампа – осветительный прибор времен использования керосиновых ламп: *прил. пятилинейный, устар.* 1) имеющий ширину в пять линий, каждая из которых равна 1/10 дюйма (о фитиле к керосиновой лампе); 2) имеющий фитиль такого размера (о керосиновой лампе) [21]. Автор использует историзм **пятилинейная лампа** для создания реалистической характеристики быта н. XX в. (речь идет о времени Гражданской войны): *На вбитых в простенки гвоздях колыхались повсюду / Домашние «молнии», пятилинейные лампы – / Их ночью спокойно, чтоб не расплескать керосина, / по зову мужей притащили хозяйки сквозь город* [11, с. 60].

5. Ткани

Коломенка – наименование ткани в таком написании источники не фиксируют, находим: **коломянка**, *устар.* ‘прочная и мягкая льняная ткань’ [22, с. 284]. В тексте лексема **коломенка** употреблена для создания культурно-исторического и локального колорита (допускаем, что автор использовал диалектный или разговорный вариант наименования ткани): *...здесь ткнут грубые полотна – ревенбук, коломенки, тик и тонкие – на манер голландских* [13, с. 372].

Ревенбук – наименование ткани, использовавшейся в прошлом: **равендук и равентук** ‘грубая льняная ткань, парусина, ранее употреблявшаяся преимущественно для парусов’ [24, т. 12, с. 33]; ‘толстая парусина, парусинный холст’. Встречалась масса просторечных вариантов слова, типа «ревентук», «ревендук» [20, с. 507]. Вероятно, именно один из таких просторечных вариантов и зафиксирован М. Матусовским для передачи культурно-исторического и локального колорита: *...здесь ткнут грубые полотна – ревенбук, коломенки, тик и тонкие – на манер голландских* [13, с. 372].

6. Лексические единицы для обозначения различных предметов повседневного быта (их признаков)

Дагерротип – наименование реалии, связанной с фотографическим искусством: ‘снимок, сделанный дагерротипией: ранним способом фотографирования на металлическую пластинку, покрытую слоем йодистого серебра’ [24, т. 3, с. 536]. В поэтических текстах историзм **дагерротип** употреблен для создания культурно-исторического колорита времени: *И дремали в этот миг / В наших сонных всхлипах / Лица родичей твоих / На дагерротипах* [12, с. 460]; *Как поверить, что здесь на одном из портретов, или, скажем точнее, среди дагерротипов, снят он камерой «Кодак» за миг до полета...* [10, с. 159].

Псише было одним из предметов мебели прошлого: ‘старинное зеркало в раме с особыми стержнями, благодаря чему его можно устанавливать в наклонном положении’ [24, т. 11, с. 1633]. В тексте слово **псише** применено для характеристики повседневного быта нач. XX в.: *...выставлены старинные подсвечники, еще не очищенные от стеарина, семейные сервизы, требующие реставрации горки, псише и секретеры красного дерева...* [13, с. 450].

Филичевой – лексикографические источники не содержат информации о данной лексической единице. В «Истории табака» находим: **филичевой** – табак, изготовленный из отходов производства, обрезков и соцветий [28]. Возможно, что **филичевой** табак – искрошенные стебли подсолнуха, пропитанные никотином, то ли растворенным, то ли перегнанным из махорочных изделий, или, скорее всего, из их отходов [27], говорят также о **филичевом** как табаке низкого качества, изготовленном не из листьев, а из стеблей растения [31]. Предположительно, название возникло от **филич** (**филича**) ‘отросток ствола табачного куста’. В художественных текстах слово **филичевой** употребляется для реалистического отражения быта военного времени: *Мы жили в промозглых сырых погребах, / В сырые шинели одеты. / Курили сырой филичовый табак / И ели сырые галеты* [12, с. 406]; *В его посылке оказалась пачка филичевого – из чего производили этот табак, до сих пор остается военной тайной, – и самодельный кисет черного бархата...* [13, с. 377].

Заключение. Таким образом, рассматривая историзмы в современном русском языке как лингвистические реалии с социокультурным компонентом, можно утверждать, что они являются средством сохранения исторической, национальной культуры. Социально- и культурно-маркированные лексические единицы в поэтических и прозаических текстах Михаила Матусовского выполняют различные функции, помимо функции номинативной. Писатель использует историзмы (лексемы и словосочетания) для реалистического изображения окружающей среды, описания представителей определенных социальных групп, передачи временной и локальной характеристики описываемой эпохи, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как элементы портретных характеристик персонажей, они выступают в составе различных тропов (сравнений, метафор). Применение в словесной ткани историзмов позволило писателю придать произведениям характер достоверности, убедительности в части описания минувших времен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджигеряева Л.Э. Реализация историзмов и архаизмов как элементов стилизации текста / Л.Э. Аджигеряева // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: Матер. II Междунар. науч.-практ. конф. (Евпатория, 21–22 ноября 2019 г.) / под общ. ред. И.Б. Каменской. – Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2019. – С. 14–19. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_41507335_35941140 (дата обращения: 15.10.2021).

2. Алпеева Л.С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В.М. Шукшина / Л.С. Алпеева // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». – 2019. – № 7 (июль). – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2019/195022.htm> (дата обращения 20.10.2021) DOI 10.24411/2304-120X-2019-15022
3. Анниук Е.А. Особенности функционирования устаревшей лексики в сказках А.С. Пушкина / Е.А. Анниук // Филолог. студії. – 2012. – Вип. 7. – Ч. II. – С. 83–93.
4. Аркадьева Т.Г. Проблема описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии / Т.Г. Аркадьева, Л.М. Кольцова, Т.Ю. Кудрявцева и др. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 14–20.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
6. Бухалов А.В. Устаревшая лексика как лингвистическая составляющая этнокультуроведческого подхода в обучении русскому языку / А.В. Бухалов // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. – 2012. – № 1. – С. 74–83. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ustarevshaya-leksika-kak-lingvisticheskaya-sostavlyayuschaya-etnokulturovedcheskogo-p> (дата обращения: 21.10.2021).
7. Городиловська Г.П. Мовна палітра творів Романа Іванчука / Г.П. Городиловська // Наук. вісн. Міжнар. гуманітар. ун-ту. – Сер.: Філологія. – 2016. – № 21. – Т. 1. – С. 32–36. – Режим доступа: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/467648> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Задояна Л. Семантико-стилістична характеристика застарілої лексики у творах Павла Загребельного «Диво», «Роксолана» / Л. Задояна // Філологіч. часопис. – 2015. – Вип. 1. – С. 33–42. – Режим доступа: <http://fch.udpu.edu.ua/article/view/138864/135792> (дата обращения: 21.10.2021).
9. Исупова С.М. Функции устаревшей лексики в творчестве Ю. Нагибина / С.М. Исупова, Т.А. Фан // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства России: сб. науч. тр. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. 11 июня 2020 г. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. – С. 39–41.
10. Матусовский М.Л. Горечь: Книга стихотворений / М.Л. Матусовский. – М.: Совет. писатель, 1992. – 192 с.
11. Матусовский М.Л. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М.Л. Матусовский. – М.: Република, 2011. – 304 с.
12. Матусовский М. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни / М.Л. Матусовский. – М.: Худ. лит. 1982. – 639 с.
13. Матусовский М.Л. Семейный альбом / М.Л. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). – Луганск: ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.
14. Матусовский М.Л. Стихотворения. Песни / М.Л. Матусовский. – М.: Худ. лит., 1986. – 414 с.
15. Рылка В.І. Гістарызмы і архаізмы як стылістычны сродак у рамане Л. Дайнекі «Меч князя Вячкі» / В.І. Рылка // Содружество наук. Барановичи-2016: матер. XII Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 19–20 мая 2016 г.: в 3 ч.: Ч. 1. – Барановичи: РИО БарГУ, 2016. – С. 60–61. – Режим доступа: <http://rep.barsu.by/handle/data/1522> (дата обращения: 13.10.2021).
16. Шевченко А.Н. Реализация стилистических возможностей устаревшей лексики (на материале исторического романа А.К. Толстого «Князь Серебряный») / А.Н. Шевченко, А.С. Мусаелян // Крым. академ. вестн.: науч. журн. – 2017. – № 2. – С. 231–235.

СЛОВАРИ

17. Большой академический словарь русского языка в 30 томах / под. ред. К.С. Горбачевича, А.С. Гердта и др. – Т.1–20. – СПб.: Наука, 2004–2012.
18. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
19. Глинкина Л.А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 7000 единиц / Л.А. Глинкина. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. – 432 с.
20. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 4000 единиц / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 1997. – 704 с.
21. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: https://www.efremova.info/word/pjatilejnyj.html#_XyU-bH7VK70 (дата обращения: 12.11.2021).
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

23. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.11.2021).
24. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / ред. В.И. Чернышов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
25. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов / В.П. Сомов. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002. – 605 с.
26. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 20.11.2021).

ИСТОЧНИКИ

27. Гребенников В.С. Письма внуку. Письмо шестидесятое: табак. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/253555> (дата обращения: 17.11.2021).
28. История табака: дым над окопами. – Режим доступа: <https://otvazhnyi.livejournal.com/144726.html> (дата обращения: 17.11.2021).
29. Лампа-молния. Режим доступа: http://vml.culture.ru/muzey_zapovednik_ostrovskogo (дата обращения: 19.11.2021).
30. Петров Р.П. «Летучие мыши» Березников / Р.П. Петров. – Режим доступа: <http://www.museum-berezniki.ru/nauchno-issledovatel'skaja-rabota/letuchie-myshi-bereznikov/> (дата обращения: 19.11.2021).
31. Толкачев А.А. Воспоминания советского инженера / А.А. Толкачев. – Режим доступа: <http://www.atolkachev.ru/tvorchestvo/remim/3861.html> (дата обращения: 17.11.2021).

Поступила в редакцию 25.10.2021 г.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T. A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского».

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

E-mail: diako122@rambler.ru

УДК 811.16'373

ПОЛИСЕМИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

© 2021 И.А. Кудрейко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы термины кровного, свойственного, заместительного родства на основе корреляции «родители – дети»; на материале толковых словарей русского, украинского, белорусского языков выявлены лексико-семантические варианты анализируемых лексем, установлена степень полисемичности каждого термина.

Ключевые слова: термины кровного родства, термины родства по свойству, термины заместительного родства, лексико-семантические варианты, полисемичность.

Введение. Сопоставительные лингвистические исследования представляют собой область языкознания, интерес к которой значительно возрос в последние десятилетия. При сопоставительных исследованиях принцип сравнимости языков реализуется прежде всего в выборе для анализа таких языковых явлений, которые в изучаемых языках будут лингвистически релевантными с позиции сопоставительного метода.

В связи с этим лексико-семантическая группа терминов родства является наиболее предпочтительным объектом исследования, поскольку обладает такими качествами, как: 1) древность происхождения; 2) строгая системность и построение по принципу терминологических полей; 3) широкое распространение и активное употребление ее составляющих в речи любым носителем языка [3].

В данной работе в сопоставительном аспекте рассматриваются термины родства (кровного, по свойству, заместительного) одноструктурных языков на основе корреляции «родители – дети» (заметим, что слово «родители» не является термином родства) (см.: [2]).

Основными задачами работы являются: определение степени полисемичности терминов кровного, свойственного, заместительного родства; выявление терминов, обладающих наибольшей степенью полисемичности; установление факторов, способствующих наличию/отсутствию лексико-семантических вариантов у анализируемых терминов.

Основная часть. Ю.А. Тулдава с помощью количественно-системного анализа установил следующую классификацию степени полисемичности лексем: нулевую степень – 1 значение, первую степень – 2-4 значения, вторую степень – 5-9 значений, третью степень – 10-16 значений и т.д. [7]. На основании результатов исследования ученого определим степень полисемичности терминов родства.

Термины кровного родства:

1. Термин «отец» (рус.) – «батько» (укр.) – «бацька» (бел.) в русском и украинском языках имеет вторую степень полисемичности, в белорусском – первую. Рассмотрим основное значение данного термина и его лексико-семантические варианты [4]:

- мужчина по отношению к своим детям (рус., укр., бел.);
- самец по отношению к своим детенышам (рус., укр., бел.);
- люди предшествующих поколений (рус.);
- люди, облеченные властью (устар. и разг.) (рус.);

- *перен.*, тот, кто является родоначальником, основоположником чего-нибудь (высок.) (рус., укр., бел.);
- *перен.*, человек, по-отечески заботящийся о подчиненных, младших (рус, укр.);
- обращение к пожилому мужчине или к мужу как к отцу своих детей (прост.) (рус., укр., бел.);
- служитель церкви или монах, а также обращение к нему (обычно в сочетании с личным именем) (рус.).

Как видим, термин родства «отец» в анализируемых языках имеет восемь значений. Общими для всех языков являются три, среди которых основное – *мужчина по отношению к своим детям*, переносные: 1) *обращение к пожилому мужчине или к мужу как к отцу своих детей*, 2) *самец животного*. В русском и украинском языках данная лексема совпадает в переносном значении: *тот, кто является родоначальником, основоположником чего-нибудь*. В русском языке слово «отец» имеет значения, связанные с родственной, социально-управленческой, религиозной сферами.

2. Термин «мать» (рус.) – «мати» (укр.) – «маці» (бел.) имеет в русском языке вторую степень полисемичности, в украинском и белорусском языках – первую:

- женщина по отношению к своим детям (рус., укр., бел.);
- *перен.*, начало чего-нибудь, а также о том, что дорого, близко каждому (рус, укр.);
- самка по отношению к своим детенышам (рус., укр., бел.);
- обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (*прост.*) (рус.);
- название монахини, а также (*разг.*) обращение к ней (рус.).

Количество значений у термина «мать» – пять. Общими для русского, украинского и белорусского языков являются два: основное – *женщина по отношению к своим детям* и переносное – *самка животного*; в русском и украинском – данная лексема употребляется также для обозначения *чего-то дорогого, близкого каждому*; в русском языке термин кровного родства «мать» имеет ряд специфических толкований, связанных с религиозной сферой и бытовым общением в переносном значении, что определяет вторую степень полисемичности в русском языке для данного термина.

3. Термин «сын» (рус.) – «син» (укр.) – «сын» (бел.) имеет в русском и белорусском языках первую степень полисемичности, в украинском – третью:

- лицо мужского пола по отношению к своим родителям (рус., укр., бел.);
- мужчина как носитель характерных черт своего народа, своей среды (высок.) (рус., укр., бел.);
- *перен.*, мн. ч., потомки, последователи, земляки (укр.);
- поборник, служитель, представитель чего-либо (укр.);
- ласковое обращение отца к сыну (укр.);
- *перен.*, мн. ч., в сочетании со словами сокол, орел (нар.-поэт.) (укр.);
- воспитанник кого-то, чего-то (укр.);
- *перен.*, разг., редко; детеныш-самец какого-либо животного (рус., укр.);
- *уст.*, в основном в обращении; лицо мужского пола по отношению к своему духовнику или лицу духовного звания (рус., укр.);
- *уст.*, лицо мужского пола, выступает как представитель определенного положения в обществе (укр.);
- мужчина как уроженец, житель какой-либо страны, местности, представитель какой-либо национальности (укр.).

Данный термин в анализируемых языках имеет одиннадцать значений, среди которых в русском, украинском, белорусском языках полностью совпадают: 1) *лицо мужского пола по отношению к своим родителям*, 2) *мужчина как носитель характерных черт своего народа, своей среды*. Для русского и украинского языков общими являются лексемы, относящиеся к религиозной сфере и животному миру. Наибольшая третья степень полисемичности у украинского термина «син», так как наряду с основным значением данная лексема имеет 10 лексико-семантических вариантов, относящихся к социальной и профессиональной сферам жизнедеятельности человека.

4. Термин «дочь» (рус.) – «дочка» (укр.) – «дачка» (бел.) во всех анализируемых языках имеет первую степень полисемичности:

- лицо женского пола по отношению к своим родителям (рус., укр., бел.);
- *перен.*, женщина, воплотившая в себе лучшие характерные черты своего народа, своей страны (рус., укр., бел.);
- ласковое обращение пожилого человека к молодой женщине или девушке (укр.).

Лексема «дочь» имеет три значения, два из которых являются общими для анализируемых языков. Индивидуальный лексико-семантический вариант зафиксирован в украинском языке: *ласковое обращение пожилого человека к молодой женщине или девушке*.

Термины родства по свойству:

1. Термин «свекор» (рус.) – «свекор» (укр.) – «свекар» (бел.) во всех сравниваемых языках имеет нулевую степень полисемичности:

- отец мужа (рус., укр., бел.).

2. Термину «свекровь» (рус.) – «свекруха» (укр.) – «свяхроў» (бел.) в анализируемых языках присуща нулевая степень полисемичности:

- мать мужа (рус., укр., бел.).

3. У термина «тесть» (рус.) – «тесть» (укр.) – «цесць» (бел.) в русском, украинском, белорусском языках – нулевая степень полисемичности:

- отец жены (рус., укр., бел.).

4. Нулевая степень полисемичности во всех представленных языках у термина «теща» (рус.) – «теща» (укр.) – «цешча» (бел.):

- мать жены (рус., укр., бел.).

5. Термин «зять» (рус.) – «зять» (укр.) – «зяць» (бел.) имеет в русском и украинском языках первую степень полисемичности, в белорусском – нулевую:

- муж дочери (рус., укр., бел.);
- муж сестры (рус., укр.);
- муж золовки (рус., укр.).

Количество значений у лексемы «зять» в анализируемых языках – три. Общим для всех языков является основное значение – *муж дочери*; два лексико-семантических варианта, зафиксированных в русском и украинском языках, относятся к сфере родственных отношений.

6. Термин «невестка» (рус.) – «невістка» (укр.) – «нявестка» (бел.) имеет в нулевую степень полисемичности в русском, украинском, белорусском языках.

- жена брата или жена сына, а также замужняя женщина по отношению к братьям и сестрам ее мужа (и их женам и мужьям) (рус., укр., бел.).

Заместительные термины родства:

1. Термин «отчим» (рус.) – «вітчим» (укр.) – «айчым» (бел.) во всех сравниваемых языках имеет первую степень полисемичности:

- муж матери по отношению к ее детям от прежнего брака (рус., укр., бел.);

- неродной отец (рус., укр., бел.).

Данный термин имеет два значения, которые являются общими для всех анализируемых языков.

2. Термин «мачеха» (рус.) – «мачуха» (укр.) – «мачыха» (бел.) имеет разную степень полисемичности в анализируемых языках: в русском и украинском – первую степень, в белорусском – нулевую степень:

- жена отца по отношению к детям от предыдущего его брака (рус., укр., бел.);
- неродная мать (рус., укр.);
- *перен.* кто-либо или что-либо, являющееся враждебным, жестоким (рус., укр.).

Количество значений лексемы «мачеха» – три. Общими для всех языков является основное – *жена отца по отношению к детям от предыдущего его брака*; другие лексико-семантические варианты присущи русскому и украинскому языкам.

3. Термин «пасынок» (рус.) – «пасинок» (укр.) – «пасынак» (бел.) имеет вторую степень полисемичности в русском языке, первую – в украинском, нулевую – в белорусском языке:

- неродной сын одного из супругов, приходящийся родным другому (рус., укр., бел.);
- *перен.* кто-либо нелюбимый, лишенный помощи и поддержки (рус., укр.);
- боковой побег растения, развивающийся в пазухах листьев главного стебля (рус.);
- сук, расположенный под небольшим углом к оси ствола дерева (рус.);
- княжеский дружинник боярского происхождения в Древней Руси (рус.).

Общее количество лексико-семантических вариантов лексемы «пасынок» – пять. В русском, украинском, белорусском языках совпадает основное значение: *неродной сын одного из супругов, приходящийся родным другому*; в русском и украинском языках общим является переносное значение – *кто-либо нелюбимый, лишенный помощи и поддержки*. Индивидуальные значения данного термина, зафиксированные в русском языке, относятся к социальной сфере и флоре.

4. Термин «падчерица» (рус.) – «падчерка» (укр.) – «падчарыца» (бел.) имеет нулевую степень полисемичности во всех анализируемых языках, что обусловлено моносемичностью данной лексемы:

- неродная дочь одного из супругов, приходящаяся родной другому (рус., укр., бел.).

Заключение. Анализ терминов кровного, свойственного, заместительного родства позволяет сделать выводы:

1) многозначность слова предопределена частотностью его употребления: чем чаще употребляется слово, тем больше лексико-семантических вариантов оно имеет;

2) термины родства, употребляющиеся для обозначения членов нуклеарной (простой) семьи, состоящей из родителей и детей (термины кровного родства «отец», «мать», «сын», «дочь») многозначны;

3) термины кровного родства «мать», «отец» во всех анализируемых языках и термин «сын» в русском и украинском употребляются для обозначения животных;

4) лексема «пасынок» в русском языке имеет два лексико-семантических варианта: *боковой побег растения, развивающийся в пазухах листьев главного стебля*; *сук, расположенный под небольшим углом к оси ствола дерева*, которые относятся к сельскохозяйственной деятельности человека;

5) термины родства по свойству в большинстве своем моносемичны: исключение – лексема «зять». Отсутствие лексико-семантических вариантов у терминов родства данной группы обусловлено дихотомией «свой – чужой». В общении это проявляется в

установлении межличностных связей, зависящих от того, насколько совпадают семейные традиции, устои, общий культурный фон, насколько сформированы и развиты духовно-нравственные принципы каждого члена семьи. Если в семье гармоничные отношения, то вместо терминов родства по свойству (или имен собственных) используют терминологию кровного родства, ведь именно коммуникативные средства определяют отношения между членами социума;

б) термины заместительного родства также в повседневном общении заменяются терминами кровного родства, если в семье не существует оппозиции «свой – чужой».

Перспективой исследования является изучение функционирования терминов родства в различных социальных группах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академічний тлумачний словник української мови в 11 т. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://sum.in.ua/> (дата обращения 23.09.2021).
2. Калиущенко В.Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике : Избранные труды / под ред. Л.Н. Ягуповой. – Донецк : ДонНУ, 2016. – 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования ; Т. 12).
3. Николенко О. Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска / Ю.О. Николенко. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/> (дата обращения 23.09.2021).
4. Ніколаєва Л.Б. Типологія термінів спорідненості (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т.3). – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 255 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / І.Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылова. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
6. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения 23.09.2021).
7. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного анализа лексики / Ю.А. Тулдава. – Тарту : Валгус, 1987. – 204 с.

Поступила в редакцию 10.10.2021 г.

POLYSEMY OF KINSHIP TERMS (BASED ON THE MATERIAL OF THE SLAVIC LANGUAGES)

I. A. Kudreiko

The article deals with the terms of consanguineous, inherent, substitutive kinship based on the correlation “parents – children”. Lexical and semantic variants of the analysed lexemes are considered on the material of explanatory dictionaries of the Russian, Ukrainian, Belarusian languages. The degree of each term’s polysemy is identified.

Key words: terms of consanguinity, inherent kinship terms, substitutive kinship terms, lexical and semantic variants, polysemy.

Кудрейко Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

И.о. заведующего кафедрой славянской филологии и прикладной лингвистики.

E-mail: kudrejko@mail.ru

Kudreiko Irina Alexandrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Head of Slavic Philology and Applied Linguistics Department.

E-mail: kudrejko@mail.ru

УДК 82.09

РЕЦЕПЦИЯ В СОБЫТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ЦЕННОСТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021 О.Р. Миннуллин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье исследуется место и роль реципиента в событии художественного произведения с позиций онтологической эстетики. Описывается механизм самоактуализации читателя. Переживая опыт полноты бытия в событии искусства, читатель «возвращается к себе» в трансформированном (преображенном) состоянии. Он является как бы недостающей структурой художественного события, которая в полном смысле слова оживляет это событие и сообщает ему «онтологическую серьезность».

Ключевые слова: рецепция, онтология, ценность, рецептивная эстетика, феноменология, самоактуализация.

С тех пор как появилась теоретическая рефлексия относительно особого эстетического опыта человека, философская эстетика неустанно обращается к вопросам о смысле и назначении искусства. Как соотносится эстетическая ценность с ценностями другого характера (витальными, этическими, познавательными, религиозными)? Что выделяет эстетический опыт в ряду других? Наконец, в чем состоит ценность художественного творчества для человека, для чего оно явилось, чему служит и куда его влечет? Даже краткий обзор возможных ответов на эти вопросы, оформившихся исторически в различных философско-эстетических системах и учениях, вполне мог бы составить книгу.

В нашей статье мы ставим частную **задачу** – изложить тот возможный ответ, который способен дать ценностно-онтологический подход к художественно творчеству на один из этих вопросов: в чем состоит смысл чтения? Этот вопрос может быть развернут в вопрошание о том, что происходит с реципиентом в событии художественного произведения? Что открывает ему этот «особый» эстетический опыт?

Фундаментальной мыслью, лежащей в основании представленных теоретических взглядов, является идея о событийном характере художественного произведения. Не только сам авторский творческий акт, но и встреча читателя с книгой не сводятся к широко понятой информативности или даже к широко понятому художественному познанию. И творящий автор, и воспринимающий художественное произведение читатель вовлекаются в событие художественного произведения. Читатель, беря в руки книгу, ожидает, что с ним нечто произойдет, результатом чтения будет некоторая «перезагрузка», преобразование, трансформирующий опыт. В чтении позиция читателя не «познавательно-регистрирующая», а позиция «причащения», – отмечает Л.Ю. Фуксон [9, с. 12]. «Эстетическое впечатление от текста не есть полученное сообщение. Оно есть откровение, некоторая ментальность, направляющая наше переживание жизни (прежде всего своей собственной) по эстетически определенному руслу...», – пишет по этому поводу В.И. Тюпа [6, с. 26].

Вспомним в связи с этим раздумья В.В. Розанова о смысле чтения. По его мысли, читатель, берущий в руки книгу, ищет не знания и даже не красоты... Философ-публицист пишет: «Зачем, отрываясь от насущных дел, забот, иногда обязанностей, читатель берет книгу и уединяется с нею – уединяется в себя, но зачем-то в сообществе с человеком, давно умершим или далеким, которого он не знает и, однако, в эти

минуты уединения предпочитает всем, кого знает? Какой смысл в книге, в чтении? Наслаждение ли? Но в непосредственных созерцаниях, в реальных ощущениях действительности оно может быть всегда ярче. Красота ли? Но разве для нее уединяется человек? Он уединяется, чтобы, на минуту оторвавшись от частных, от подробностей своей жизни, своих тревог, обнять их в целом, понять эту жизнь в ее общем значении. Что скажет, что может сказать он обо мне самом и обо всем, что так тяготит меня и смущает в жизни, – вот вопрос, который определяет выбор нами того, кого мы зовем с собою в уединение...» [5, с. 277]. Ясно, что эта встреча читателя и писателя, которая возможна в событии художественного произведения, превышает узко понятый эстетический план (чувственное удовольствие). Она создает условия, в которых может быть «пережит» смысл и полнота бытия.

Такое истолкование феномена чтения приводит к сближению категорий «смысла» и «бытия» (аксиологии и онтологии). В художественном произведении смысл и бытие предстают «в неразрывном единстве» [9, с. 12]. Л.Ю. Фуксон указывает на две стороны художественного образа, осмысливаемого в такой перспективе: 1) в художественном образе смысл «просвечивает» сквозь бытие; 2) происходит «воплощение духовного», «инкарнация смысла», его исполнение, «сбывание», «уплотнение» в художественном образе. Этот воплощенный смысл и есть ценность». «Бытие, воспринимаемое как сбывшийся, инкарнированный, осуществленный смысл, есть ценность» [8, с. 121, 137]. Для пояснения литературовед применяет метафору «ценность – это “смертная плоть” смысла».

Читатель не столько обнаруживает смысл, сколько осуществляет его. Постигание произведения предполагает «обнаружение, (открытие) самого читателя, его самоактуализацию. Будучи захваченным произведением, «втянутым в историю» [8, с. 154] и претерпевая некоторые перемены, читатель, возвращаясь к себе, застаёт себя измененным. Самораскрывающееся бытие в произведении захватывает читателя и преображает его, по крайней мере, на время эстетического события. Дальнейшее – открытый вопрос индивидуального соотношения эстетического опыта переживания явленного идеала полноты завершённого в произведении бытия и реальной незавершённости, открытости жизни.

Эта же тема самоактуализации реципиента как специфического трансформирующего опыта человека, воплощенного в событии искусства, звучит в онтологической герменевтике. «Понимая, что говорит искусство, человек недвусмысленно встречается с самим собой», – пишет Г. Гадамер. Опыт встречи с прекрасным неотступно требует от человека включения себя в совокупную картину мира и в тоже самое время, по точной формулировке мыслителя, этот опыт «обращен к интимномусамопониманию всех и каждого» [3, с. 263].

В размышлениях ученого неизменно обнаруживается вера в действенно-гуманистический смысл искусства, вера в то, что последствия эстетического опыта сказываются в действительности жизни человека, выходят за пределы автономной сферы искусства, вторгаются в большую жизнь. Искусство ставит вопрос о месте человека в мироздании, об адекватности его своей сути, своему положению, «высокому замыслу» о нем: искусство «не только открывает среди радостного и грозного ужаса старую истину “это ты” – оно еще и говорит нам “ты должен изменить свою жизнь!”» [3, с. 265], – пишет немецкий мыслитель в «Эстетике и герменевтике».

В «Актуальности прекрасного» Г. Гадамера сформулирована диалогическая мысль, созвучная бахтинской заметке «Искусство и ответственность» [2, с. 5]: «Произведение жаждет ответа, дать который может только тот, кто принял это

требование. И ответ должен быть его личным ответом, им самим активно добытым» [3, с. 292]. Выходя из области эстетического контакта, причастившись полноте бытия, воссозданной в произведении искусства, читатель застает ситуацию своего частного бытия как увиденную совсем другим зрением (не тем, что было до чтения). Восприятие художественного произведения, будучи инобытийным опытом, все же «всерьез настигает мою жизнь» [9, с. 14], затрагивает не только чувства, но и коренное в бытии человека, поэтому граница жизни и искусства всякий раз оказывается проблемой в той или иной мере.

Каким же образом возможна эта самоактуализация воспринимающего в событии художественного произведения? Мы не можем прямо указать на присутствие реципиента в тексте или на живописном полотне, но можем восстановить его позицию и роль как некое недостающее звено, значимую, но неявную структурную часть смыслопорождающего начала в произведении. Приведем пример. Анализируя картину Веласкеса «Менины» («Фрейлины»), М. Фуко убедительно показывает организующую роль «отсутствующего» на полотне субъекта, того, кто «воссоединяет все пересекающиеся нити» в произведении [7, с. 330]. Им, по мысли французского мыслителя, на первый взгляд, должен явиться король, портрет которого пишет изображенный на полотне художник. Но в этом же месте находится и художник-творец, в зрительной и креативной перспективе которого выстраивается все произведение, предстающее нашему взгляду. Здесь же оказывается и зритель картины, мы с вами. Взирая на полотно и дойдя до этой мысли, невольно спохватываешься на ощущении, что изображенный художник пишет меня, хотя и другая моя позиция (вненаходимого созерцателя) при этом не утрачивается. По мысли Фуко, это показывает, что человек как специфический предмет осознания, со своей несводимой ни к чему другому природой на этот момент в европейской культуре еще не проявился. Картина Веласкеса в этом плане образцово репрезентативна.

На наш же взгляд, эта сложная игра субъектных планов, выстраивающаяся вокруг краеугольного камня «отсутствующего» компонента, призвана как бы «поймать» в «магнитную» ловушку вечно ускользающее «я-здесь», катализировать самоактуализацию зрителя – участника этого художественного события. Далее при углублении в созерцание зритель наталкивается на зеркало в глубине комнаты и с очевидностью понимает, что пишут не «меня», а другого, (королевскую чету). Как зритель я ощущаю, что выходящий из мастерской человек оглядывается, как бы прощаясь со мной, и взгляд женщины-карлика на переднем плане упирается уже не в меня, а в скрытых от зрителя героев полотна. Я, побывав на «королевском месте», освобождаюсь из плена участия в «мире, в который меня вовлекли». Сам же этот мир мгновенно становится остывающим «миром, в котором я только что был», но который «холодеет» уже «без меня». Прорыв к бытию завершается как реальность эстетического события.

Описываемое явление глубоко осознано уже в неокантианской ценностно-эстетической теории искусства. Б. Христиансен пишет об узнавании самого существенного в самом себе, способного проявиться при соприкосновении с явлением искусства: «Я нахожу и узнаю свою тоску, ибо в призрачном мире я конкретно переживаю то, что могло бы её утолить. Я нахожу то, что могло бы осмыслить жизнь... В призрачном действии над отражением идеального, я постигаю то Я, которое скрыто за эмпирическим», искусство «даёт голос молчанию внутри нас» [10, с. 159].

Категорически нельзя согласиться с выводом Т. Акиндиновой относительно итогов размышлений представителей Баденской (Фрайбургской) школы о роли искусства в культуре. Исследовательница пишет, что искусство в этой школе неокантианства утрачивало свою особую культурную роль (миссию). У Христиансена ясно намечена определенная перспектива уяснения этой миссии – это самоактуализация человека как специфического духовного существа, указание пути к человеку, каким он должен явиться в полном развитии своей духовной природы, индивидуально обращенное императивное указание.

Один из первых комментаторов переведенной на русский язык «Философии искусства» поэт и теоретик символизма Константин Эрберг упрекает Б. Христиансена в том, что тот, дойдя до определенного предела в ответах о смысле и назначении искусства, остановится в «фатальной недоговоренности» [11, с. 49], обрекаяющей его эстетику на «бесплодие» [11, с. 51]. Продолжая размышления Христиансена об эстетическом созерцании, теоретик символизма в характерной манере пишет: «... в момент эстетического восприятия человеческий дух познает себя достойным свободного бытия... Перед ним на краткое мгновение созерцания приоткрываются райские двери» [11, с. 50–51]. Воспринимающий, как бы проходит в соприкосновении с опытом художника подобный ему творческий путь «освобождения духа от уз необходимости». То, что Б. Христиансен назвал «внешним произведением», является формой, в которой творцу удалось «закрепить состояние освобожденного бытия» [10, с. 51].

О самоактуализации человека при вовлечении в событие искусства хорошо пишет в «Эстетике Другого» современный философ С.А. Лишаев: «художественно-эстетические расположения... обращают его (человека – О.М.) внимание на то, что выходит за рамки повседневности, что позволяет ему “прикоснуться” к онтологическому горизонту собственного существования... задуматься над хрупкостью собственного существования в мире, который расцвел над бездонной пропастью» [4, с. 115].

Поддерживая идею событийного характера искусства, в своей онтологической эстетике философ интерпретирует смысл этого события как опыт «встречи с Другим, то есть событие, внутренний центр которого – яркое переживание возможности/невозможности присутствия» [4, с. 8]. Под Другим (Род. п. от *Другое* – О.М.) здесь подразумевается Бытие, Небытие и Ничто, которые понимаются мыслителем вслед за экзистенциальной традицией философии XX столетия (прежде всего М. Хайдеггером, далее Ж.-П. Сартром и др.).

Анализируя произведения литературы (В.М. Шукшин «Алеша Бесконвойный»), «Черную живопись» Дома Глухого Ф. Гойи, садово-парковое искусство, чайную церемонию и др., автор «Эстетики Другого» развивает понятие эстетическое расположение. Это «актуальная, длящаяся в точке “теперь” структура» [4, с. 18], возведенная автором-творцом, в которую включается и реципиент, что и знаменует для него начало события искусства. В художественном произведении воссоздана ситуация, «которая может быть озаменована приходом Другого» [4, с. 91]. Продолжая ту мысль, можно сказать, что оно служит его преддверием и ценность художественного произведения уподобляется ценности особых онтологических врат к Бытию (или к Ничто).

Неизбежно возникает вопрос: не лишается ли событие встречи с Другим, пережитое в произведении искусства, порожденного воображением, онтологической серьезности? «Если “место встречи” с Другим переносится из Первичного мира в

художественный мир, то, быть может, встреченное нами в художественном мире Другое уже не будет тем Другим, которое мы можем открыть для себя в Первичном мире?» [4, с. 113]. С.А. Лишаев отвечает на него категорическим «нет». «Несмотря на искусственную смоделированность художественного мира, его условно-символический характер и закреплённость в материальном (условность «внешнего произведения»), не позволяющую раствориться в нем как в сновидении, «Другое не перестает быть Другим» Искусство художника можно назвать мастерством «ловца» Другого. Локализованное в реальности художественного образа, отделенного от реальной действительности («Первичного мира рождений и смертей» [4, с. 114]), Другое открывается эстетически, но «задает» человека онтологически, самым существенным образом.

Ситуация восприятия художественного произведения принципиально не отличается от самого креативного акта, и автор мыслится как первый его созерцатель, провидец, воссоздающий условия прорыва к Другому («преэстетическую ситуацию»). «Эстетически определенного предмета не существует до момента его восприятия в качестве эстетического. Эстетическая предметность... как бы мерцает, появляясь и исчезая в точке эстетической событийности. Эстетический мир понимается в эстетике Другого как мерцающий мир...» [4, с. 19].

Размышления современного представителя онтологической эстетики вполне повторяют неокантианский маршрут, определенный в данном проблемном поле Б. Христиансеном. «Внешнее произведение» лишь отсылает, согласно теоретику банденской школы, к «эстетическому объекту», который и является носителем ценности. Эстетический объект – это нечто открывающееся в субъекте, «продукт вторично-творческого синтеза» [10, с. 42], «образ, построенный в субъекте» [10, с. 50]. Весьма существенно, что философ говорит о синтетическом характере объекта эстетического суждения. Это синтез, в котором чувственное восприятие преобладает, но не исчерпывает опыта.

Еще один аспект проблемы читателя заключается в неоднородности его позиции. Читатель (реальный, а не имплицитный) всегда оказывается некоторой совокупностью, суммой точек зрения. Несмотря на принудительный характер восприятия, требующий абсолютного сосредоточения на эстетическом объекте, заключенный в произведении, идеальное условие художественной рецепции), невозможно просто поместить читателя, адресата в один план с автором-творцом именно по причине этой его суммарности. Аксиологический горизонт читателя всегда предполагает невозможность устранения и этического компонента, и познавательного, в дополнение к эстетическому.

Сама логика «возврата к себе», самоактуализации, возвращения к единственности бытия, вобравшего в себя опыт причастности инобытию, встречи с Другим в произведении, – требуют некоего выхода за пределы эстетического отношения, избыток сверх него, превышение эстетического (как чувственно-созерцаемого).

В качестве **итога** отметим, что смыслтворческой работы художника направлен «на то, чтобы помочь человеку перейти к онтологически продвинутому (по сравнению с текущей повседневностью) способу присутствия в мире» [4, с. 90]. В.И. Тюпа напрямую связывает «продвинутость» этого бытия с трансцендированием претерпевающего действие искусства субъекта и «выходом его в интрасубъективную область встречи сознаний» [6, с. 35], в чистую ментальность – ноосферу.

Для реципиента это реализовано в артефакте (или артпрактике) как возможность, но не как гарантированная данность. Поэтому материальная сторона произведения, подвергающаяся специфическому профессиональному анализу искусствоведа или

литературоведа, только презрительная, и анализ материальной стороны не открывает «эстетической действительности» художественного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиндинова Т.А. Homoaestheticus в контексте аксиологии фрайбургской школы неокантианства: БродерХристиансен / Т.А. Акиндинова // StudiaCulturae. – 2014. – № 21. – С. 5–17.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. / под ред. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова, Л.А. Гоготили, В.В. Кожина и др. – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997 – 2012.
3. Гадамер Г. Актуальность прекрасного / Г. Гадамер; пер с нем.; сост. М.П. Стафеевой. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
4. Лишаев С.А. Эстетика Другого: Эстетическое расположение и деятельность: монография / С.А. Лишаев. – СПб: Алетейя, 2012. – 256 с.
5. Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1996. – 702 с.
6. Тюпа В.И. Аналитика художественного / В.И. Тюпа. – М: Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фран. В.П. Визгина, В.П. Автономовой. – СПб, 1994. – 406 с.
8. Фуксон Л.Ю. Чтение: монография / Л.Ю.Фуксон. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2007. – 265 с.
9. Фуксон Л.Ю. Ценностная структура литературного произведения // Толкования: сборник статей / Л.Ю.Фуксон. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – С. 8–15.
10. Христиансен Б. Философия искусства / Б. Христиансен; пер. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. – СПб: Шиповник, 1911. – 292 с.
11. Эрберг К. Путь и цели в искусстве (по поводу «Философии искусства» Б. Христиансена) / К.А. Сюннерберг // Аполлон. – 1912. – № 3-4. – С. 43–51.

Поступила в редакцию 27.10.2021 г.

RECEPTION IN THE EVENT OF A LITERARY WORK: THE VALUE-ONTOLOGICAL ASPECT

O.R. Minnullin

The article examines the place and role of the recipient in the event of a work of art from the standpoint of ontological aesthetics. A significant part of the reflections is connected with the material of the literature, respectively, the term «reader» is included in the title. The reader's self-actualization mechanism is described. Experiencing the experience of the fullness of being in an event of art, the reader “returns to himself” in a transformed (transformed) state. It is, as it were, the missing structure of an artistic event, which in the full sense of the word revives this event and imparts to it "ontological seriousness."

Key words: reader, ontology, value, receptive aesthetics, phenomenology, self-actualization.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: papulia@yandex.ru

УДК 81'42

СТРУКТУРА АВТОРСКОГО «СЛОВАРЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В ПОЭЗИИ МЕТАРЕАЛИЗМА»

© 2021 М.Н. Панчехина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается методика составления «Словаря лингвокультуре́м в поэзии метареализма», обосновываются принципы отбора материала для словарных статей данного лексикографического продукта. Определяется доминантный тип лингвокультуре́м, представленный в творчестве А. Парщикова, А. Ерёменко, И. Жданова. «Словарь лингвокультуре́м в поэзии метареализма» даёт представление о фрагменте русской языковой картины мира, реализованной в творчестве поэтов-метареалистов.

Ключевые слова: авторский словарь, лингвокультуре́ма, лингвокульту́рное пространство, лингвокульту́рный смысл, метареализм.

Теория лингвокультуре́мы в отечественной лингвистике начала активно развиваться в трудах В.В. Воробьёва, который трактовал данное понятие как комплексную межуровневую единицу, представляющую собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [2, с. 44–45]. Данная дефиниция позволяет определить-двухкомпонентную структуру лингвокультуре́мы: её форма – это собственно знак, а содержание аккумулирует языковое значение и культурный смысл. Источником единиц такого типа зачастую выступают произведения художественной литературы – «вторичные моделируемые системы, в которых нашла отражение русская национальная личность (типы и образы)» [2, с. 56]. В литературных текстах лингвокультуре́ма может быть выражена одним словом – *хлестакови́цина*, *манилови́цина*; словосочетанием – *русский дух*, *русский характер*. Особую разновидность представляют собой лингвокультуре́мы, представленные целым текстом. Как правило, такие примеры обнаруживаются при анализе стихотворных произведений.

Объектом данного исследования является поэзия метареализма, представленная в творчестве Алексея Парщикова, Александра Ерёменко, Ивана Жданова. Метареализм – это одно из направлений в литературе 1970–1990-х годов XX века. Его развёрнутое название – «метафизический реализм», или «метафорический реализм», определения выступают как синонимические. В исследовательской литературе неоднократно предпринимались попытки описать язык указанного направления через «метаметафору» (К. Кедров), «метаболу» (М. Эпштейн).

Нельзя не отметить, что понятие «лингвокультуре́ма» позволяет, во-первых, отметить специфику собственно лингвистического выражения образа, во-вторых, содержит отсылку к культурным коннотациям, включённым в поэтический текст.

Цель статьи состоит в том, чтобы описать основные принципы составления «Словаря лингвокультуре́м в поэзии метареализма». Лексикографическое издание такого типа позволит решить сразу несколько задач: оно даст представление об особенностях языка метареализма; выделит базовые единицы поэтического высказывания; обозначит культурологическую значимость направления; определит специфику лингвокульту́рных полей в текстах авторов, представляющих данное направление.

«Словарь лингвокультурум в поэзии метареализма» запланирован как авторский, направленный на системное (комплексное) описание частотных лингвокультурум в творчестве поэтов Алексея Парщикова, Александра Ерёмченко, Ивана Жданова. Его структура включает следующие компоненты.

Преамбула. Это текст, предваряющий основное содержание лексикографического издания. Он включает в себя историческую справку о том, что такое метареализм в искусстве и литературе, краткую биографию указанных авторов. Здесь же содержатся инструкции и рекомендации, как пользоваться словарём, даются расшифровки помет и аббревиатур.

Основной корпус словаря. Он формируется из словарных статей, расположенных в словарном порядке. Например: *Жужелка, Лес, Нефть, Степь, Уголь, Холм и др.*

Закрывающий текст. Здесь размещается библиография и приложения. В качестве приложения целесообразно разместить часто цитируемые стихотворения («Жужелка» Алексея Парщикова и др.).

Для «Словаря лингвокультурум в поэзии метареализма» особое значение имеет логика построения словарных статей. Каждая из них начинается с *вокабулы (1)*, то есть с заголовочной единицы.

Далее следует *этимологическая справка (2)*, необходимая для уяснения исконного значения слова-заглавия. Этимологическую справку можно обозначить как постоянный компонент словарной статьи, так как анализ происхождения слова помогает установить связи между различными лингвокультурами, что будет показано ниже.

После приводится *расшифровка лингвокультурологического смысла (3)* в соответствии с двухкомпонентной структурой лингвокультуры. Сначала трактуется собственно языковое значение. В этом пункте лингвокультурный словарь опирается на данные толковых словарей русского языка. После разъясняется лингвокультурное содержание единицы.

Завершает словарную статью *иллюстративный материал (4)*. Л.Л. Шестакова справедливо отмечает, что иллюстративная зона «предусматривает обязательное контекстное сопровождение заголовочного слова, играет особую роль. Специфика контекста, формирующего эмпирическую часть словарной статьи, определяется необходимостью передать индивидуализированную семантику и экспрессию слова в авторском контексте» [7, с. 100].

Необязательным элементом являются *дополнительные сведения (5)*, содержащие факультативные данные о той или иной лингвокультуре.

Ранее нами уже рассматривалась лингвокультура «уголь» в творчестве Алексея Парщикова [4], её актуальность и значимость для поэзии метареализма. Данные наблюдения можно систематизировать в виде предполагаемых словарных статей следующим образом.

Статья 1.

(1) УГОЛЬ.

(2) Общеслав. Старое *qglъ < onglъ* дало *уголь* после изменения носового *o* в *u* и вокализации *gl' > гол'*, в результате падения конечного редуцированного *ь*. Некоторые ученые считают, что слово родственно *огонь*. В таком случае *уголь* – суф. производное (суф. *-j-*) от основы *og-* с инфиксальным *n* (*ong-*) и значит – «оставшееся после огня» [5].

(3) Твёрдое горючее вещество органического происхождения, образовано из остатков растений. Обычно глянцевого чёрного цвета.

На территориях, где находятся залежи угля, к данному полезному ископаемому сформировалось особое отношение, которое прослеживается в следующих лексемах: *уголёк, уголёчек, чёрное золото, золото, чёрный хлеб, хлебушек*.

(4) Уголь как метафизическое вещество описывается в стихотворениях Алексея Парщикова. Ср. в «Угольной элегии»:

*Под этим небом, над этим **углем**
циклон выдувает с сахарным гулом
яблоню, тыкву, крыжовник, улей,
зубчатыми стайками гули-гули
разлетятся и сцепятся на крыльце,
стряхивая с лапки букровку Цэ.*

Программным стихотворением Алексея Парщикова, посвящённым метафизическому осмыслению образа угля, является текст «Жужелка». Слово, ставшее названием, не было понятно современникам, и автор предусмотрительно снабдил его сноской: *жужелка* – фрагмент шлака. Ср. с воспоминанием Д. Бавильского: «Алексей прочитал мне это стихотворение, держа на вытянутых руках невзрачный камушек, кусок застывшей лавы, пузырчатый шлак, найденный им на обочине шоссе. Оказалось, что всё стихотворение посвящено ему, точнее, тем ассоциациям, которые у поэта вызвал этот невзрачный объект. Не зная ключа, все эти красоты текста каждый воспринимает по-своему» [1].

Примечательно, что Алексей Парщиков, окончивший в Донецке среднюю школу, выбирает для названия стилистически маркированную лексему: *жужелка* – региолектное слово, характеризующее речь жителей Донбасса и малопонятное за его пределами:

*И сняли свет с неё, как персты,
и убедились: парит
жужелка между шести
направлений, молитв,*

*сказанных в ледовитый сезон
сгоряча, а теперь
она вымогает из нас закон
подобья своих петель.*

Лексема *жужелка*, по-видимому, обнаруживает этимологическое родство слов *уголь* и *огонь*, отмеченных выше, так как *жужелка* – это и есть буквально *сгоревший уголь*, отдавший тепло и энергию для растопки печи.

В некоторых уральских говорах *жужелкой* называют небольшой кусочек самородного золота. Это значение актуализирует характерное для донецкого региона отношение к углю как к *золоту* (см. выше).

В качестве синонима к слову *уголь* выступает лексема *антрацит*, актуализирующая уже отмеченную этимологическую взаимосвязь *огонь* – *уголь*:

*Я знал, что чернослив и **антрацит**
один и тот же заняли огонь,
я знал, что речка, как ночной вагон,
зимою сходит с рельс и дребезжит.*

(5) Ср.: *Бросив бесформенный комочек зелени в раскалённую каменным **углем** печь, он долго смотрел, как его враг шипел, съежился и наконец превратился в нежный снежно-белый комочек золы.*

Гаршин В.М. Красный цветок

От этих слов: *Feuer – Kohle – heiss – heimlich* – (огонь – **уголь** – жарко – тайно) – у меня по-настоящему начинался пожар в груди, точно я эти слова не слушаю, а глотаю, горящие **угли** – горлом глотаю.

Цветаева М.И. Чёрт

Статья 2.

(1) ЛЕС.

(2) Общеслав. Первоначально – «пространство, поросшее лиственными деревьями» (ср. чешск. *lesy* «листья») [3].

(3) Пространство, покрытое деревьями и множеством других растений.

В русских народных сказках – волшебное место, локация для испытания героев духами природы, тёмными силами и т.д. Пространство испытания героев.

(4) В поэзии Александра Ерёменко происходит демефоризация данного образа, который можно назвать одним из ключевых для русского фольклора:

*В густых металлургических лесах,
где шёл процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.
Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дроздофила.*

Целесообразно привести наблюдение М. Эпштейна: «У Ерёменко мы не найдем ни одностороннего культа природы, ни восхищения могуществом техники. Для него то и другое – составные элементы культуры, которые, будучи частями единого целого, могут переводиться с языка на язык, так что знаки природы (лист, мушка, филин) войдут в нерасторжимое сочетание с техническими знаками (металл, бензовоз, бинокль), образуя некую "мерцающую" картину: то ли говорится о лиственных, то ли о заводских лесах» [8, с. 145].

(5) Ср.: *Лес не только волка, но и мужика досыта кормит. Возле леса жить – голодному не быть. Был бы лес – а волки и леший будут.*

Статья 3.

(1) ХОЛМ.

(2) Древнерусское – хълмъ (гора, насыпь). Старославянское – хльмъ. Шведское *holme* (холм). Датское – *holm* (островок, каменный выступ среди растительности). В древнерусский язык слово проникло из старославянского и получило распространение в XI в. Слово образовалось на базе общеславянской основы *схълмъ*. Принято считать, что слово было заимствовано из языков германской группы [6].

(3) Возвышенность на равнине, небольшая выступающая поверхность.

Холмы использовались как места возведения новых городов. *Холм* является одним из символом Иерусалима. В православной традиции – пространство, в рамках которого осуществлялись важнейшие события библейской истории: библейские *холмы* – это курганы (могильники), находящиеся на территории современного Израиля.

(4) В поэзии Ивана Жданова *холм* вписан в традиционную русскую православную культуру:

*Почему же свет осеняет разный
этот холм, помещенный нигде и всюду?
И ты видишь в себе, что здесь поминутно
совершается праздник и преступление,
и на казнь волокут тропой распутной,*

*начинается подвиг, длится мученье.
Он стоит, лицо закрывая руками,
в одиночестве смертном, один, убогий,
окруженный иудами и врагами,
исступленной кровью горя в тревоге.*

Для Алексея Парщикова лексема *холм* имеет иные коннотации, отличающиеся от классической православной традиции:

*На бледных холмах Азовья
лучились мои кумиры,
трепетали в зазоре
мира и антимира.*

Итак, материалы статей 1–3, приводимые в качестве иллюстративных материалов, уже на начальном этапе анализа позволяют установить, что в поэзии метареализма намечено формирование концепции специфического лингвокультурного пространства. По-видимому, данная концепция основывается на отказе от традиционного для лирического повествования субъективного переживания героя. Более того, из приводимых фрагментов текстов метареалистов следует, что эмоциональные переживания и перипетии едва ли не полностью нивелируются. Вместо эмоционально-психологической доминанты появляется идея укоренённости в пространственности, отсюда и вполне обоснованная апелляция к локациям и топосам типа: земля, поле, степь, лес, холм и др. Очевидно, что лирическое «я» уступает место таким языковым единицам, которые аккумулируют представление о мире и пространстве, т.е. лингвокультурам.

Таким образом, «Словарь лингвокультурем в поэзии метареализма» станет полезным интерпретационным продуктом. Объяснительный характер словаря поможет специалистам в области лингвистики, лингвокультурологии, литературоведения анализировать художественные произведения, сформирует представление о самобытности языка поэзии метареализма. Издание такого типа будет полезным для всех любителей и ценителей русского слова.

В дальнейшем целесообразно расширить корпус материалов для «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма», используя в качестве примеров для иллюстративного материала не только стихотворения указанных поэтов, но и другое их творческое наследие: письма, эссе, воспоминания и т.д. Это позволит установить сходства и различия языковой репрезентации лингвокультурем в различных типах художественных высказываний, дополнить и усовершенствовать результаты, полученные благодаря описательному методу и методу обобщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавильский Д. Нулевая степень морали. Алексей Парщиков [Электронный ресурс] / Д. Бавильский // Топос: литературно-философский журнал. – Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/1356> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Воробьёв В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьёв. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 331 с. – ISBN: 978-5-209-02717-1.
3. Лес // Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов [Электронный ресурс] / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – Режим доступа: <http://endic.ru/rusethy/Les-1629.html> (дата обращения: 29.09.2021).
4. Панчехина М.Н. «Уголь» как лингвокультурема в поэзии Алексея Парщикова / М.Н. Панчехина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 3. – С. 38–44.

5. Уголь // Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов [Электронный ресурс] / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 339 с. – Режим доступа: <https://endic.ru/rusethy/Ugol-4819.html> (дата обращения: 29.09.2021).

6. Холм // Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / А.В. Семёнов. – М.: ЮНВЕС, 2003 г. – 704 с. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/Холм> (дата обращения: 29.09.2021).

7. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность / Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с. – ISBN: 978-5-9551-0456-0.

8. Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков / М. Эпштейн. – М.: Советский писатель, 1998. – 416 с.

Поступила в редакцию 25.10.2021 г.

THE STRUCTURE OF THE AUTHORIAL "DICTIONARY OF LINGUISTIC CULTUREMAS IN THE POETRY OF METAREALISM"

M.N. Panchehina

The article discusses the methodology for compiling the "Dictionary of Linguistic Culturemas in the Poetry of Metarealism". Principles of selection of material for dictionary entries are grounded here. The article determines the prevailing type of linguistic culturemas in the poems by A. Parshchikov, A. Eremenko and I. Zhdanov. The "Dictionary of Linguistic Culturemas in the Poetry of Metarealism" provides an indication of a fragment of the Russian language picture of the world as it's presented in the poetic texts of metarealism.

Key words: authorial dictionary, linguistic culturema, linguocultural space, linguocultural meaning, metarealism

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchehina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of the Russian Language.

E-mail: mpanchehina@gmail.com

УДК 811.161.1'373.611

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ИМЁН В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ» (1899)

© 2021 Н.В. Пращерук, А.П. Овчинников

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

В статье представлен анализ системы имён в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой». Рассматривается роль именного кода в функциональном и символическом значениях. На основе этого делается вывод о функции поэтонимов в творчестве Чехова и их связи с иронией. Актуальность работы заключается в том, что Чехов вкладывал в именной код дополнительные смыслы и пользовался авторской стратегией именования, так как хорошо знал этимологию имён. Благодаря этому можно взглянуть на творческий мир писателя с другой стороны, что может быть полезно на школьных уроках и семинарских университетских занятиях.

Ключевые слова: Чехов, имя, фамилия, именной код, ирония.

Введение. В 1899 году после продолжительного творческого молчания, длившегося почти год, Чехов в журнале «Русская мысль» опубликовал рассказ «Дама с собачкой». Одну из первых записей к произведению Антон Павлович сделал в августе 1896 года (1, Т. 10, с. 419). Это был набросок названия – «Дама с мопсом» (*Зап. кн. II*, с. 40). Еще чуть позже, в 1897 году, Чехов занес в записную книжку: «У животных постоянное стремление раскрыть тайну (найти гнездо), отсюда у людей уважение к чужой тайне как борьба с животным инстинктом!» (*Зап. кн. I*, с. 79). Это со временем превратилось в размышления Гурова о тайне в IV части рассказа. Вообще, многое в «Даме с собачкой» изменилось в сравнении с набросками и первым автографом. Не зря Чехов правил корректуру 4 раза (1, Т. 10, с. 421). В итоговом варианте 1903 года были дополнены характеры главных героев, исключены некоторые их реплики, завершены искания автора точных и выразительных слов.

«Дама с собачкой» – один из поздних чеховских шедевров, и система имен как важная составляющая поэтики рассказа, которая не рассматривалась исследователями специально, может углубить наше понимание произведения писателя, прояснить сложность его интонационного строя.

Основная часть. В рассказе Чехова только у трёх персонажей есть имена, отчества или фамилии.

Дмитрий Дмитрич Гуров – персонаж, которому в «Даме с собачкой» уделяется больше всего внимания. Для сравнения, его фамилия употребляется в рассказе 35 раз, имя и отчество 4 раза; Анну Сергеевну мы встречаем – 18 раз; её мужа фон Дидерица – 3 раза. Такой точный подсчёт помогает выстроить иерархию персонажей. Однако, рассказ назван «Дама с собачкой». А это и есть Анна Сергеевна, это и есть её художественная номинация, отражённая закономерно в заглавии. Отметим, что в Ялте, а затем в Москве и городе С. Гуров перерождается, то есть превращается из «праздного, нарядного, сытого» (1, Т. 10, с. 134) ловеласа, пресыщенного страстью, женщинами и самой жизнью, в любящего по-настоящему, сострадательного и по-своему счастливого сидящего мужчину, хранящего втайне от других своё подлинное бытие. Причина и цель этих метаморфоз – Анна Сергеевна. Она же – таинственная «Дама с собачкой». Отсюда и название рассказа.

Согласно этимологии, Дмитрий, или редкая старинная форма Димитрий (как называет мужа «мыслящая жена») – от «Греч. Demetrios (притяж. прил. к Demeter) – относящийся к Деметре. В античной мифологии: Деметра – богиня плодородия и земледелия» [4, с. 97]. Дмитрич – разговорная форма отчества Дмитриевич от этого имени, которое, отметим, является очень распространённым. Иван Иванович, Сан Саныч, Дмитрий Дмитрич – есть в этих сочетаниях что-то слегка ироничное, проявляющееся только в художественном произведении. Это герои, от которых веет заурядностью и банальностью.

Думается, такое именование героя (идентичность имени и отчества) художественно обосновано. Оно связано, по крайней мере, с тремя функциями: создание иронического оттенка, создание благозвучного сочетания или указание на среду. Дмитрий Дмитрич – однозначно не то сочетание звуков, которое легко произнести. Слияние взрывного, носового и дрожащего с трудом можно назвать легко выговариваемым и мелодичным. Говорить о среде тоже некорректно. Дмитрий Дмитрич – представитель высшего света, социальной элиты. Его статус не соответствует разговорной форме отчества. Остаётся ирония. Чтобы подтвердить или опровергнуть её, нужно углубиться в этимологическое значение. Дмитрий Дмитрич – буквально, без мифологических коннотаций, «земледельствующий земледелец», или «земледелец, являющийся сыном земледельца» (иначе говоря, земледелец не в первом поколении), или «вдвойне плодородный». Можно придумать и другие формулы, но суть останется прежней. Мы понимаем, что Гуров никак не связан с землёй. Он, как уже было отмечено, представитель социальной элиты. К крестьянскому сословию, неотделимому от земли, он отношения не имеет. Привязанности к определённому локусу: к малой родине или к дому семьи – тоже нет. С плодородием связь обнаружить тоже трудно. На самом деле, Дмитрий Дмитрич – ещё не определившийся, не осевший, не нашедший себе в жизни места человек. Точнее таким он предстаёт до встречи с Анной Сергеевной. Очевидно, что особенности характера противоречат этимологическому значению имени и отчества, которое является, кроме того, повторяющимся. Следовательно, перед нами авторская ирония.

Укрепить этот довод нам поможет обращение к мифологии. Дмитрий и Деметра изначально связаны. Необходимо вспомнить о греческой богине плодородия и земледелия, точнее о сюжете похищения Аидом Персефоны. Как страдала от того Деметра, как тщетно пыталась вернуть дочь, странствуя в её поисках, как равнодушна ко всему была до её возвращения. Попытаемся связать это с «Дамой с собачкой». Дмитрий Дмитрич, кажется, тоже страдает, безрезультатно странствует, теряет интерес к жизни до обретения близкого сердцу человека, то есть Анны Сергеевны. Но, если у Дмитрия Дмитрича есть дочь, то расставание с ней должно быть для него испытанием, ведь он вдвойне связан с Деметрой и, соответственно, с её переживаниями по этому поводу. Однако Гуров, отправляясь то в Ялту, то в С., то по делам службы, спокойно покидает свою семью и даже не вспоминает о ней. А ведь у него не только дочь, есть ещё и сыновья, и жена (пусть даже нелюбимая). Другое дело, что все они принадлежат к жизни «явной, которую видели и знали все, кому это нужно было, полной условной правды и условного обмана, похожей совершенно на жизнь его знакомых и друзей» (1, Т. 10, с. 141). А для Дмитрия Дмитрича важнее жизнь «другая – протекавшая тайно» (1, Т. 10, с. 141). Мотив двоемирия, словно прямо из древнегреческого мифа. Но если Деметра не может перенести того, что её дочь в другом мире, а не рядом с ней, то Гуров относится к этому спокойно, без переживаний и страданий. Для него любовь к Анне Сергеевне и собственный эгоизм, который всё же нельзя упускать, побеждают

благородство и верность супружескому долгу, не говоря уже о всякой божественности. Как видим, и мифологическая коннотация имени и отчества персонажа рассказа «Дама с собачкой» несёт в себе иронию.

Фамилия Дмитрия Дмитрича – Гуров – «отчество от производных форм *Гур* и *Гурьян* из канонического мужского имени *Гурий*» [3, с. 33].

Слово «гур», употребляемое донскими казаками и обозначающее: «кан, индюк, индейский петух» [2, с. 420] (знаменательно, что в 1885 году Чехов написал рассказ «Индийский петух» о маленьком недоразумении из-за непонимания). Ироничная связь кажется очевидной. Птичья тема в рассказе на этом не заканчивается. Уже в самом конце автор-повествователь, сравнивая Гурова и Анну Сергеевну, пишет: «точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках» (1, Т. 10, с. 143). Благодаря данному замечанию ирония над Дмитрием Дмитричем сглаживается. В нём остаётся что-то индюшачье, но оно затмевается птичьим в целом. Оттого это яркое сравнение становится ещё глубже.

«Гурьян» – это разговорная форма от имени Гурий «предположительно от др.-евр. *gur* – львенок, молодой лев» [4, с. 91]. Нам хорошо известно, что это животное является царём зверей. Но в данном случае перед нами только детёныш царя зверей. В Дмитрие Дмитриче есть мужественность, самоуважение, харизматичность, сила духа. Он не лишён великодушия, свободолюбия, житейской мудрости. А именно эти черты характера мы представляем, когда сравниваем человека со львом. Но в Гурове нет ничего царственного, как и божественного. Да и нравственной зрелости ему не хватает: он только, став седым, только встретившись со многими женщинами и разобравшись в них, нашёл свою любовь, своё счастье. Дмитрий Дмитрич, действительно, похож на львёнка: в нём есть львиное, то есть благородное, возвышенное начало, но оно толком не развито; жизнь для него словно только начинается. Отсюда такое окончание: «И казалось, что еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется *новая, прекрасная жизнь*; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается» (1, Т. 10, с. 143) (курсив мой. – А. О.).

Опять мы видим авторскую иронию на уровне системы имён, которая сглаживается сюжетом и достоинствами самого персонажа. Именно такая мягкая, добродушная ирония с лёгкими нотками осуждения свойственна по отношению к Гурову на протяжении всего произведения.

Перейдём к главной героине «Дамы с собачкой».

Любопытно проследить за тем, как вводится в повествование Анна Сергеевна. Вот он порядок её номинаций: «новое лицо» > «дама с собачкой» > «молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете» > вновь «дама с собачкой» (но мы уже знаем, что с ней путешествует шпиц) > «дама в берете» > «дама». Потом мы узнаём факты из её жизни. И только затем её имя. Отсюда создаётся ощущение загадочности, таинственности этой особы. Мы знакомимся с ней по мере того, как знакомится с ней Гуров, и она нас, как и его, привлекает. Для создания такого эффекта Чехов и использует приём постепенного называния. Есть в этом что-то поэтичное. И невольно вспоминается «Незнакомка» А. А. Блока. Но великий поэт в то время ещё мало кому известен, а до его главных шедевров ещё далеко.

Итак, Анна – «из др.-евр. *hanna* : h-n-n милость, благосклонность» [4, с. 257]. При этом благосклонность может быть как со стороны Бога, так и со стороны людей. Анна Сергеевна утверждает, что несчастна и никогда не была счастлива, что страдает. Следовательно, о благосклонности Бога говорить не стоит. Но с другой стороны, главная героиня «Дамы с собачкой» по-настоящему любит сама, и её искренне любит Гуров. Она

чувствует, что её ждёт «новая, прекрасная жизнь» (1, Т. 10, с. 143), что ей с возлюбленным просто нужно перетерпеть трудности. А любовь без трудностей – вовсе не любовь. Потому жаловаться на несчастную любовь неправильно. Бог и есть любовь. И любое проявление её есть проявление Его. Соответственно, Бог всё же благосклонен Анне Сергеевне. Но если убрать эту религиозную риторiku, то и благосклонность Божья исчезнет. Останется только человеческая. Из людей же благосклонность к «даме с собачкой» проявляет один лишь Дмитрий Дмитрич. И это уже какая-то печальная, грустная ирония. Имя главной героини рассказа Чехова подразумевает благосклонность и милость, но на деле ей именно этого и не хватает. Она очень одинока. Кроме Гурова у неё никого нет. Они являются двумя одиночествами, нашедшими друг друга (и тут опять следует вспомнить сравнение с птицами). Потому благосклонность и милость самой Анны Сергеевны направлена на одного лишь Дмитрия Дмитрича и частично на себя.

Обратимся всё-таки к религиозному контексту, а именно непосредственно к Библии. С этой книгой имя Анна неразрывно связано. Но главная героиня рассказа «Дама с собачкой» не сказать что набожна. Анна Сергеевна далеко не идеальна, совсем не связана с материнством, как большинство святых с таким же именем, совсем не мученица, хоть и страдает от того, что её любовь должна скрываться от окружающих. Жена фон Дидерица напоминает скорее не какую-то святую, а другую всем известную женщину – Анну Каренину из одноимённого романа Л. Н. Толстого. Ю. В. Шатин в статье «Три Анны. Нарратология русского адюльтера» показывает, что сходства Анны Карениной и Анны Сергеевны очевидны. У обеих (а заодно и у героини рассказа Чехова «Анна на шее») мужья обладают не самой привлекательной, даже несколько отталкивающей внешностью; у обеих любовники далеко не идеальны; обе чувствуют себя несчастными и несчастливymi; настоящая любовь значительно меняет жизни обеих. Кроме того, оба писателя используют нарративное умолчание, когда описывают падение женщин, и сохраняют авторские сентенции [9, с. 122-128]. Но, несмотря на сходство двух Анн, это характеры разных масштабов. Чехов, называя свою героиню так и не создавая нового взгляда на тему адюльтера, иронизирует: и над Анной Сергеевной, и частично над темой супружеской измены. Притом ирония эта не едкая, а мягкая, лёгкая, но ни в коем случае не оправдывающая.

Далее рассмотрим отчество «дамы с собачкой». Сергеевна – «из лат. *Sergius* римское родовое имя» [4, с. 199]. В России оно в конце XIX века было весьма распространённым в дворянской среде. Древний почитаемый род, связь с духовенством, благозвучие – действительно хороший вариант. Но среди низших сословий имя Сергей почти не употреблялось. Следовательно, такое отчество у главной героини рассказа Чехова является с большой вероятностью указанием на её высокий социальный статус. Немаловажно, что род Сергиев являлся патрицианским, то есть представлял правящий класс, держащий в руках общественные земли, и противопоставлялся плебейам. Анна Сергеевна хоть и обладает высоким социальным статусом, не принадлежит к правящему классу. А противопоставлена она только мужу. Назвать его плебеем в более современном значении, то есть человеком с низким культурным и духовным уровнем, вполне возможно. Но ведь и в ней есть что-то плебейское. Не зря у неё такая же фамилия – фон Дидериц. Тем более во владении «дамы с собачкой», как у представителей патрицианского рода, не находятся какие-либо общественные земли. Она даже не может, как и Дмитрий Дмитрич – «земледельствующий земледелец» без земли, – найти своё место в жизни, своё определение, свою опору и пространство для того, чтобы осесть. Более того, её отдалённость от земли в широком смысле подчёркивает немецкая фамилия и отчество,

происходящее от древнеримского рода. Такое обилие неочевидных смыслов в отчестве вновь создаёт иронию.

Совершенно точно мы можем определить, что фамилия фон Дидериц немецкая. Дополнительный элемент «фон» – это указание на дворянский титул. Сама фамилия происходит, вероятно, от Diter, в свою очередь образованного из древнегерманского *deod* «народ» + *heer* «войско» [10, с. 243]. Но в то же время муж Анны Сергеевны, во-первых, обрусевший немец, а во-вторых, дважды сравнивается с лакеем. А дворянский титул и воинственная семантика фамилии не сопоставимы с этой должностью. В обратном случае, возникает явная ирония. Усиливается она, когда появляется дополнение от автора-повествователя: «Швейцар выговаривал так: Дрыдыриц» (1, Т. 10, с. 143). Мало того, что это просто смешно звучит. В Дрыдырице ещё и актуализируется сема «дыра» [10, с. 244]. А это вновь дискредитирует носителя самой фамилии. Ирония по отношению к персонажу становится жёстче, приближается к сатире. Таким образом, фон Дидериц противопоставляется Анне Сергеевне, которую по фамилии прямо автор-повествователь не называет, и Дмитрию Дмитричу Гурову. Обрусевший немец с лакейскими чертами олицетворяет «полную условной правды и условного обмана» (1, Т. 10, с. 141) явную жизнь, от которой бегут главные персонажи рассказа в мир тайный: настоящий и интересный, ибо полный любви.

Есть также более прозаические объяснения появления этой фамилии. Возможно, она «подсказана письмами к Чехову В. А. Чумикова, переводчика его на немецкий язык, от 12 сентября и 7 октября 1899 г. Он передавал предложение издательской фирмы Eugen Diederichs, Leipzig издать полное собрание сочинений Чехова на немецком языке и договаривался с ним об условиях. Может быть, Чехов вспомнил и строки из письма Меньшикова от 15 декабря 1898 г.: «...предпоследний сын Льва Н^{иколаевича} Толстого» Андрей <...> женится на Ольге Дидерихс <Дитерихс>» (1, Т. 10, с. 425). То есть не следует однозначно настаивать, что Антон Павлович специально придумывал данную фамилию, чтобы закодировать в ней семантику дыры и усилить иронию над персонажем. Это могло быть обычным воспоминанием о необычной по звучанию фамилии.

Однако про «дыру», закодированную в фамилии фон Дидериц, что не исключено, стоит добавить ещё одну деталь. На ассоциативном уровне «дыра» связывается с бездной, со смертью. И возможно таких ассоциаций бы не возникало, если бы не следующий фрагмент: «Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства» (1, Т. 10, с. 133). Можно утверждать, что это несобственно-прямая речь Гурова. Хотя вряд ли человек, глядя на море рядом с красивой женщиной, с которой у него начался роман, размышляет о смерти. Можно предположить, что это мысли самого Чехова. Как известно, в конце XIX века состояние здоровья Антона Павловича ухудшилось. Отражение того могло появиться и в творчестве писателя. Тем более, как отмечал А. П. Чудаков, рассказчик в поздней манере повествования значительно приблизился к самому автору, перестав быть нейтральным, безликим и безличным [8, с. 99]. Но утверждать мы ничего не станем, просто отметим как факт, что в рассказе актуализируется тема смерти тогда, когда из повествования этого не следует.

Других героев произведения, носящих имена, отчества или фамилии нет. Впрочем, система имён на этом не исчерпала себя.

Во-первых, остались члены семьи Гурова: его мыслящая жена, «дочь двенадцати лет и два сына-гимназиста» (1, Т. 10, с. 128). Принадлежат они другому, тому самому явному миру, от которого Дмитрий Дмитрич бежит, а потому безымянны.

Во-вторых, остались представители московского общества: адвокаты, артисты, доктора, профессора, чиновники, франты, швейцары – а также гуляющие по побережью, или «ялтинская толпа» (1, Т. 10, с. 131). Они – действующие лица даже не третьего плана. Их задача – создать представление, что Гуров и Анна Сергеевна не одни живут в мире, хоть и чувствуют себя одинокими. Жизнь вокруг них кипит и непрерывно движется, не обращая внимания на их отношения, на их проблемы и переживания.

В-третьих, нельзя обойти стороной «павильон у Верне» (1, Т. 10, с. 128) и театральное представление «Гейша» (1, Т. 10, с. 138). Это тоже элементы именного кода. Их задача – создание культурно-топонимического фона.

Павильон у Верне – это реально существовавшая в то время рядом с Ялтой «Парижская кондитерская Ю. И. Верне», которая «находилась на Набережной, в д. Бентковского» (1, Т. 10, с. 424). Чехов сам там бывал. Бывали там и его поклонницы, которые после публикации «Дамы с собачкой» стали играть роль чеховской героини, дополняя и развивая её образ (1, Т. 10, с. 424).

Представление «Гейша» – «оперетта английского композитора Сиднея Джонса, либретто О. Холла и Г. Гринбэнка (1896 г.). Впервые на русской сцене поставлена режиссером А. Э. Блюменталем-Тамариным в Москве в 1897 г.» (1, Т. 10, с. 431). Антон Павлович активно следил за театральным репертуаром, знал о новинках и, не исключено, сам присутствовал на данном спектакле и запечатлел это событие в рассказе.

Заключение. Мы рассмотрели все составляющие системы имён в «Даме с собачкой». Несмотря на малое количество персонажей с именами, отчествами или фамилиями (всего три), назвать именной код произведения недостаточно разветвленным или не представляющим особой ценности или значимости ни в коем случае нельзя. В рассказе есть безымянные персонажи, отсылки к культурным и топонимическим объектам, скрытые смыслы на уровне этимологических значений имён. Отсюда масштабность и возможность за счёт одного аспекта, очень важного для творчества Антона Павловича, понять авторский замысел и приблизиться к пониманию текста.

Ирония, присущая творчеству Чехова, сохраняется и на уровне системы имён. Она может быть мягкой и благосклонной, но с элементами лёгкой грусти и осуждения, как с Дмитрием Дмитричем Гуровым и Анной Сергеевной. А может быть жесткой, прямолинейной, близка к сатире, как с фон Дидерицем. В системе имён «Дамы с собачкой», действительно, «сквозила тенью лёгкая насмешка» (1, Т. 10, с. 135).

Привлекает внимание эскизно намеченная тема смерти, укрепившая свои позиции за счёт семы «дыра» в фамилии фон Дидериц, или Дрыдыриц.

Примечательна связь именного кода непосредственно с названием произведения. Общеизвестно, что как раз в этих двух компонентах текста непосредственно и ярче всего проявляется сам автор.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ:

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30-и томах / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983. – 30 т.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый. А – З. – СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа., 1880. – 812 с.
3. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.

4. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М.: Издательство Советская Энциклопедия, 1966. – 385 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

5. Бердников Г.П. «Дама с собачкой» А. П. Чехова / Г.П. Бердников. – Л.: Художественная литература., 1976. – 96 с.
6. Кубасов А.В. Внутренняя биография писателя и средства её создания в творчестве А. П. Чехова / А.В. Кубасов // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – Т. 3. – 2018. – С. 70–82
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука., 1973. – 366 с.
8. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971. – 291 с
9. Шатин Ю.В. Русская литература в зеркале семиотики / Ю.В. Шатин. – М.: Языки славянской культуры., 2015. – 344 с.
10. Шубин, Р. Об одной анаграмме в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» [Электронный ресурс] / Р. Шубин. – Режим доступа: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Acta_Polono_Ruthenica/Acta_Polono_Ruthenica-r2011-t16/Acta_Polono_Ruthenica-r2011-t16-s241-252/Acta_Polono_Ruthenica-r2011-t16-s241-252.pdf (дата обращения 10.11.2021)

Поступила в редакцию 11.11.2021 г.

ANALYSIS OF PROPER NAMES SYSTEM IN «THE LADY WITH THE DOG» (1899) BY A. P. CHEKHOV

A.P. Ovchinnikov, N.V. Prachsheruk

The article addresses the system of proper names in «The lady with the dog» by A. P. Chekhov. The role of name code in functional and symbolic meanings is considered. A conclusion about the function of poetonyms and their connection with irony in the works by Chekhov is made. The relevance of the suggested approach is accounted for by a special role of name code, by means of which Chekhov rendered additional senses and which he employed in his own naming strategy, taking into consideration the etymology of names. The observations made can be used in teaching practice at secondary school lessons and at university level seminars.

Key words: name, surname, name code, irony.

Пращерук Наталья Викторовна.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
E-mail: pnv1108@gmail.com

Овчинников Артём Павлович,

Бакалавр 4 курса профиля
«Отечественная литература».
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: artmen50@yandex.ru

Prachsheruk Natalia Victorovna.

Doctor of Philology, Professor.
Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin.
E-mail: pnv1108@gmail.com

Ovchinnikov Artem Pavlovich,

Four year bachelor student of Russian literature
specialty.
Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin.
E-mail: artmen50@yandex.ru

УДК 82-31:811.161.1

ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ АПРЕЛЬСКОГО КРИЗИСА 1917 ГОДА В ПОЭМЕ «ПЕВУЩИЙ ЗОВ» С.А. ЕСЕНИНА

© 2021 А.А. Сорокин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются вопросы и проблемы, поднимаемые С.А. Есениным в поэме «Певущий зов», связанные с апрельским кризисом 1917 года, разделившим народ и власть в ходе продолжающейся Первой мировой войны и революции. Рассматриваемое художественное произведение соотносится с первой поэмой С.А. Есенина «Товарищ», посвящённой Февральской революции.

Ключевые слова: С.А. Есенин, «Певущий зов», «Товарищ», лирический герой, автор.

В переломном для России 1917 году С.А. Есениным создаётся маленькая поэма «Певущий зов». Она отражала события своего времени и, вместе с этим, являлась не просто очередным, малым по жанру произведением, а создавалась автором целенаправленно – в ряду поэм, которые были связаны между собой общим замыслом.

Это ясно видно по определённым переключкам с появившейся немногим ранее поэмой С.А. Есенина «Товарищ». Переключки эти наблюдаются и в ритмико-интонационном авторском решении, и в содержательном плане.

В «Певущем зове» прослеживается желание автора создать особенный художественный мир, в котором самым значимым, лирическим голосом «управляет» поэт, делая своего героя выразителем собственных взглядов, собственных душевных переживаний, связанных с революционными событиями, происходящими в России.

Вторую маленькую поэму 1917 года условно можно разделить на четыре части. В первой из них (от «*Радуйтесь!*» до «*Свет за горами...*» [3, с. 26–27]) торжественно объявляется о том, что «*Земля предстала / Новой купели!*». У автора, по замечанию известного есениноведа М.В. Скороходова, «обряд крещения совершается надо всей землёй, т.е. надо всем тварным миром, который преобразуется и становится иным, обновлённым, принявшим новые идеи, вступившим на новый этап своего развития» [10, с. 167].

О том, что ушли метели и «*змея потеряла / Жало*», есениноведами даётся несколько суждений. Согласно одному из них, змея напрямую связана с дьяволом, и утрата ею жала «усиливает оптимистическое звучание произведения». Согласно другому, «“синие метели” символизируют... революционный февраль, вырвавший “жало” у “змеи”, т.е. сокрушивший монарха и монархию» [2, с. 274]. Оба утверждения авторитетны и в целом не столько отменяют, сколько дополняют друг друга. Кроме этого, считаем важным отметить, что здесь прослеживается тесная связь с поэмой «Товарищ», где речь идёт о свирепствующей стихии и проступающей в ней пасти чудовища, поглощающей «взметнувшихся» русских людей: «*Ревут валы, / Поёт гроза! / Из синей мглы / Горят глаза*»; «*Ломает страх / Свой крепкий зуб*»; «*В бездонный рот / Бежит родник*» [3, с. 31]. Теперь, в «Певущем зове», злая стихия отступает, змея не способна нести гибель живому миру.

Композиционно, во второй поэме, лирический голос призывает: «*Хвалите бога!*», и таким образом конкретизирует своё обращение – не ко всему человечеству, как логично вытекало бы из первой строфы, а концентрируясь на «сыновьях» Родины, «моего русского поля», сумевших остановить «*На частоколе / Луну и солнце*» [3, с. 26].

Воздание хвалы Богу не случайно, явление Господа подчёркивается рождением пламени «к миру всего мира», благой вестью «Нового Назарета» [3, с. 26]. «Пастыри» славят новорождённое утро, воздают ему хвалу, поскольку явится на свет Иисус [3, с. 27]; свет этой благой вести идёт из-за гор. Здесь, в последней строфе первой условной части, ещё не говорится о рождённом Богочеловеке, но утверждается несомненность его рождения.

Совсем иначе говорится о сыне Господнем в предшествующей «Певущему зову» поэме. «Младенец Иисус» из есенинского «Товарища», по авторскому замыслу, не может воскреснуть, поскольку ещё не достиг возраста Христа-мессии и в какой-то степени является частью прошлого мира. В поэме «Певущий зов» речь идёт о новом времени – времени, начавшем свой отсчёт после того, как «сыновья» Родины остановили солнце и луну, то есть изменили мир, отношение к миру.

В условной второй части поэмы Новый мир заявляется как «северное чудо» – в противовес «английскому юду» [3, с. 27]. Преображение Господне не может быть постигнуто западными «сынами», чужими для России, как не дано им услышать и понять «тайный зов» Отца Небесного [Там же].

Первая часть, таким образом, зеркально противопоставляется второй части: «сыновья» Родины никогда не сблизятся с «сынами» Запада из-за разного понимания Символа веры.

Если в «Товарище» «бездонный рот» поглощал всё живое, то в «Певущем зове» у пасти «юда» подразумевается другое по качеству начало. Поскольку ей не дано постичь правды Христа, так как «Отуманенного взора / На устах твоих покров», постольку «Ловит рот твой темноту» [3, с. 27], то есть духовной жизни не видит, Истина представляется «английским» «сынам» ложной.

В третьей части поэт обращается к ветхозаветной истории, связанной с физической казнью Иоанна Крестителя. Лирический герой, выступающий «в качестве пророка» [11, с.18], напоминает «спящим глубоко», что «загорелась Звезда Востока». Иродам нового времени не дано её погасить, поскольку не дано уничтожить память и дело Иоанна Предтечи, «в мученическом облике которого отнюдь не случайно угадываются черты казнённых также “усекновением головы” русских бунтарей от Разина до Пугачёва, “предтеч” русской революции» [2, с. 276].

И снова в поэме наблюдается новая антитеза. Как «сыновья» Родины первой части противостоят «сынам» Запада, так же и «спящие глубоко» противопоставлены не слышимым и не видимым лирическим героем «братьям»: «Люди, братья мои люди, / Где вы? Отзовитесь!» [3, с. 28]. Однако слышащий «певущий зов» лирический герой-поэт напоминает о том, что «Все мы – яблони и вишни / Голубого сада» [Там же], то есть «те живущие, которые способны преобразовывать жизнь» [14, с. 469].

Поэт утверждает: «Все мы – гроздь винограда / Золотого лета» [3, с. 28], пытаясь выразить надежду на единство «братьев» как «следующих заветам Христа, который и есть «истинная виноградная лоза» [9, с. 118].

Это единение «братьев» лирический герой передаёт через то Слово, которое чувствует своим обострённым поэтическим слухом в «певущем зове».

Именно главная, объединяющая всех в вечности Истина содержится в зове песни «мудрого, несказанного» Кого-то. Вечность этой Истины проявляется в самом названии поэмы, где нестандартное причастие «певущий» соотносится со словом «зов». Близкие к нему слова «певучий» и «поющий» не отражают сущности, заключаемой в осмысляемом поэте причастии. В соотношении с «зовом» «певущий» представляется как процесс пения, отражённого в «зове», совершающийся сейчас и продолжающийся в

вечном будущем. Истина «*певущего зова*» для живущих и почивших «*греет*», «*учит*» и «*просит*» «*любить и верить*» [3, с. 29]. С этой Истиной сливается голос поэта.

Следует отметить, что поэма «Певущий зов» рождалась в апреле 1917 года – непростом для России времени. Мартовская эйфория, связанная с крушением монархии, охватила, в первую очередь, Петроград и Москву. Ликование особенно было заметно во Временном правительстве, лидерами которого выступали, в первую очередь, П.Н. Милюков и А.И. Гучков, заявившие сразу о продолжении войны против Германии [8].

21 марта (3 апреля по европейскому стилю) на реке Стоходе русская армия потерпела серьёзное поражение. В условиях договорённостей с союзниками (Англией и Францией) Россия летом должна была осуществить большое наступление. Поражение 21 марта, в результате которого около 10 тысяч русских солдат и офицеров были взяты в плен [1], заставило союзнические представительства вести активную работу в высших политических кругах России, с тем, во-первых, чтобы война активно продолжалась, а во-вторых, чтобы на первый план вышли те представители власти, которым доверяет народ [8].

Особенно отличились в этом вопросе социалисты Эмиль Вандервельде и Альбер Тома, западноевропейские социалисты, способствовавшие выдвижению на первое место А.Ф. Керенского, дальнейшему сближению его с эсерами и поощрению их политических концепций. Кроме того, они активно выступали на митингах и демонстрациях в Петрограде и Москве, призывая русский народ поддерживать войну и продолжать её (см., например, ярко описанный К.Г. Паустовским эпизод совместного участия европейских «миссионеров» в митинге, ярко представленный в «Повести о жизни» [6, с. 515–516] – С.А.).

Социалисты-революционеры в 1917 году насчитывали около одного миллиона членов. Как самая представительная политическая сила, партия пользовалась доверием у народа.

Одна из центральных газет социалистов, «Дело народа», публиковалась тиражом в 300 тысяч экземпляров. Именно в этой газете, как и в других эсеровских печатных органах, С.А. Есенин печатается достаточно часто со времени её появления в марте 1917 года. Здесь же в июне 1917 года будет опубликована его поэма «Певущий зов».

С одной стороны, как мы знаем, Есенин не разделял глубоких политических убеждений ни с одной из партий в это время. Если фактически прослеживается определённая симпатия и сотрудничество между А.Ф. Керенским и Д.С. Мережковским, то для Есенина позиция какого-либо сотрудничества подобного рода была неприемлемой. Служить новому правительству поэт был не намерен [7, С. 138].

Тем не менее, связь с эсерами и с симпатизирующими эсерам людьми Есенин испытывал, но, предполагаем, склонялся к складывающейся в рядах эсеров левой оппозиции. Во многом этому способствовало знакомство и тесное общение с Р.И. Ивановым-Разумником.

Примечательно мнение о С.А. Есенине этого времени, которое выскажет несколько позднее, в 1926 году, В. Ходасевич. В частности, он отметил: «Он знал, что в последнюю минуту примкнет к тем, кто первый подожжет *Россию*; ждал, что из этого пламени фениксом, жаром-птицею, взлетит мужицкая *Русь*. <...> Программные различия были ему неважны, да, вероятно, и мало известны. Революция была для него лишь прологом гораздо более значительных событий. Эсеры (безразлично, правые или левые), как позже большевики, были для него теми, кто расчищает путь мужику и кого этот мужик в свое время одинаково сметет прочь» [4].

Это суждение, определяющее какую-то выжидательную позицию, вступает в определённые противоречия с восторженным замечанием Р.И. Иванова-Разумника в письме к Андрею Белому по поводу интереса Есенина к происходящему и реакция на это происходящее: «Кланяются Вам Клюев и Есенин. Оба – в восторге, работают, пишут, выступают на митингах» [4].

Выступая на митингах, как известно, Есенин читал поэму «Товарищ». К сожалению, неизвестно о том, читал ли он «Певущий зов». Но в этой второй поэме отразились народные разногласия – разногласия, проявившиеся в выступлениях на уличных собраниях. Как известно, одни поддерживали ещё официально не высказанную, но зревшую позицию правительства о продолжении войны, были «за Гучкова», «за Милокова». Другие, их было больше, выступали против войны [8].

Интересным представляется воспоминание Вс. Рождественского о событиях этого времени: «Мимо нас проходила какая-то часть, по-видимому, недавно прибывшая с фронта. Есенин долго вглядывался в серые, утомленные лица солдат. Он заметно помрачнел.

– Когда же кончится эта проклятая война! Здесь по улицам с песнями и флагами ходят, а раненых всё везут и везут. Керенский таким воякой оказался, что не дай боже» [4].

18 апреля (1 мая по европейскому стилю) П.Н. Милоков выпускает «препроводительную ноту», в которой заверяет союзников о том, что ни о каком мире с Германией речи быть не может, война Россией будет продолжена [5]. 20 апреля «нота» была обнародована в средствах массовой информации.

С 18 апреля увеличивается количество митингов, проходят майские демонстрации, через три дня подвергшиеся первым расправам – в основном, на почве столкновений из-за «ноты» П.Н. Милокова [13].

С.А. Есенин был, конечно же, свидетелем этих событий и участником, а не сторонним наблюдателем. Острее воспринимается происходящее в связи с празднованием Вербного воскресенья в Москве 28 марта и Пасхой в Петрограде 2 апреля. Однако разногласия манифестантов и демонстрантов, не прекращающаяся ни в марте, ни в апреле 1917 года, всё больше говорила не о единении людей верой, а о разобщённости в непростое для страны время.

Эти события и нашли отклик в новой поэме С.А. Есенина.

Известный литературовед В.В. Фёдоров отмечал: «Поэтический мир (поэтическое целое) осуществляется как событие бытия автора и читателя и как действительное событие действительного мира, «расширяя» то и другое» [12, с. 146].

В финале поэмы «Товарищ» весь мир наполняется общим делом – спокойно раздающимся «железным словом» «*Пре-эс-пуу-ублика*» [3, с. 34]. Но звучит это слово за окном дома, в котором страдает от сиротства, человеческого и духовного, Мартин. Его частная жизнь, сходящая на нет, не нужна «*товарищам*». Их всех ведёт мимо его жизни новое время.

Наметившаяся в этой поэме тема разлада между индивидуальным и общим, временным и вечным в революции встанет как основная проблема в «Певущем зове».

Поэт один слышит и осмысляет «*песню*» «*мудрого, несказанного*» Кого-то [3, с. 29], потому что не принимает для себя «*бесстрашного, кровожадного витязя*» [3, с. 28] – всадника войны.

Те, кто остановил «*луну и солнце*» [3, с. 26] ради того, чтобы взошла «*Заря Востока*» [3, с. 27], не должны разобщаться. Ведь «*братья мои люди*» являются «*гроздьями винограда / Золотого лета*» [3, с. 28] и пришли «*не губить... в мире*» [3, с. 29]. Иначе не услышат «*певущего зова*» и не научатся «*любить и верить*» [Там же].

Как правильно заметил В.В. Фёдоров, «преодолевшее себя слово становится действительной формой «слитного» эстетического бытия автора и читателя» [12, с. 146]. Совсем не случайно, а вполне закономерно С.А. Есенин в марте-апреле 1917 года постоянно ищет и ощущает эту «слитность» себя как автора со своими слушателями из народа и первыми читателями, которые увидят поэму «Певущий зов» опубликованной, прежде всего, на страницах газеты «Дело народа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков М. Червищенский плацдарм / М. Быков. – Режим доступа: <https://pochta-polevaya.ru/aboutarmy/history/zabytyye-stranitsy-velikoy-voyny/a316630.html> (дата обращения: 10.08.2021).
2. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание / О.Е. Воронова. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С.А. Есенин. – М.: Наука: Голос, 1997. – С. 26–34.
4. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 томах. Т. 2: 1917–1920. / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/esenin/el-abc/el2/el2.htm> (дата обращения: 10.08.2021).
5. Мартынов А. Май 1917 года: реванш социалистов / А. Мартынов, С. Литвинов. – Режим доступа: <http://longread.fontanka.ru/page880958.html> (дата обращения: 10.08.2021).
6. Паустовский К.Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. – М.: Художественная литература, 1981. – т. 4. Повесть о жизни. Книжки первая-третья. – 734 с.
7. Прилепин З. Есенин: Обещая встречу впереди / З. Прилепин. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 1029 с.
8. Пыжиков А.А. Питер–Москва. Схватка за Россию / А.А. Пыжиков. – Режим доступа: <http://flibusta.is/b/468270/read> (дата обращения: 10.08.2021).
9. Сазонова Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Л.И. Сазонова. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 118.
10. Скороходов М.В. Маленькая поэма С.А. Есенина «Певущий зов» в историко-культурном контексте / М.В. Скороходов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 7 (49), часть 1. – Тамбов: Грамота, 2015 – С. 167–169.
11. Скороходов М.В. "Певущий зов": пробная статья для Есенинской энциклопедии / М.В. Скороходов // Современное есениноведение. – 2020. – № 3(54). – С. 18–21.
12. Фёдоров В.В. О природе поэтической реальности / В.В. Фёдоров. – М.: Советский писатель, 1984. – 184 с.
12. Шубин А.А. Апрельский кризис 1917-го / А.А. Шубин. – Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/aprielskii_krizis_1917 (дата обращения: 10.08.2021).
13. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьбы, контекст и интерпретация / Н.И. Шубникова-Гусева. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. – С. 469.

Поступила в редакцию 06.10.2021 г.

INTERPRETATION OF APRIL CRISIS OF 1917 IN THE POEM "THE MELODIOUS CALL" BY S.A. YESENIN

A.A. Sorokin

The article deals with the issues and problems, related to the April crisis of 1917, which were addressed by S.A. Yesenin in the poem "The Melodious Call". The interpretation by S. Yesenin of these events, which divided all the people and the government during the ongoing World War I and the revolution, is suggested. The considered work of art correlates with the first poem by S.A. Yesenin "Comrade", dedicated to the February Revolution.

Key words: S.A. Yesenin, "The Melodious Call", "Comrade", lyrical hero, the author.

Сорокин Александр Анатольевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

Донецкий национальный университет.

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: aa40in@inbox.ru

Sorokin Aleksandr Anatolyevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: aa40in@inbox.ru

УДК 811.111.81'37

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XXI СТОЛЕТИЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2020 *И.В. Фатьянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу особенностей функционирования американского политического дискурса XXI ст. как отражения политической эпохи, языковых, идеологических, аксиологических и национально-специфических особенностей США. Основные характеристики определяются историческим, общественно-политическим и языковым фоном исследуемого типа дискурса, воссоздают принципы его организации, особенности функционирования языковой личности и адресантно-адресатной конфигурации коммуникации в американском политическом дискурсе XXI ст. Исследование особенностей концептуального пространства американского политического дискурса, вербализации национально-маркированных концептов показало, что основу семантического пространства американского политического дискурса составляют несколько концептов, среди которых базовыми являются INDIVIDUALISM, FREEDOM, PROSPERITY, AMERICAN PROMISE / SPIRIT / DREAM, DEMOCRACY, EQUALITY, NATIONALISM, PATRIOTISM, SECURITY.

Ключевые слова: политический дискурс, национальный дискурс, социальный фактор, концепт, национально-маркированный концепт.

Современная научная парадигма характеризуется антропологическим подходом, заключающимся в переносе исследовательских приоритетов на человека. Делая человека объектом изучения, исследователи вводят в научное описание новые понятия, создают гибридные отрасли на стыке разных наук. Лингвистика не остается в стороне от данных процессов.

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес ученых к языку политики, в силу того что данная сфера стала неотъемлемой частью жизни современного общества. Это связано прежде всего с ярко выраженным дискурсивным характером политики, демонстрирующей тесную связь между языком и характером социальных отношений.

Язык – политика – власть находятся в тесной взаимосвязи. Современный политический дискурс имеет специфические черты, отражает общественно-политические процессы, культуру, менталитет и ценности народа. Следовательно, исследование политического дискурса в междисциплинарной области имеет важное значение и представляет научный интерес.

В политическом дискурсе говорящий, осуществляя коммуникативные акты, совершает действия, способные изменить реальность.

Политика – это сфера деятельности, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти, поэтому политический дискурс как форма политической деятельности в конечном счете ориентируется на вопросы государственного управления обществом, на определение форм, задач и содержания деятельности органов власти. Как правило, независимо от происходящих экономических перемен в жизнедеятельности социума, в политическом дискурсе сохраняются существенные черты, присущие политике как особому роду деятельности. По мнению социолога и литературоведа Р. Барта, к таким чертам, в частности, относится и перманентное сосуществование информационного и аналитического начал в публичной (политической) деятельности власти,

представленной в виде определенных «следов собственного письма» или языковых произведений – политического дискурса [1, с. 148].

Политика на протяжении тысячелетий является междисциплинарным объектом научного осмысления философии (Аристотель, Платон, Конфуций, Цицерон, Августин, Ф. Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.), социологии (М. Вебер, Н. Смелзер, П. Бурдьё, П.А. Сорокин, В.М. Амелин), истории (А. Токвиль), психологии (Л. Войтасик, Л.Я. Гозман, О.Б. Шестепал, Е.Л. Доценко) и, собственно, политологии (Р. Дарендорф, А.И. Соловьев, В.П. Пугачев, Р.Т. Мухаев и др.).

В XX ст. политика занимает свое место и среди объектов лингвистических исследований, что приводит к формированию и развитию в современном языкознании нового направления – политической лингвистики (А.М. Баранов, В.З. Демьянков, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, A. Burkhardt, N. Chomsky, T. van Dijk, M.L. Geis, G. Lakoff, Ch. de Landtsheer, H.D. Lasswell и др.), в кругу объектов изучения которой находится вербальная деятельность, связанная с социально-политической жизнью общества.

Благодаря беспрецедентному развитию технологий и средств распространения информации использование знаковых слов и выражений играет всё более заметную роль в политической практике.

В политической коммуникации язык играет главную роль, т.к. является самым мощным оружием в политической борьбе, так что можно сказать, что в определенном смысле политическая конкуренция – это борьба политических языков и языковых личностей разных государственных деятелей.

Нет никаких сомнений в том, что основным объектом изучения политической коммуникации является политический язык. Это язык с определенным набором жанровых форм, используемых политическими участниками для достижения определённых политических целей.

Действительно, язык является инструментом политики и необходимым условием существования и продолжения развития страны. Политика – это социальная деятельность, в которой язык является формой ее существования.

По отношению к миру политики, понимание важной роли языка оформилось в философские и лингвистические проблемы соотношения языка и власти, агитации, пропаганды и политической рекламы, информативности и убеждения в политической коммуникации, изучение языка как инструмента социальной власти, языкового оформления социальных процессов в демократическом и тоталитарном государствах, использование языка с целью влияния на сознание широких масс, роли языка в создании имиджа политика, индивидуального стиля политика как языковой личности [1; 2; 3; 4; 7; 6; 8; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

В настоящее время политический дискурс не только изучается в русле философии, логики, семиотики, социальной психологии, социологии, антропологии, теории искусственного интеллекта, этнологии, этнографии, историографии, юриспруденции, педагогики, теории и практики перевода, политологии, культурологии, литературоведения, теории коммуникации, но и является объектом актуальных и активно развивающихся направлений лингвистической науки, сформировавшихся на междисциплинарной основе: дискурсологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, стилистики, поэтики, нарратологии, риторики, лингвистической теории аргументации, гендерной лингвистики, компьютерной лингвистики и т.п., что

дает основание говорить про дискурсивный поворот в гуманитарных науках (discursive turn) [13, с. 146; 12, с. 94].

В ряде исследований по теме политического дискурса наблюдается различное понимание языка политики. В лингвистической литературе наряду с понятием «политический дискурс» (Е.И. Шейгал, А.Н. Баранов) употребляются дефиниции «общественно-политическая речь» (Т.В. Юдина), «агитационно-политическая речь» (А.П. Чудинов), «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), «политический язык» (О.И. Воробьева). Мы считаем, что в термине «политический дискурс» специфика и задачи политической коммуникации обозначены более отчетливо.

Считаем необходимым разграничить понятия «язык политики», «политическая коммуникация», «политический дискурс». В большинстве работ эти термины употребляются как взаимозаменяемые. По мнению Е.И. Шейгал, «два последних действительно можно употреблять как нестрогие синонимы» [11, с. 18]. Что касается политического языка, то существуют разные точки зрения на его лингвистический статус. Одни ученые считают его особой знаковой системой, предназначенной для осуществления политической коммуникации: для формирования общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений; специфической разновидностью языка для выражения идеологии власти с особой грамматикой и лексиконом (А.Н. Баранов, Е.Г. Какзакевич, Ю.С. Степанов, П. Серио). Альтернативными этой позиции являются суждения лингвистов, которые рассматривают отсутствие в политическом дискурсе каких-либо особенных форм лексикона и грамматики при наличии специфики содержания информации, обстоятельств, при которых совершается общение, особенных тем, целей и функций, терминологии и риторики (Д. Грейбер, П.Б. Паршин).

Язык политики составляет семиотическое пространство политического дискурса, служит потребностям политической коммуникации, характеризуется деспециализацией политических терминов, ориентированностью на массового адресата, ограниченностью институциональными формами общения. Главными функциями политического дискурса лингвисты считают интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; развитие конфликта и установления консенсуса; осуществление вербальных политических действий и информирование о них; создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретацию; манипулирование сознанием и контроль за действиями политиков и электората [11].

Итак, придерживаясь точки зрения Е.И. Шейгал, в работе термины политический дискурс и политическая коммуникация используются как равнозначные, а под языком политики понимается «структурированная совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса» [11, с. 22].

Политический дискурс относится к типам институционального дискурса [4; 11]. Выделяются основные параметры институционального дискурса:

- «1) набор типичных для данной сферы ситуаций общения (речевых событий);
- 2) представление о типичных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей;
- 3) определенная (ограниченная) тематика общения;
- 4) специфический набор интенций и вытекающих из них речевых стратегий» [11, с. 44].

В.И. Карасик выделяет персональный и институциональный типы дискурса, и считает, что модель институционального дискурса должна состоять из следующих четырех факторов:

1) конститутивные признаки дискурса (участники, условия, организация, способы и материал общения);

2) признаки институциональности (по линиям участников общения, по целям и условиям общения);

3) признаки типа институционального дискурса (характеризующие тип общественного института);

4) нейтральные признаки (строевой материал дискурса) [4, с. 5–20].

По мнению В.И. Карасика можно разделить подходы к изучению институционального дискурса на следующие четыре группы:

1) первый тематический подход направлен на выделение ключевого объекта описания и построения топика общения;

2) второй подход состоит в понимании институционального дискурса, акцентируя специфику института, а не текст как средство общения;

3) третий подход к определению коммуникативной тональности – эмотивно-стилевому формату коммуникации;

4) четвертый подход позволяет выделить и описать социально значимые действия [4].

Согласно представленной теории, эти четыре подхода не являются противоположными, а выступают взаимодополнительными.

Основными параметрами компонентной структуры политического дискурса являются: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формы [3, с. 6].

Итак, политический дискурс расценивается лингвистами как предмет лингвокультурологического исследования, как видовая разновидность идеологического дискурса, как язык публичной области. Существует тезис, сформулированный исследователями в коллективном труде *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere* [16], утверждающем, что почти для всех публичных высказываний свойственна политическая функция. Таким образом, из этого положения можно трактовать политический дискурс как современное употребление языка практически в любой области общения. Однако, вследствие тематической разновидности газетного текста и его положения в концепции политической коммуникации доминантным определением политического дискурса является функционирование текста политической направленности в пространстве политической коммуникации.

В.В. Красных выделяет в зависимости от лингвокультуры, к которой принадлежит говорящий, национальный дискурс [6, с. 87]. Именно поэтому изучение политического языка и описание языка политической власти определенного периода дает возможность воссоздать фрагмент исторического развития конкретного отрезка в жизнедеятельности того или иного социума и показать через призму этого письма то, что согласно Р. Барту, оно позволяет раскрыть. В этой связи справедливо заметить, что здесь политический дискурс и язык политической власти имеют общую точку соприкосновения – реализацию власти.

В результате анализа существующих определений были выделены следующие характеристики политического дискурса:

1) политический дискурс как целостное образование выступает в виде определенного, т.е. построенного по определенному образцу комплексного речевого действия. Включение исторической перспективы в анализ политического дискурса отражает динамическую природу, обусловленную функционированием этого

образования в определенном обществе и его спецификой прагматического контекста устно-повествовательного речевого жанра: особенностями его создания и воспроизведения, целью установки, ориентированности на адресанта, психотипа языковой личности и т.д. [8, с. 7–9; 12];

2) интенция борьбы за власть или ее удержание – это специфическая характеристика политического дискурса, которая постоянно присутствует во всех его жанрах (политическое интервью / выступление / речь, правительственное заявление). Политическое выступление и правительственное заявление являются монологическими действиями, т.е. между участниками коммуникации не предполагается диалогических действий, осуществляется прежде всего функция сообщения и воздействия. Указанные жанры – политическое выступление и правительственное заявление отвечают принципам интернальности / экстернальности публичной речи, т.е. ориентированности говорящего на узкопрофессиональную аудиторию (интернальность – тип правительственного заявления) и неограниченный круг адресатов (экстернальный тип). Любое «письмо власти» может одновременно рассматриваться и как политический идеологизированный (т.к. выражает функциональную идеологию власти, ее точку зрения) дискурс, и как публицистический – поскольку он обращен к массовой аудитории и содержит изложение определенной общественно-политической позиции по поводу актуальной для данного периода жизнедеятельности социума темы. В политическом дискурсе язык рассматривается как средство осуществления социальной власти, как средство формирования, а не выражения мировоззрения;

3) идеологическая направленность высказывания заключается в том, что политический деятель актуализирует в тексте свою систему ценностей, оценок информации, которые он излагает или в ряде случаев «навязывает» получателю текста. Идеологическая направленность реализуется в тексте особыми средствами синтаксической организации, например, использованием параллельных конструкций, риторических вопросов, повторов и т.д. Эти средства служат для усиления логического и эмоционально-психологического воздействия на получателя [8, с. 49–51; 12];

4) интертекстуальность политического дискурса заключается в признании факта существования нескольких реальных авторов, ответственных за конкретное высказывание (политические деятели, политическая группировка или партия от которой выступает копирайтер или спичрайтер, редактор и т.д.). Однако, интертекстуальность как характеристика политического дискурса, а значит, и публичного выступления не исключает возможность исследования речевого поведения политика и диагностирование на основе его личностных характеристик. Интертекстуальность касается ответственности нескольких авторов за идеи, популяризируемые в дискурсе, но оформление их средствами языка происходит в процессе коммуникации непосредственно в момент произнесения публичной речи перед аудиторией, а произносит речь один человек [8, с. 80; 9; 11; 12];

5) политический дискурс отличает такая его характеристика как мифологичность, она проявляется в том, что отправитель сообщения предстает как имиджевая мифология: «президент», «лидер партии» и т.п. [5; 10]. Мифологичность политического дискурса обуславливается сознательным или интуитивным выбором отправителем сообщения стереотипов, т.е. определенного алгоритма знаний согласно которому происходит одностороннее восприятие того или иного социального объекта, группы, явления и т.д.

Политический дискурс определяется как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку / вовлечение в политический

процесс, сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств и основан на демократических принципах, но с правилами жестко институциональной иерархии.

Американский политический дискурс определяем, как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку / вовлечение в политический процесс, сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств. Данный вид дискурса основывается на демократических принципах, но с правилами жестко институциональной иерархии.

Изучая американский политический дискурс и соответственно, американскую языковую личность, необходимо принять во внимание ее когнитивный статус в конструировании современного мира, в котором «процессы межкультурного взаимодействия нередко определяются заимствованными человеческой цивилизацией элементами системы ценностей государства США, а культурно-исторический опыт освоения американской нацией Североамериканского континента распространяется посредством СМИ на другие национально-территориальные образования» [7, с. 74]. Специфика функционирования языковой личности в американском политическом дискурсе XXI ст. определяется лингвокультурной оппозицией Севера и Юга США, начавшейся задолго до Гражданской войны.

Базовой чертой политического поведения американцев является состязательный характер [2], т.к. политика в целом воспринимается как непрекращающийся «диалог-поединок между партией власти и оппозицией» [10, с. 32]. Американский политический дискурс XXI ст. характеризуется детально продуманным в языковом оформлении описанием социально и политически важного события с целью влияния на адресата, в роли которого выступает социум. В формировании, распространении и влиянии американского политического дискурса XXI ст. значительную роль играют Интернет и СМИ.

Организация американского политического дискурса имеет аксиологическую природу. Наиболее важные ценностные понятия осуществляют значительное влияние на когнитивную систему реципиента. Языковое оформление универсальных ценностей наряду с национально-маркированными, находят свое выражение в универсальных и национально-маркированных концептах в американском политическом дискурсе, которые изменяются в зависимости от развития социально-экономических и политических условий и событий в стране.

Американский политический дискурс отражает образ мышления, присущий носителям англо-американской политической культуры. В США сложился национальный политический дискурс, фиксирующий не только общие черты англо-американского образа мышления, но и особенности менталитета американцев, специфику их лингвокультурного сознания в сфере политики.

Опорными элементами для изучения и осознания менталитета этноса могут быть концепты, понимаемые как основные ячейки культуры в ментальном мире человека [9, с. 41].

Основные черты американского характера – индивидуализм, свободолюбие, уверенность в собственных силах, напористость и деловитость, вера и устремленность в будущее актуализированы в таких национально-маркированных концептах в американском политическом дискурсе как INDIVIDUALISM, FREEDOM, PROSPERITY, AMERICAN PROMISE / SPIRIT / DREAM, DEMOCRACY, EQUALITY, NATIONALISM, PATRIOTISM, SECURITY и др.

Как следствие, ценности, выработанные в границах культуры США – свобода, прагматизм, индивидуализм, исключительность, сформировали в XXI ст. наиболее значимый в познавательном отношении фрагмент политической языковой картины мира американцев. Такие ценности, как семья, прошлое, доблесть и честь, гостеприимство представлены преимущественно в исторической ретроспективе и не всегда актуализируются в политическом дискурсе языковой личности XXI ст. в качестве концептов национальной культуры и в основном воспринимаются как «лакунарные фрагменты картины мира» [7, с. 79].

В американском политическом дискурсе социальность языка проявляется в языковом оформлении социально-значимых событий и особенностей адресантно-адресатной конфигурации. Развитие и функционирование этого дискурса происходит вследствие влияния на него Интернета и СМИ. На американский политический дискурс также влияют внеязыковые факторы идеологического содержания – факторы сознательного влияния на язык (идеология, пропаганда, лексикон и язык политиков), макросоциальные (массовая коммуникация) и микросоциальные факторы (феминистическое движение, борьба представителей этнических меньшинств и борьба представителей сексуальных меньшинств за свои права).

Таким образом, американский политический дискурс рассматривается как форма социального действия, определяемая конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в англо-американском социуме и реальных временных процессов. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия американского политического дискурса позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака на любом уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения. Основные характеристики американского политического дискурса включают: информативность, идеологическую направленность, интертекстуальность и мифологичность.

Установлено, что экстралингвистический компонент американского политического дискурса, наряду с когнитивной и коммуникативной деятельностью, включает ценности коммуниканта. Коммуникация в американском политическом дискурсе XXI ст. характеризуется использованием специфических ценностных понятий и активизацией особых оценочных структур, объясняется особым типом ментальности, который отражает названный тип дискурса.

Выделение в американском политическом дискурсе институционального детерминирует значимость функционирования личности во власти. Под языковой личностью понимается человек, способный создавать и воспринимать тексты, которые отличаются разной степенью структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности, при определенной целевой направленности.

Важнейшей характеристикой американского политического дискурса является его этнокультурная специфика, представляемая культурными смыслами – коммуникативным поведением и ценностным отношением «коллективной языковой личности» к фрагментам политической реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Р. Барт. – Пер. с франц. – М., 1989. – 615 с.
2. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества / Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV. – 896 с.
4. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
5. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
7. Ма Т.Ю. Исследование американской языковой личности с позиций прототипического подхода / Т.Ю. Ма // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №16 (3-45). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 91. – С.74–81.
8. Селиверстова Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века: На материале их публичных выступлений и мемуаров / Л.Н. Селиверстова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Ростов-на-Дону, 2004. – 168 с.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.40–43.
10. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – №2. – С.53–59.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
12. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
13. Flick U. Social representations / U. Flick // Rethinking psychology. – L., N.Y.: Longman, 1995. – P. 70–96.
14. Harre R. Discursive psychology / R. Harre // Rethinking Psychology. – L.; N.Y.: Longman, 1995. – P. 143–159.
15. Politics as Text and Talk. Analytic Approaches to Political Discourse / Ed. by P.A. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam, 2002.
16. Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / O. Feldman (ed.). N. Y., 1998.

Поступила в редакцию 03.11.2020 г.

AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XXI-st CENTURY: MAIN CHARACTERISTICS

I.V. Fatyanova

The article deals with the analysis of the peculiarities of the American political discourse of the XXI century. The focus is made on the American political discourse as a reflection of the political era, linguistic, ideological, axiological and national-specific characteristics of the USA. The main characteristics are determined by the historical, socio-political and linguistic background of the studied type of discourse. They represent the principles of its organization, peculiarities of the linguistic personality's performance and the communicants' configurations in the American political discourse of the XXI-st century. The conceptual space of the American political discourse is made up of several concepts, among which the basic ones are INDIVIDUALISM, FREEDOM, PROSPERITY, AMERICAN PROMISE / SPIRIT / DREAM, DEMOCRACY, NATIONALITY, EQUALITY, SECURITY.

Key words: political discourse, national discourse, social factor, concept, key national concept.

Фатьянова Ирина Валерьевна.

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
Доцент кафедры английской филологии.
E-mail: irafatianova@mail.ru

Fatyanova Irina Valeriyvna.

Candidate of Philology, Associate Professor
Donetsk National University.
Associate Professor of the English Philology
Department.
E-mail: irafatianova@mail.ru

УДК 81'282+81'286

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕРВИСА GOOGLE TRENDS В ИЗУЧЕНИИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОЛЕКТА

© 2021 А.С. Бурляй, А.О. Якель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются функциональные возможности онлайн-сервиса Google Trends для осуществления исследований в области изучения донецкого региолекта. Описан интерфейс раздела «Анализ», отражающий языковые явления в конкретных регионах. Google Trends дает возможность исследователю отследить популярность регионализмов во временной динамике, определить ареал распространения региональных особенностей русского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, региолект, диффузный региолект, региолектный говор, регионализм.

Введение. Коммуникация XXI века напрямую связана с использованием цифровых технологий, новых медиа, поисковых систем. Речевые процессы постепенно виртуализуются, формируя сетевой дискурс, в котором коммуниканты выступают от лица своих условных «аватаров» – образов, используемых для построения коммуникации в виртуальной среде. Однако статус «пользователь сети Интернет» не исключает того, что человек, применяющий для связи и поиска информации веб-ресурсы, задействует известные ему языковые средства в новом коммуникативном пространстве.

Поэтому в современных лексикографических исследованиях, а также при изучении особенностей региолектов, кроме традиционных методов и инструментов, следует использовать функционал онлайн-сервисов, отражающих динамику речевых процессов в определенном регионе или государстве. Так, компанией Google в 2007 году разработан специальный сервис Google Trends (сначала он охватывал только данные пользовательских запросов в США, а с 2013 года распространил свое действие на Российскую Федерацию и Украину) – поисковой инструмент для маркетологов, рекламистов, журналистов и других специалистов, чья профессиональная деятельность связана с медиакоммуникацией. На наш взгляд, его функциональные возможности могут быть применены для проведения лингвистических исследований, так как «российские и зарубежные поисковые системы в настоящее время являются не только агрегаторами информации, снабженными продвинутым справочно-поисковым аппаратом, но и мощными статистическими и аналитическими системами» [4, с. 3].

Основная часть. В качестве лингвистического материала Google Trends использует поисковые запросы пользователей в соответствии с регионами, из которых они осуществлены. Однако «достоинство этого сервиса не только в выявлении наиболее устойчивых популярных запросов в целом, что можно получить и с помощью большинства традиционных интернет-поисковиков, но и в получении статистики за короткий промежуток времени – последние 24 часа или заданный временной отрезок в прошлом» [4, с. 3]. Сервис дает возможность проанализировать данные за последний час, 4 или 24 часа, неделю, 30, 90 дней, год или последние пять лет. Также можно выбрать произвольный промежуток в диапазоне с 2004 года по настоящий момент, что позволяет осуществлять не только синхронное, но и диахронное изучение региолектов.

По состоянию на 2018 год, опираясь на данные С. В. Соколова [4], Google Trends в лингвистических исследованиях задействован не был. К настоящему моменту результаты комплексного изучения языковых явлений с помощью данного сервиса не отражены ни в профильных западных журналах, ни в отечественных научных периодических изданиях. «Российские исследователи используют Google Trends преимущественно для анализа маркетинговой информации, но в последние годы этот аналитический инструмент применяется для изучения общественных и политических процессов» [4, с. 6].

Наибольшее число возможностей для получения лингвистических данных предоставляет раздел «Анализ» сервиса Google Trends. Интерфейс разбит на 5 основных блоков, функциональные возможности каждого из которых обладают собственной спецификой. Так, верхняя панель (см. рис. 1) служит для выбора критериев отображаемой информации по конкретному поисковому запросу: область для ввода искомого слова или словосочетания, выпадающие списки, указывающие на необходимый для изучения регион, временной период, тематическую категорию и источники поиска. Так как в первую очередь Google Trends интересен маркетологам и журналистам, уточнение категории («Автотранспортные средства», «Бизнес и промышленность», «Дикие и домашние животные» и т. д.) и ограничение по источникам («Веб-поиск» или «Поиск по...»: картинкам, новостям, товарам, в YouTube) не использовались нами в проведенном исследовании.

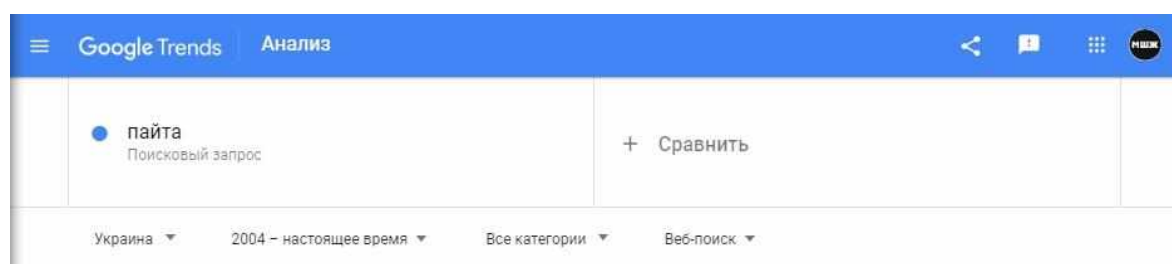

Рис. 1. Внешний вид верхней панели раздела «Анализ» сервиса Google Trends

После ввода интересующего поискового запроса, а также настройки критериев отбора информации в блоках «Динамика популярности», «Популярность по субрегионам», «Ещё по теме» и «Похожие запросы» отображаются искомые данные. Информация может отсутствовать, если за определенный промежуток времени у Google недостаточно информации для построения графиков и подбора подобных тем и запросов.

В ходе нашего исследования мы обращались к данным из блоков «Динамика популярности», «Популярность по субрегионам» (включая информацию по субрегионам и городам).

Первый блок (см. рис. 2) отображает сезонный интерес пользователей к поисковому запросу. Например, лексема «холодец» чаще всего востребована, по данным Google Trends за последние 13 лет, в декабре и апреле, что в некотором смысле отражает культурные особенности региона. Для сравнения можно взять динамику запросов лексемы «холодец» при использовании фильтра «Россия» – пики максимальной популярности запроса видны только в декабре каждого года. Больше всего запросов (в среднем в 5 раз больше, чем в любом другом регионе) происходит из Чукотского автономного округа.

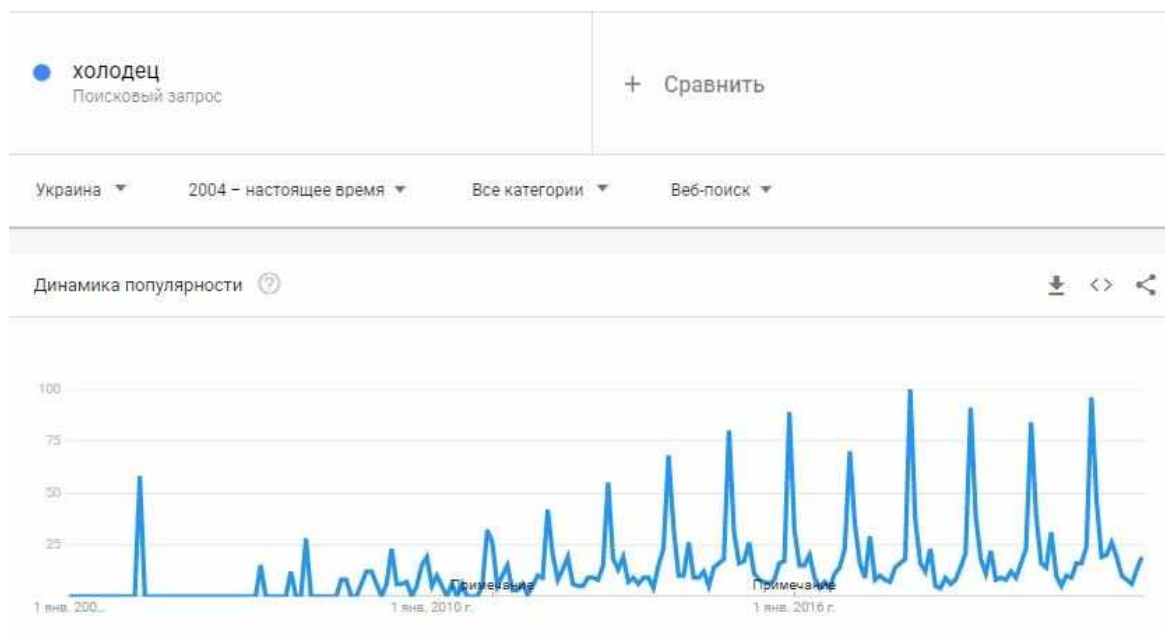

Рис. 2. Внешний вид блока «Динамика популярности» сервиса Google Trends

Второй блок (см. рис. 3) отображает относительные показатели популярности указанного поискового запроса в разных регионах. Так, административной единице государства или населенному пункту присваивается показатель 100 (отмечается синим цветом), если больше всего запросов за указанный период происходило с данной территории. А, например, уровень 50 указывает на то, что в конкретном регионе число искомых лексем было вдвое меньшим, чем в регионе с максимальным количеством запросов. Часть территорий отмечена серым цветом (0 баллов) – либо для данных регионов у Google слишком мало информации, чтобы отобразить статистику, либо число поисковых запросов незначительно.

Для лучшей визуализации данных условные «субрегионы», по которым у Google есть данные, отображаются оттенками синего в зависимости от уровня популярности запроса. Также информация отображается справа от карты в виде рейтинга и соответствующей гистограммы.

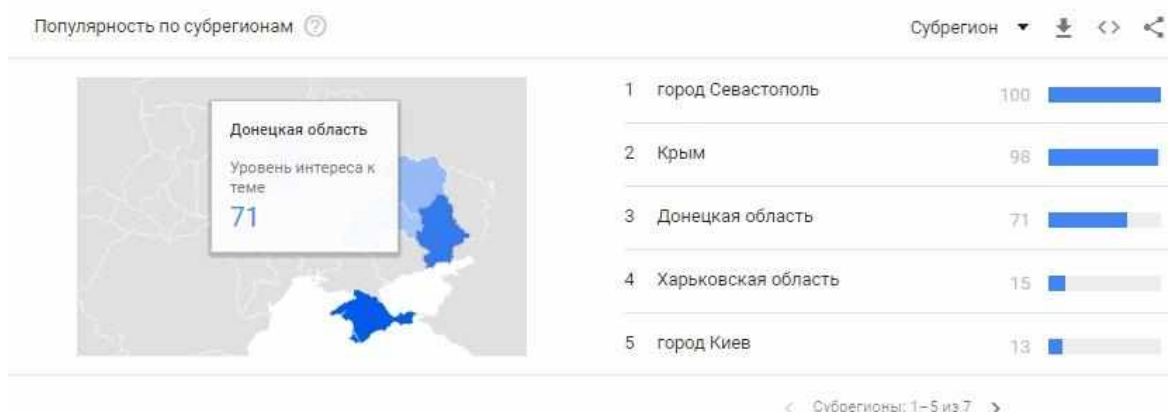

Рис. 3. Внешний вид блока «Популярность по субрегионам» сервиса Google Trends

В качестве материала исследования мы использовали лексемы из «Материалов к словарю донецкой речи» (словника), размещенных в монографии «Донецкий региолект» [1]. Общий объем изученных единиц составил 685 слов и словосочетаний, являющихся донецкими регионализмами.

В результате анализа данных лексем с помощью сервиса Google Trends было выявлено 95 единиц, по которым есть подробная статистика. Условно их можно поделить на 4 типа:

- Регионализмы, которые используются в поисковых запросах только с территории Донецкой и Луганской областей (в данном случае мы рассматриваем Донбасс в узком смысле, ориентируясь на административное деление Украины, используемое Google Trends, а также государственные границы Донецкой и Луганской Народной Республики, определенные в их конституциях; еще стоит принять во внимание, что мы рассматривали динамику популярности запросов, начиная с 2004 года): «болтать», «бутылёк», «впоймать», «гудеть», «жерделя», «лутка» и т. д.

- Регионализмы, которые используются в поисковых запросах с территории Донецкой и Луганской, а также смежных областей (в данном случае мы рассматриваем Донбасс в широком значении, как историческую территорию приблизительно равную Донецкому каменно-угольному бассейну и Донецко-криворожской советской республике): «досточка», «задарма», «тормозок», «чигири», «шавуха» и т. д. Их в свою очередь можно условно поделить на те, которые максимально популярны (75 баллов и выше в Google Trends) в Донецкой и Луганской областях («бубки», «вкрутить», «вовнутрь», «закупорка», «затянуть»), и те, которые чаще искали пользователи из смежных регионов (менее 75 баллов, но больше 0 в Google Trends для субрегионов «Донецкая область» и «Луганская область»): «обратка», «лымарь», «гололедица», «бордюра», «веса» и т. д.

- Регионализмы, которые используются в поисковых запросах с территории Донецкой и Луганской области, а также других регионов Украины, как граничащих, так и не граничащих с Донбассом: «болер», «водолазка», «закатка», «качеля», «мочалка», «ставок» и т. д.

- Регионализмы, зафиксированные в словнике донецкого региолекта, но не популярные, как запросы с территории Донецкой и Луганской области. Их также можно поделить на две подгруппы: популярные в субрегионах, граничащих и не граничащих с Донбассом: «болтуня», «болячка», «ковшик», «стёрка», «быльца». Например, ряд донецких регионализмов в поисковых запросах зафиксирован в Крыму и Киеве и нигде более.

Такое деление зафиксированных словником регионализмов позволяет делать некоторые выводы относительно их происхождения, связанного с процессами миграции (опираясь на статистику Google Trends). «Региолекты существуют на фоне стирания диалектных границ, миграционного перенесения языковых единиц из одного региона в другой, и это предопределяет возможность употребления одной и той же единицы не в одном, а в нескольких региолектах, но не на всей территории распространения русского языка» [5, с. 21].

С одной стороны, миграционные процессы способствуют образованию региолекта при перемещении лиц в конкретный регион (например, в период индустриализации Донбасса), а с другой, лица, использующие регионализмы, в процессе миграции (как это, например, случилось в 2014–2015 гг. в Донбассе) расширяют ареал их использования. «Особенно это значимо для диффузных региолектов, для которых характерно преобладание именно широких регионализмов, поскольку их лексикон

формировался в процессе взаимодействия лексических систем языков, диалектов, региолектов мигрантов: языковые единицы, используемые в них, отмечаются как минимум в двух регионах – исконном, откуда прибыли мигранты, и новом, в который они прибыли» [5, с. 21].

Представленное выше деление языковых единиц в определенной степени расширяет и уточняет представления об узких и широких регионализмах. Так, «узкие регионализмы – единицы, представленные только в одном регионе, широкие же имеют обширный ареал распространения» [5, с. 20]. Статистика запросов пользователей привязанная к конкретным субрегионам позволяет точнее классифицировать указанные лексемы.

Заметим, что в блоке «Популярность по субрегионам» при выборе отображения субрегионов и городов демонстрируются несколько разные данные. Например, при поиске лексемы «пайта» при выборе типа отображения данных «Субрегион» показаны 7 субрегионов (Донецкая область набирает 71 балл) (см. рис. 3), а при отображении популярности запроса по городам указаны только Донецк и Киев (см. рис. 4).

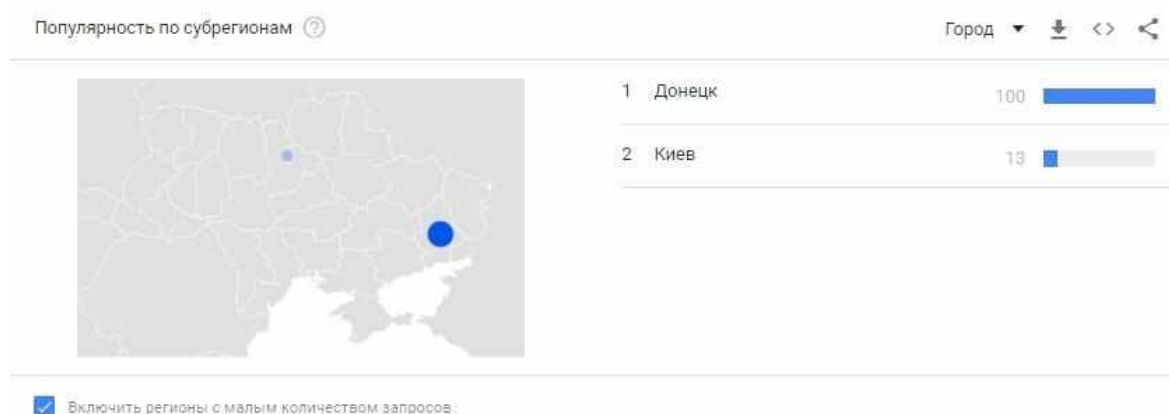

Рис. 4. Данные по поисковому запросу «пайта» при отображении статистики по городам в блоке «Популярность по субрегионам» сервиса Google Trends

Можем предположить, что статистика по городам позволит выявить особенности региолектных говоров, а данные по субрегионам – региолектного наречия.

Однако кроме новых возможностей, которые открываются исследователям региолектов благодаря использованию сервиса Google Trends, возникает ряд проблем, связанных в первую очередь с тем, что продукт компании Google не рассчитан на проведение исследований в области лингвистики. Среди них следует выделить:

1. С помощью Google Trends можно проанализировать лексические и словообразовательные, а также отдельные синтаксические регионализмы. Морфологические, семантические, акцентные и фонетические обычно не отражены в результатах поисковых запросов пользователей, не хватает данных.

2. Поисковые запросы пользователей не являются коммуникативными актами. Их основная цель – получение информации посредством поисковой системы. Носитель региолекта при использовании Google будет стремиться использовать слова, относящиеся к общеупотребительной лексике. Поэтому такие регионализмы, как «шпендик» («человек маленького роста» [1, с. 238]) или «шалабан» («рюмка водки» [1, с. 238]) не представлены в Google Trends, но активно используются в устной речи.

3. Данные Google Trends не всегда точны в отношении регионализмов, которые являются омонимами («говорушка», «гулька» и т. д.) или используются как имена

собственные («паца», «халабуда», «террикон», «бубки» и т. д.). О том, что ряд лексем не употребляются пользователями Google, как регионализмы, свидетельствует информация из блоков «Ещё по теме» и «Похожие запросы» Google Trends.

Рассмотрим данную проблему на примере лексемы «говорушка» (см. рис. 5). Словник донецкого региолекта фиксирует следующее значение данного слова: «болтун, разговорчивый человек» [1, с. 217]. В блоке «Похожие запросы» указано: «гриб говорушка», «говорушка дымчатая», «говорушка оранжевая». Данные словосочетания имеют другое лексическое значение.

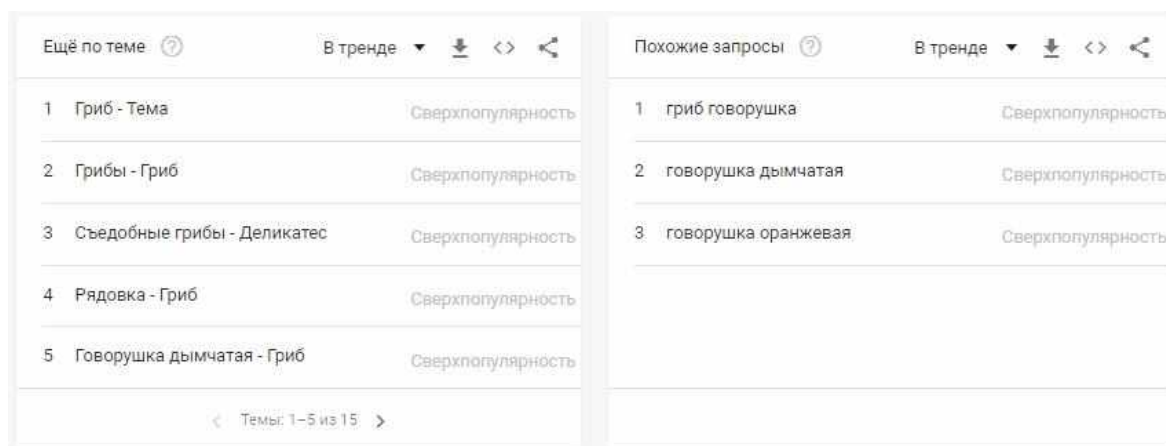

Рис. 5. Данные сервиса Google Trends по запросу «говорушка»

4. Google исправляет ошибки в запросах пользователей, предлагая нормативные варианты трансформированных в региолекте лексем, что также влияет на точность отображения информации о статистике запросов пользователей в Google Trends.

5. Изучение донецкого региолекта не может быть ограничено данными субрегионов «Донецкая область» и «Луганская область», так как реальные границы его распространения не совпадают с административными.

Закключение. Таким образом, использование Google Trends в лингвистических исследованиях дает большое количество статистической информации, которая может быть применена для составления словаря донецкого региолекта, а также изучения языковых процессов в различных регионах. В то же время специфика сервиса имеет ряд ограничений для получения точных данных по функционированию всех языковых единиц, зафиксированных офлайн-методами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донецкий региолект / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой [и др.] ; Под ред. В.И. Теркулова. – Донецк : ООО «НПП „Фолиант“», 2018. – 265 с. – ISBN 9785604117736.
2. Куприянова К.А. Лексика Донецкого региолекта: системно-функциональный подход / К.А. Куприянова // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 3. – С. 102–108.
3. Курмакаева Н.П. О формировании системы базовых понятий лингворегионоведения / Н.П. Курмакаева // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 11. – С. 77–90.
4. Соколов С.В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиоковедческих исследованиях / С.В. Соколов // Библиосфера. – 2018. – № 4. – С. 3–9. – DOI 10.20913/1815-3186-2018-4-3-9.
5. Теркулов В.И. Базовые понятия Донецкой школы лингворегионалистики / В.И. Теркулов // Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма : материалы докладов Национальной научной онлайн-конференции с международным участием, Грозный, 15–17 апреля 2021 года / Чеченский государственный педагогический университет, кафедра русского языка и методики его преподавания. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2021. – С. 18–28.

6. Теркулов В.И. Базовые понятия лингворегионалистики / В.И. Теркулов // Культура в фокусе научных парадигм. – 2018. – № 8. – С. 95–103.

7. Теркулов В.И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере Донецкого региолекта русского языка) / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2018 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 403–408.

8. Google Trends [Электронный ресурс] // Google. – Режим доступа: <http://www.google.com/trends>. – (дата обращения: 05.10.2021).

Поступила в редакцию 08.10.2021 г.

POSSIBILITIES AND PROBLEMS OF USING THE GOOGLE TRENDS SERVICE IN THE STUDY OF THE DONETSK REGIOLECT

A. S. Burlyai, A. O. Iakel

The article deals with the functionality of the Google Trends online service for conducting research in the field of studying the Donetsk regiolect. The interface of the "Analysis" section is described, reflecting language phenomena in specific regions. Google Trends enables researchers to track the popularity of regionalisms in time dynamics, to determine the area of distribution of regional features of the Russian language.

Key words: linguistics; regiolect; diffuse regiolect; regiolectic patois; regionalism.

Бурляй Анна Сергеевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Ассистент кафедры русского языка.

E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Якель Алексей Олегович.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры журналистики.

E-mail: ayakel@narod.ru

Burlyai Anna Sergeevna.

Donetsk National University.

Assistant of the Department of the Russian Language.

E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Iakel Aleksey Olegovich.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Assistant Professor of the Journalism Department.

E-mail: ayakel@narod.ru

УДК 821.162.1 Слп7 Пос.08.

ДИХОТОМИЯ ДОБРА И ЗЛА В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ АНДЖЕЯ САПКОВСКОГО «ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ»: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

© 2021 *Е.С. Василенко*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье проанализированы дихотомические отношения добра и зла в сборнике рассказов Анджея Сапковского «Последнее желание» с точки зрения мифопоэтического дискурса. Добро и зло рассматриваются как философские и нравственно-этические категории. Прослеживаются изменения в понятийных компонентах этих категорий в авторских текстах, подается сравнение фольклорных и мифологических источников.

Ключевые слова: категории добра и зла, дихотомия добра и зла, положительные и отрицательные герои, чудовища, ведьмак.

Добро и зло диалектически неразрывная пара категорий в философии, религии, этике, языковедении и литературоведении. Существование одной категории в отрыве от другой невозможно. Проблемам семантики добра и зла посвящали свои работы философы, лингвисты, литературоведы, психологи и многие другие. Вопросы обсуждения этих категорий отображены в работах Г. Гегеля, И. Канта, К. Велимана, Дж. Остина, Г. фон Райта, З. Вендлера, Р. Гартмана, Х. фон Вригта, В. Федорова. Исследованность данных категорий позволяет отнести добро и зло к базисным фундаментальным универсальным категориям, действующим на основе оппозиций «ценность – антиценность», «прекрасное – безобразное», «нравственное – безнравственное». В то же время, многообразие подходов к рассмотрению этих категорий показывает сложность, неоднозначность и разносторонность их онтологической сущности.

Категории добра и зла универсальны в культурном пространстве, однако на локально-этническом и понятийно-концептуальном уровнях имеют свои особенности. Целью данной статьи является попытка рассмотреть дихотомические отношения добра и зла, представленные в сборнике рассказов Анджея Сапковского «Последнее желание», в их взаимосвязи с мифопоэтическим дискурсом.

Актуальность данной статьи обусловлена современными изменениями морально-нравственных парадигм, наблюдаемых в обществе. Сегодняшнему читателю пропагандируются и навязываются совсем иные понятия морали, норм поведения и понятий добра, зла, чести и т.д. Поэтому на сегодняшнем этапе развития общества остро встаёт проблема трактовки и детерминизации таких базовых категорий как добро и зло.

В широком смысле под словом «добро» следует понимать «ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт» [5, с. 175]. В истории философии и культуры добро трактовалось как удовольствие, польза, счастье, целесообразное в зависимости от принимаемого стандарта. Развитие морального сознания и этики привело к разработке более строгого понятия морального добра. Это «особого рода ценность, не касающаяся природных или стихийных событий и явлений». Кроме того, добро связано со свободными, сознательно соотнесенными с высшими ценностями поступками [5, с. 175].

Как и добро, зло существует только в процессе общения людей, их отношения к другим людям и социальным группам. Научно-философский словарь дает следующую

интерпретацию понятию: «Зло – ценностное представление, противоположное добру, универсалия культуры, основополагающая для морали и этики» [5, с. 247].

В литературном аспекте дихотомия добра и зла отображается в первую очередь в образах положительных и отрицательных героев, их поведении и поступках.

Опираясь на творчество А. Сапковского, добро и зло вступают в понятийный конфликт уже на стадии знакомства с главным героем саги о Ведьмаке – Геральтом из Ривии. Перед читателем он предстаёт как существо, мастерски владеющее искусством убивать разнообразных мистических, мифических опасных чудовищ: вурдалаков, кикимор, стрыг и прочих. То есть, в главном герое заложен потенциал «добра» ведь он тот, кто уничтожает зло. Однако в повествовании наблюдаем преимущественно негативное отношение к Геральту других (в основном проходных персонажей), поскольку ведьмак в общественном понимании считается человеком опасным, не заслуживающим доверия, «выродком-мутантом». «Воистину, нет ничего более отвратного, нежели монстры оные, натуре противные, ведьмаками именуемые, ибо суть они плоды мерзопакостного волшебства и диавольства. Это есть мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия адовы, токмо к убийствам приспособленные. Нет таким, како оне, места меж людьми почтенными. А их Каэр Морхен, где оные бесчестники гнездятся, где мерзкие свои дела обделывают, стерт должен быть с лона земли и след по нему солью и селитрой посыпан...» [3, с. 99].

Удивительным образом, это описание расходится с образом героя, описанного Сапковским. Считаем, что объяснение такого двоякого отношения к главному герою лежит в плоскости психологии и дуалистических отношений между «Я» и «не-Я». Ведьмак действительно «другой», «иной», «чужой», поскольку обладает сверхъестественными способностями, которые приобрел не с рождением, а путем множественных искусственных химико-биологических мутаций. И хотя его цели благородны и лежат в области добрых поступков, отношение к нему всегда первоначально негативное, как к не-человеку, потенциальному злу.

Во многом отношение к Геральту других героев произведения влияет на его самовосприятие и читательское понимание этого персонажа. Постепенно характер и мотивации героя в дихотомических отношениях добро – зло раскрываются глубже и неожиданней. По сути, весь путь героя – это изображение борьбы добра со злом. Исключительность этого пути состоит в том, что автор, словами героя, доказывает нам сложность и многогранность этих категорий, трактуя их всегда неоднозначно, но крайне оригинально.

В работе В. Федорова «Проблема отрицательного героя» содержится интересный тезис о природе зла: «Ф.М. Достоевский утверждал, что зло в человеке лежит гораздо глубже, чем думают лекаря-социалисты. Вполне соглашаясь с этим, задаем вопрос: где именно, т. е. как глубоко? – И отвечаем: «зло» лежит не в человеке, оно гораздо древнее, хотя именно в человеке оно получило этический аспект. Зло является таким же древним, как и добро и есть, в сущности, его антипод. Нельзя, уничтожив зло, оставить добро» [4, с. 92].

Сапковский частично подтверждает этот тезис, ведь в его рассказах зло представляют не монстры и чудовища, не виверны, гули и вилхвосты. Истинным злом перед читателем предстают обычные люди: глупые, жадные, похотливые и завистливые. «Люди боятся признать тот очевидный факт, что монстр на самом деле не вампир или леший, а муж, который забивает насмерть жену, или толпа, заживо сжигающая ни в чем неповинную девушку. Боятся и потому бессознательно стремятся переложить вину за всю жестокость на несуществующих чудовищ, коих в действительности нет» [3, с. 217].

К примеру, в первом рассказе сборника «Ведьмак» представлен сюжет, повествующий о чудовищном упыре, терроризирующем маленькое королевство на

протяжении четырнадцати лет. Собственно, на убийство этого упыря и подписывается ведьмак. Но в процессе развертывания сюжета читателю становится известно, что настоящее чудовище не бедная принцесса-упырица, случайно попавшая под родовое проклятие, а приближенный к королю советник, задумавший из мести и зависти сместить короля. И ведьмаку предстоит не убивать, а спасать.

Исследования мифологических и сказочных прототекстов позволяют сделать предположение, что в основе данного рассказа лежит польская народная сказка «Королевна-упырь», входящая в антологию «Польские народные сказки» [1, с. 134–136]. Как и в сказке, у Сапковского страшный монстр вовсе не является тем самым злом, а лишь жертвой чудовищных обстоятельств. Только сказка не рассказывает читателю подробностей о возникновении монстра, а в «Ведьмаке» автор позволяет себе пофантазировать, выставляя не упыря, а человека настоящим кровожадным и безжалостным монстром.

Продолжает тему генезиса истинного зла и добра следующий рассказ сборника «Крупица истины», в котором читатель без труда узнает сказку «Красавица и чудовище». По сюжету сказки невинная девушка попадает по вине отца в заточение к чудовищу, которое на поверку оказывается зачарованным принцем. Читатель лишь мельком узнаёт, что принц был когда-то заколдован злой колдуньей. Таким образом, дихотомия добра и зла в сказке исчезает, поскольку зла, как такового и нет.

В «Крупице истины» фабула сходна со сказочной и читатель знакомится с историей Нивеллена, так называемого «чудовища». И с первых строк становится ясно, что корень зла – в самом герое. Только сам Нивеллен, будучи обычным, но глупым и жадным человеком, алчущим богатств разбойником, навлек на себя бедствия и проклятие.

Наиболее интересным отношением к понятию зла определяется у Сапковского сам ведьмак Геральт. В его картине мира не существует дихотомии или противопоставления зла добру. Герой в этом сложном противоборстве неожиданно выбирает нейтралитет. Об этом мы узнаем из третьего рассказа «Меньшее зло».

В основе этой истории лежит сказка о Белоснежке. И если в сказке дихотомия добра и зла выражена достаточно однозначно: мачеха – зло, а Белоснежка – добро, то в рассказе Сапковского и сюжет, и понятие об этих категориях перевернуты практически диаметрально. В «Меньшем зле» героиня Ренфри – беглая княжна, которую преследует не только мачеха, но и главный маг Стригбор. Он утверждает, что девушка совсем не беззащитное дитя, ищущая заботы и справедливости. Ренфри – опытная воровка и убийца, предводительница банды головорезов, промышляющих грабежами и убийствами на больших дорогах. Она есть чистое зло, поскольку родилась в день солнечного затмения и является мутантом, злобным по определению, которого следует захватить и препарировать, чтобы избежать дальнейшего распространения зла. Однако вскоре выясняется, что девушка – жертва обстоятельств и придворных игр мачехи, была вышвырнута из дворца, изнасилована и вынуждена убивать, чтобы выжить. Теперь ею движет только чувство мести. «Существуют просто Зло и Большое Зло, а за ними обоими в тени прячется Очень Большое Зло. Очень Большое Зло, Геральт, это такое, которого ты и представить себе не можешь, даже если думаешь, будто уже ничто не в состоянии тебя удивить. И знаешь, Геральт, порой бывает так, что Очень Большое Зло схватит тебя за горло и скажет: ‘Выбирай, братец, либо я, либо то, которое чуточку поменьше» [3, с. 55].

Как мы обозначали ранее, герой выбирает нейтралитет: «Зло – это зло... Меньшее, бóльшее, среднее – всё едино, пропорции условны, а границы размыты. Я не святой отшельник, не только одно добро творил в жизни. Но если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще» [3, с. 46]. Именно этот

принцип Геральта затем красной нитью, программным лозунгом пройдет по всем книгам саги о Ведьмаке.

Безусловно, этот принцип Ведьмаку неоднократно придется нарушить и всё-таки выбирать, между той или иной стороной, которую никогда нельзя однозначно причислить ни к злу, ни к добру. Достаточно сказать лишь, что в «Меньшем зле» его позиция нейтралитета и не-выбора приводит к весьма трагическим последствиям. Ему приходится убить девушку и ее поделщиков, а Стригобор, чтобы не запятнать себя, объявляет её мученицей, а Геральта «кровавым мясником».

Таким образом, автор в очередной раз убеждает нас, что границы между добром и злом весьма условны и размыты, а люди – истинные носители зла – меняют эти понятия так, как им удобно.

Собственно, Сапковский, как в «Последнем желании», так и в последующих книгах цикла неоднократно вкладывает в уста своих героев различные трактовки проблемы добра и зла. Он никогда не бывает категоричен в определениях, что такое хорошо и плохо, морально и безнравственно, прекрасно и ужасно. Это в очередной раз доказывает, что, несмотря на некую совокупность понятий и концептов, входящих в категории «добро» и «зло», они никогда не будут однозначны. А значит, в широком смысле, для ведьмака Геральта нет добра и зла, «есть только поступки и их последствия» [3, с. 60].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Польские народные сказки. – Л.: Худож. Лит., 1980. – 328 с.
2. Развадовская Н.А. Фэнтези А. Сапковского: синтез мировой и национальной культур [Текст] / Н.А. Развадовская // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/24377/1/200-210.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Сапковский А. Последнее желание. Меч Предназначения. Кровь эльфов. Час презрения. Крещение огнем. Башня Ласточки. Владычица Озера : [сборник: фантастические романы] / Анджей Сапковский ; [перевод с польского Е.П. Вайсброта]. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 1344 с.
4. Федоров В. Статьи разных лет / В.В. Федоров : [сборник статей, посвященный фундаментальным проблемам теории словесности]. – Донецк: Норд-Пресс, 2007. – 232 с.
5. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Поступила в редакцию 19.10.2021 г.

GOOD AND EVIL DICHOTOMY IN THE COLLECTION OF STORIES "THE LAST WISH" BY ANDZEJ SAPKOVSKY: MYTHOPOETICAL DISCOURSE

E.S. Vasilenko

The article analyzes the dichotomous relationship between good and evil in the collection of stories "The Last Wish" by Andzej Sapkowski from the point of view of mythopoetic discourse. Good and evil are viewed as philosophical and moral-ethical categories. Changes are traced in the conceptual components of these categories in the author's texts in comparison with folklore and mythological sources.

Key words: categories of good and evil, good and evil dichotomy, positive and negative characters, monsters, witcher.

Василенко Елена Сергеевна.

Аспирант.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».

Ассистент кафедры русской и мировой литературы.

E-mail: eva-silenko1020@yandex.ua

Vasilenko Elena Sergeevna.

Postgraduate student.

Lugansk State Pedagogical University.

Assistant at the Department of Russian and World Literature.

E-mail: eva-silenko1020@yandex.ua

УДК 81'42

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЕДА / НАПИТКИ» В ГОГОЛЕВСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2021 Д.А. Калмыкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы лексические единицы со значением «еда / напитки» как средства выразительности текста в произведениях Н.В. Гоголя (на материале цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Проведён анализ гастрономической лексики по тематическим группам и способам номинации. Изучение особенностей применения лексических средств со значением «еда / напитки» на материале произведений Н.В. Гоголя способствует составлению представлений о национальной культуре и нравах в произведениях автора.

Ключевые слова: лексика, номинация термина, тематическая группа, гастрономическая лексика, тематическая группа наименования еды и напитков.

Широко известен тот факт, что в лексике народа отражаются его представления, главные ценности и культурно-национальные особенности. В лексике, которая играет главную коммуникативную роль, особое место занимает бытовая лексика, содержащая в своем составе названия пищи и напитков. Названия еды и напитков представляют собой тот пласт элементов материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные национальные черты [8, с. 7]. В бытовой лексике ярче всего проявляются представления народа о своей национальной специфике, и в то же время эта лексика легче и быстрее других подвергается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям. Так исторически сложилось, что еда и напитки используются в качестве символов богатства, благодарности, а также для демонстрации положения в обществе, поэтому системное описание такого достаточно значительного тематического пласта со значением «еда / напитки» в прозе Н.В. Гоголя позволяет выявить ряд лексических средств языковой выразительности в составе гастрономической лексики в художественном тексте. В контексте рассматриваемой проблематики представляет интерес цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя как один из наиболее показательных памятников русского литературного языка, изображающий национальную культуру народа во всём многообразии её качеств.

Цель исследования – изучить и систематизировать лексические единицы со значением «еда / напитки» в гоголевском дискурсе.

Задачи:

1. Исследовать лексические единицы со значением «еда / напитки» в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя.
2. Объединить гастрономическую лексику в тематические группы.
3. Проанализировать особенности применения лексических средств со значением «еда / напитки» как средства выразительности текста и способы формирования представлений о национальной культуре и нравах в произведениях автора.

Объект исследования – гастрономическая лексика.

Предмет исследования – гастрономическая лексика как средство выразительности в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя.

Языковые средства выразительности – это стилистические обороты, цель которых состоит в усилении выразительности речи. Они призваны сделать речь богаче и ярче, а

значит, привлечь внимание читателя или слушателя, возбудить в нем эмоции, заставить задуматься. А.В. Семенова в исследовании о концепте еды в литературе отмечает, что присутствие образа блюд и напитков в произведениях Н.В. Гоголя, характеризует тему застолья в славянских культурах, процесс угощения гостя, характер блюд. Как известно, одна из особенностей писательской манеры Н.В. Гоголя – ирония, а один из приемов достижения иронии – языковая игра с единицами гастрономической лексики. Ироничность авторского изложения достигается комбинацией детальности изображения кулинарных продуктов, процесса их приготовления и потребления. При этом каждый «вкусовой акцент» отражается автором с присущей именно ему колоритностью. В ходе описания яств и застолий раскрываются индивидуальные черты характера того помещика, с которым обедает герой, посредством приукрашивания всех характеризующих блюдо и прием пищи описаний. Данный прием служит как средством раскрытия характеров героев, так и инструментом индивидуализации их образов. Следовательно, лексические средства со значением «еда / напитки» призваны охарактеризовать хозяев усадеб и авторское к ним отношение, а еда в данном случае, выступает в функции изобразительно-выразительных средств языка и речи [7, с. 101].

Употребление слов с семантикой «еда / напитки» является одним из средств усиления степени «реалистичности», правдивости текста. Слова с семантикой «еда / напитки» представляют собой один из наиболее ярких и образных видов предметной детализации текста. Как отмечено в предисловии к сборнику избранных произведений Н.В. Гоголя под редакцией В.А. Ревенькова, «истинный хлебосол, воспитанный щедрой землей полтавщины, любивший угощать и потчевать, писатель в своих книгах до отвала кормит читателя детализацией при описании блюд, способных порой, как выразился сам Н.В. Гоголь в письме Данилевскому, «произвесть на три дня слюнотечение у самого отъявленного обедала» [1, с. 3]. Произведения Н.В. Гоголя несут в себе описание кулинарных реалий так красочно, что у читателя, незнакомого с традиционной национальной (украинской) кухней, невольно возникает желание попробовать эти блюда. Поэтому лексические единицы со значением «еда / напитки» как средства выразительности текста в творчестве Гоголя играют значительную роль и заслуживают тщательного исследования. Яркое описание самой пищи и процесса ее потребления создают живую, мысленно осязаемую картину, наполненную вкусами, цветами, запахами блюд и напитков. Эти образные средства проникают не только в содержание произведений, но и в язык и стиль, преломляются метафорически, способствуют созданию того контраста грустного и смешного, «той зыбкой грани между высоким и низким, которая отличает художественную манеру писателя, его мастерство» [4, с. 6]. Никакой праздник на Руси не обходится без застолья «ломившегося от яств», которое стало своеобразным проявлением культурной идентичности героев гоголевских произведений. Самой большой его привязанностью Н.В. Гоголя, помимо литературы, была кулинария. Гастрономические вкусы и наклонности писателя сформировала родная для него украинская кухня, а дополнила и обогатила – итальянская, большим почитателем которой он стал в зрелые годы [6, с. 81]. Корни интереса Н.В. Гоголя к хорошей и разнообразной еде, безусловно, уходят прямиком в украинское детство великого писателя. Хлебосольство патриархального быта описано в повести «Старосветские помещики», написанной Гоголем после посещения родового поместья Васильевка. А непосредственно в творчестве Н.В. Гоголя образное использование гастрономической лексики играет более сложную и разнообразную роль [2, с. 17].

Наиболее популярны в произведении Н.В. Гоголя названия пищи и напитков, территориально и ментально близких самому автору. В целом, в ходе исследования повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», было обнаружено 57 гастрономических наименований. Наибольшее количество случаев употребления гастрономической лексики отмечено в повестях «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Ночь перед рождеством», «Заколдованное место», «Сорочинская ярмарка» и «Пропавшая грамота».

Что касается классификации по категории оценки, то в данном случае термины делятся на следующие семь подгрупп (в исследовании используется классификация на основании «Национального корпуса языка» [5]):

1. Описание вкуса (17 примеров: «*Щи* сегодня были очень *сытные, наваристые!*» и т.д.);
2. Описание аромата (15 примеров: «*Между тем, волшебный запах борща* понесся через комнату и *пощекотал приятно ноздри* проголодавшимся гостям» и т.д.);
3. Описание консистенции (11 примеров: «Ее *супец* был *жидким* *пуце водицы*» и т.д.);
4. Характеристика материала и процесса изготовления, способа обработки и подачи на стол (14 примеров: «Теща *отсыпала* немного *галушек* из большого казана в миску, *чтобы не так были горячи*» и т.д.);
5. Общая характеристика напитка и его потребления (5 примеров: «Еще суровее нахмурился отец, только *одну лемишку с молоком* и *ел старый отец* и *потянул вместо водки* из фляжки, бывшей у него в пазухе, *какую-то черную воду*» и т.д.);
6. Процесс дегустации (4 примера: «Станешь есть – *объяденье*, да и полно. *Сладость неописанная!*» и т.д.);
7. Воздействие на человека (3 примера: «А чтоб ты *подавился этими галушками!*» – подумала голодная теща; как вдруг *тот поперхнулся и упал*. Кинулись к нему – и дух вон. Удавился. – Так ему, обжоре проклятому, и нужно!»);
8. Причастность к кулинарному процессу (2 примера: «Тот *имеет отличного французского повара*, ... но, увы, *должен довольствоваться* каким-нибудь *немецким обедом из картофеля*» и т.д.).

Проведенное исследование показало, что Н.В. Гоголь использует гастрономическую лексику с целью создания:

1. Выразительности портретов героев;
2. Образности речи героев;
3. Комического эффекта;
4. Эффекта погружения в реалии народного быта.

Таким образом, проанализировав 8 тематических групп по способу номинации гастрономических терминов, можно сделать предварительный вывод, что они используются как для описания самого блюда и его вкуса в целом, процесса его приготовления, подачи и потребления, так и для описания различных вкусов, ароматов и их оттенков. Что касается гастрономической лексики, которая в рамках данной работы представлена 57 примерами, то можно сказать, что наиболее часто автором употребляются словосочетания «качественное прилагательное + существительное», также в некоторых примерах отмечено усиление авторского воздействия при помощи глаголов и наречий.

Следовательно, можно утверждать, что лексический фонд рассматриваемых произведений представлен относительно большим количеством гастрономической

терминологии. Удалось провести анализ гастрономической лексики по тематическим группам и способам номинации.

В процессе анализа установлено, что гастрономическая лексика автором используется в составе различных художественных средств с целью достижения более глубокой достоверности и дополнительной образности при характеристике персонажей, а также для достижения комического эффекта, создания атмосферы национального русского и украинского быта. Мельчайшие подробности внешнего вида и запаха блюда, его составляющих, различные сравнения касающихся состояния данного изделия или приведение каких-либо фактов из национальной культуры потребления пищи, помогают автору создать свою неповторимую колоритную манеру.

Используемые автором номинации еды и напитков несут в себе функции:

1. Описание еды и напитков как универсальная составляющая национальной культуры.
2. Описание еды и напитков как неординарный прием для создания живости и правдоподобности сюжета.
3. Описание еды, напитков, процесса приготовления, процесса поглощения как показатель социально-классового неравенства.
4. Процесс поглощения еды и напитков как показатель сказочности сюжета.
5. Описание еды, напитков, процесса приготовления, процесса поглощения как неординарный прием для создания или усиления комического эффекта.
6. Наименования еды, напитков, процесса приготовления, процесса поглощения служат украшением текста.

Таким образом, предметная детализация текста занимает в творчестве автора достаточно важное место, скрашивая сюжет. Она сводится не только к подробному и пышному, развернутому описанию кулинарных реалий, но и попытке автора тонко и иронично передать детали быта героев произведения, местности, дома помещика и т.д.

При анализе терминов по способу номинации стоит отметить, что наибольшей насыщенности и достоверности при передаче вкусовых ощущений автор добивается средствами метафорического переноса значения, так как чаще всего гастрономические термины представляют собой результат именно метафоризации и аналогий. Подобной правдоподобности и насыщенности при использовании гастрономической лексики автор добивается благодаря глубоким познаниям в гастрономических вопросах, благодаря познаниям народных традиций и предпочтений, а также почтительному отношению автора к народу и его истории развития. Таким образом, лексика с семантикой «еда / напитки» не является фоновой в цикле произведений из «Вечера на хуторе близ Диканьки», она используется автором, чтобы натолкнуть читателя на размышления социально-нравственного порядка, она выбрана осознанно с целью достижения нужного эффекта и выражения мнения автора. За бытовыми лексическими единицами с семантикой «еда, напитки» автор скрывает собственную иронию и сарказм. Поэтому приходим к выводу, что образное использование гастрономической лексики автор делает с целью погрузить нас в определенную эпоху, знакомит нас с героями, культурными реалиями народа.

Итак, гастрономическая лексика представляет собой систему правил, предписаний и образцов, определяющих: а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру), б) набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи), г) иронию автора над вышеперечисленными феноменами и процессами. В ходе анализа языковых средств выразительности с семантикой «еда / напитки» в произведениях Н.В. Гоголя (на материале произведений из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки») было

установлено, что автор соблюдает уникальные народные традиции при изображении блюд национальной кухни, а средства, которыми автор репрезентует описание блюда, процесса его приготовления и поглощения, свидетельствуют об уникальности авторской манеры. Произведения автора отражают основные черты ментальности народа, его мировоззрение, мировосприятие, верование, его национально-культурные особенности и стереотипы мышления через языковые средства выразительности. В ходе работы также было установлено, что Н.В. Гоголь был хорошо знаком с национальной российской и украинской кухней. Писатель знал о системе питания, о традиционных блюдах и тонкостях их приготовления, он знакомит читателя не только с их наименованиями, но и с культурными реалиями народа в сфере традиционной народной кухни, что придает произведениям автора особый неповторимый колорит.

Перспективы дальнейшего исследования. Данная работа основана на материале повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Исследования в этом направлении могут быть продолжены, изучены другие произведения писателя с целью систематизации культурных особенностей, традиций и обычаев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Ревизор. И другие повести. Избранное / Под ред.: В.А. Ревенькова. – Харьков, 2010. – 397 с.
2. Дуллиева К.М. Сопоставительный анализ семантики глаголов приготовления пищи: автореф. дис. ... канд. фил. наук. / К.М. Дуллиева. – Казань, 2008. – 26 с.
3. Кемерова Т.А. Национальная кухня как один из видов трансляции культурных кодов / Т.А. Кемерова // Методологические проблемы исследования культурных феноменов: Сборник научных трудов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 82–86.
4. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Куренкова. – Кемерово, 2008. – 18 с.
5. Национальный корпус языка [Электронная версия]: <https://processing.ruscorpora.ru>
6. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семанτικο-семиотические характеристики) / А.В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. – М.: Азбуковник, 2003. – 438 с.
7. Семенова А.В. Концепт еды в славянских культурах // Славяноведение. – 2009. – № 6. – С. 101–103.
8. Яковлева Е.Л. Многоаспектность гастрономических повседневных практик: лингвокультурологический код / Е.Л. Яковлева // Лингвокультурология. – 2018. – № 1(19). – С. 7–16.

Поступила в редакцию 23.10.2021 г.

LEXICAL UNITS WITH THE MEANING "FOOD / DRINKS" IN GOGOL'S DISCOURSE

D.A. Kalmykova

The article addresses lexical units with the meaning “food / drinks” as means of text expressiveness in the works by N.V. Gogol. The analysis is based on the collection of stories “Evenings on a Farm near Dikanka”). The gastronomic vocabulary is classified into thematic groups and according to the ways of nomination. The suggested study enables to highlight the author’s assumptions of culture and morals as reflected in his works.

Key words: vocabulary, nomination of the term, thematic group, gastronomic vocabulary, thematic group of food and drinks designations.

Калмыкова Дарья Андреевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Соискатель кафедры русского языка.

E-mail: dashuta-nikolaeva@mail.ua.

Kalmykova Daria Andreevna.

Donetsk National University.

Post-graduate student at Department of the Russian Language.

E-mail: dashuta-nikolaeva@mail.ua.

УДК 82(091)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЯХ КОНЦЕПЦИИ В.В. ФЁДОРОВА

© 2021 *А.В. Кондаурова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены ключевые понятия теории В.В. Фёдорова. Тезаурус учёного включает, прежде всего, основополагающие для литературоведения категории автора, поэтического мира, фабульной действительности. Анализируются специфичные для методологии учёного понятия Слова, превращённого бытия, акта воображения. В статье изучается подход исследователя в границах онтологической поэтики. Изучая исходные положения концепции учёного, мы рассматриваем категорию автора в двух аспектах: в границах литературного произведения, а также в перспективе его осуществления как субъекта превращенно-языкового бытия.

Ключевые слова: Слово, автор, ценность, превращенное бытие.

Современный литературоведческий дискурс, как известно, сочетает в себе различные методологические подходы. В частности, интерес представляют авторские концепции, которые объединяют в себе идеи классического научного наследия и индивидуальный взгляд на традиционные понятия. Изучение и анализ таких подходов даёт возможность увидеть новые горизонты и исследовательские грани в привычных для филолога трактовках и интерпретациях основополагающих категорий.

Исследование теоретической концепции Владимира Викторовича Фёдорова представляется, на наш взгляд, одной из актуальных задач для современной научной мысли. Взгляды учёного не только касались узко теоретических вопросов литературоведения и проблем истории литературы, но и отражали осмысление филологии как основополагающего знания для человечества. В научный спектр вопросов, рассматриваемых В.В. Фёдоровым, входили как проблемы универсального характера, так и размышления над ближайшими для человека темами, такими как сущность человека, его роль как субъекта языкового бытия, а также способность человека влиять на состояние мироздания в целом. Все эти вопросы на современном этапе научного развития заставляют переосмыслить значение филологии не только как научной отрасли, но и как знания, которое даёт возможность человеку понять кардинальную роль слова в его личном осуществлении и мире в целом.

В данной статье рассматриваются основные положения теории В.В. Фёдорова, изучается роль Слова в становлении человека как субъекта превращенно-языкового бытия. В работе анализируется роль высказывания как особого способа осуществления автора. На конкретном примере анализа литературного произведения изучается проблема автора в контексте таких категорий как герой, фабульная действительность, словесный тип бытия.

В качестве некоторых предварительных замечаний необходимо отметить особенность подхода учёного. Научную позицию В.В. Фёдорова можно соотнести с исследовательской позицией в русском литературоведении М.М. Бахтина и рассматривать её на границе философии, эстетики, антропологии. Н.К. Бонецкая, определяя специфику научного наследия М.М. Бахтина, предлагает формулировку, которая, как нам кажется, созвучна и с творчеством В.В. Фёдорова: «<...>творчество Бахтина не распадается как на составные части на литературоведение (с примесью языкознания) и философию; скорее, в нем себя являет особая гуманитарная

дисциплина» [1, с. 68]. Сам Владимир Викторович в одной из своих работ пишет следующее: «Филология – внутренняя форма, единая для всех наук <...> всех форм знания вообще» [3, с. 312]. Обозначение главенствующего статуса филологии в целом для бытия и отдельной жизни в частности, иллюстрирует глубинное осмысление автором ряда вопросов не в узком профессиональном значении, но в контексте принципиальных, «последних» вопросов мироздания.

«Ключом» к исследовательской концепции В.В. Фёдорова является следующий тезис: «<...> “словесность” как коренное качество мироздания (Космоса)» [3, с. 311]. “Словесность” восходит к первой фразе Евангелия от Иоанна, то есть к осмыслению *Слова, которое было в начале* [2, с. 38]. Здесь, безусловно, мы не сможем рассмотреть весь философский контекст творчества В.В. Фёдорова, однако следует отметить органичность исходной смысловой точки учёного. Так, свой научный путь учёный начинал с преподавания вузовского курса древнерусской литературы. В дальнейшем занимался исследованием произведений писателей русской классической литературы – А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. Данный контекст научно-исследовательского кругозора учёного обуславливает некоторую “естественность” принадлежности к традиционной христианской парадигме русской мысли и культуре в целом. Возможно, поэтому “отталкиваясь” именно от высказывания евангелиста Иоанна Богослова, учёный не уделяет пояснению этого тезиса много внимания, принимая его как должное и вполне естественное для отечественной традиции в целом.

Анализируя тезис о «“словесности” как коренном качестве мироздания», отметим некоторые положения, которые являются принципиальными для концепции В.В. Фёдорова. Слово, которое в работах учёного пишется с прописной буквы, объясняется как «субъект совершенного бытия» [3, с. 408], «содержанием бытия которого является любовь» [3, с. 408]. По мысли учёного, любовь как содержание Слова является данностью, то есть такое содержание, которое представляет собой нечто «само собой разумеющееся». Однако качество любви как данное «само по себе» “не устраивает” Слово и обуславливает конфликт. Слову необходимо освоить эту ценность, которая из данности станет заданностью. Таким образом, Слово не принимает “готовое” бытие, а становится «творцом себя самого» [3, с. 409]. Одним из условий восстановления любви как освоенной ценности является потребность в ней другого субъекта. В логике развития мысли исследователя дальнейшее становление бытия Слова будет направлено на формирование такого субъекта, чьей необходимой потребностью станет любовь как высшая ценность.

В концепции В.В. Фёдорова, Слово, осуществляясь высшими онтологическими формами, превращает себя в ряд субъектов низшего существования. Прежде всего, это – физический космос. Физический космос выполняет подчинённую функцию и является одним из онтологических планов Слова. Космос – субъект творимого бытия, превращенного по своему онтологическому статусу. Развиваясь из низших форм в более сложные, Космос становится иерархически организованным целым и возрастает до превращенно-языковой формы существования. Новым планом бытия Космоса становится человек.

Учёный рассматривает человека как субъекта, объединяющего два плана: 1) жизненный или биологический аспект существования, 2) превращенно-языковой или внежизненный. Как биологическое существо человек является одной из форм телесного космоса и остаётся в его самодовлеющих границах, второй план бытия – превращенно-языковой является подлинно жизненным. Будучи телесным, человек владеет лишь ограниченной возможностью своего осуществления. Телесность – черта ограниченного

типа существования: жизненного, который, по мнению учёного, не является высшей формой бытия. Данный тип бытия не требует от человека особых усилий, но лишь его постоянное усовершенствование, которое для человека является удовлетворительным лишь на этапе его достижения.

Сверхжизненное бытие, или превращено-языковое, в исследовательском подходе учёного является по своей сути началом овладения человеком непосредственно словесного бытия. Как субъект превращённо-языкового бытия человек наделён способностью к акту воображения, то есть освоению других жизненных форм. Именно эту способность осуществлял Адам в Эдемском саду, давая имена его обитателям. В.В. Фёдоров определяет воображение следующим образом: «<...> творческий акт в том смысле, что законы языка, осуществляющие воображающего Адама, превращаются в совокупность телесных закономерностей <...>» [3, с. 441]. Акт воображения, таким образом, представлен как созерцательная способность человека к представлению действительности в своём сознании посредством языка, то есть словесным способом.

Превращённо-языковое бытие ведёт к совершенному, онтологическому плану бытия – словесному. Данный тип бытия направлен на овладение высшей ценности – любви. В.В. Фёдоров указывает на поэтическое высказывание как возможность овладения данным типом бытия. Поэтическое высказывание осуществляет язык вне прагматических, насущных целей, но является эстетически ценным. Данный тип бытия в полной мере может осуществить поэт.

Целесообразно подчеркнуть, что проблема определения автора или поэта в теории учёного становится основополагающей и напрямую связана с осмыслением “словесности” бытия в целом. Конфликту, который переживает Слово как субъект совершенно бытия, становится сопричастен и поэт. Автор не удовлетворяется чисто жизненным планом бытия, онтологически недостаточным по своей сути, а стремится к овладению словесной формой существования, единственно подлинной формой существования человека, по мнению исследователя.

Автор в концепции В.В. Фёдорова соизмерим со Словом, которое является не просто неким совершенным абсолютом, но определяющей для всего мироздания онтологической величиной. Таким образом, говоря о “роли” автора применительно к литературному произведению в категориях поэтики учёного, мы исследуем, прежде всего, степень онтологического влияния автора на Слово и соответственно на мироздание в рамках того или иного поэтического мира.

Будучи причастным к бытийному плану Слова, автор является субъектом конфликта. Разрешить его возможно, преодолев чисто жизненный план бытия посредством акта воображения.

Автор воображает себя в ряд лиц жизненной действительности, которая составляет фабулу произведения. Субъекта превращено-языкового бытия в рамках поэтического мира В.В. Фёдоров называет исполнителем. Исполнитель становится опосредованной формой автора в поэтическом бытии.

Формой, осуществляющей словесное бытие автора и разрешающей его превращённость, является герой. Благодаря онтологическому устремлению стать субъектом более организованного бытия, герой способен влиять на статус автора. Разрешением конфликта автора является освоение словесного бытия, содержанием которого является любовь.

В рамках исследований учёного любовь понимается как гармония, в которой нет ценностных односторонностей – добра и зла. В поэтическом мире носителями ценностных односторонностей являются фабульные персонажи. Воображая себя в

исполнителя, автор преодолевает данные односторонности. Исполнитель осуществляет две онтологические формы: 1) фабульную или жизненно-прозаическую действительность персонажей; 2) онтологический план героя как субъекта превращено-языкового бытия. Герой в свою очередь превращает себя в персонажей вторичной фабульной действительности, ценностные характеристики которой могут отличаться от первичной. Герой может оказывать влияние на исполнителя и, таким образом, на автора. Автор и герой влияют друг на друга: достигая статуса субъекта словесного бытия, творец осваивает необходимое ценностное содержание, герой, в свою очередь, также не остаётся лишь фабульным персонажем, а посредством акта воображения повышает свой онтологический статус.

В рамках анализа цикла пьес «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина В.В. Фёдоров раскрывает суть взаимодействия автора и героя в контексте идеи достижения автором непосредственно словесного бытия.

В пьесе «Скупой рыцарь» А.С. Пушкин превращает себя в субъекта превращено-языкового бытия – исполнителя, который воображает себя в совокупность фабульных лиц: Альбера, Соломона, Ивана, Герцога и т.д.

Альбер – драматический герой пьесы, рассказывая о своём поединке с Делоржем, воображает себя в персонажей вторичной фабульной действительности – графа, зрителей, Клотильду. На данном этапе герой становится субъектом превращено-языкового бытия. Будучи одной из форм исполнителя, Альбер способен оказывать на него влияние. Драматический герой действует в заданной исполнителем логике рыцарского кодекса чести. Рассказывая о своём поединке, Альбер признаёт, что причиной рыцарства стала скупость: герой, разгневанный за повреждённый шлем, поверг противника. В ситуации поединка Альбер проявляет чувство злости, вызванное скупостью. По мнению исследователя, драматический герой становится антирыцарем, что является онтологическим сопротивлением исполнителю. Учёный объясняет отступление Альбера от заданной им исполнителем онтологической силы «рыцарства» влиянием Барона как ценностно противоположной первичной фабульной действительности силы. Зависимость рыцаря от сокровищ отца обуславливают его отступление от привычных этических правил.

В границах фабульной действительности исполнитель совершает онтологическое усилие, в результате которого драматический герой снова становится рыцарем: чувство стыда не позволяет снять шлем с Делоржа.

Таким образом, Альбер как драматический герой в момент воображения поединка, оказывая онтологическое сопротивление исполнителю, становится антирыцарем. Исполнитель, выдерживая онтологическое усилие героя, разрешает ситуацию, осуществляя ценности рыцарского мира – чувство стыда возвращает Альберу его рыцарское достоинство.

Последующее развитие сюжета свидетельствует о том, что влияние на волю исполнителя усиливается другим фабульным персонажем – Соломоном. Жид искушает Альбера, воображая себя в ряд фабульных ситуаций: похороны юноши, яд аптекаря Товии, убийство Барона. Ростовщик предлагает Альберу овладеть золотом отца, воспользовавшись услугами аптекаря. Для жизненно-прозаической фабулы данное предложение, безусловно, может быть расценено с точки зрения отрицательного ценностного содержания. Убийство отца посредством яда, приобретенного за червонцы, наделено двойным отрицательным смыслом. Прежде всего, убийство как в высшей степени безнравственный поступок, сопряжён с образом предательства Иуды. Аллюзия к библейскому контексту проясняет

ценностное содержание первичной фабульной действительности: предательство ради золота. Фигура аптекаря наделена инфернальным содержанием. Так, учёный называет его «податель смерти» [4, с. 102], указывая на его определённую роль в поэтическом мире. Будучи субъектом вторичной фабульной действительности, Товия становится носителем отрицательной ценности – смерти. Однако если для первичной фабульной ситуации это однозначная ценность, то для вторичной – фигура аптекаря наделяется дополнительными смыслами. В.В. Фёдоров рассматривает этого персонажа как символическую фигуру. Смерть, по мнению исследователя, становится возможностью для преодоления ограниченного телесного плана существования и овладение словесным, подлинным бытием. В логике этого смыслового вектора, фигура Товии объединяет два ценностных начала – любви и смерти.

Данная ситуация, по мнению В.В. Фёдорова, становится кардинальной для достижения Пушкиным-поэтом основной ценности любви. В концепции учёного добро и зло, смерть и жизнь – ценностные односторонности, преодоление которых становится необходимым условием к достижению словесного бытия.

В рамках фабульной действительности влияние, которое оказывает Жид на Альбера, а затем на исполнителя, становится испытанием. В рамках кодекса чести герой искушение выдерживает.

В «Скупом рыцаре» Альбер становится субъектом жизненной фабульной действительности и развивается в логике, заданной исполнителем. Содержанием бытия остаётся ценность, которая его определяет как героя рыцарского сообщества, но большего онтологического усилия Альбер не совершает.

Главное влияние на исполнителя, а посредством его на поэта, оказывает один из главных героев пьесы – Барон. Целью драматического героя становится овладение властью как одной из высшей ценностей его фабульной действительности. Данная ценность относительно нравственной шкалы может иметь разное содержание в зависимости от цели: либо положительное, либо отрицательное. Для Барона власть становится определённого рода одержимостью. Золото не просто остаётся драгоценным металлом, но превращается в сокровище, в некий сакральный символ с противоположным отрицательным значением. В воображении героя золото персонифицируется: вдова, дети, дождливый день – за каждым дублоном кроется личная история. Таким образом, он становится автором вторичной фабульной действительности. В этом новом качестве Барон обладает онтологической силой и способен влиять на исполнителя, осуществляя мир новой ценности.

Мир героя наделяется конкретными символами и образами власти, но с отрицательным значением: сундуки как символы акта творения, холм, который находится в подвале и тяготеет к нижнему миру, сам Барон, у которого «<...> есть стремление пережить состояние убийцы <...>» [4, с. 120].

Ценности вторичной фабульной действительности драматического героя обладают сильным онтологическим статусом. Для Барона перестаёт иметь значение первичная фабульная действительность, поэтому исполнитель не способен повлиять на него. Таким образом, по мнению исследователя, драматический герой пытается стать на место исполнителя и, более того, претендует на онтологический статус поэта, но с противоположным значением: «Поэтому он может узурпировать власть исполнителя, стать онтологическим самозванцем» [4, с. 117].

Сокровище как символ мира Барона играет определяющую роль в осуществлении бытийной ситуации героя. Учёный указывает на то, что золото, которое имеет в мире

Барона особый статус способно причинить ему смерть: « <...> все слёзы, кровь и пот <...> То был бы вновь потоп» [4, с. 117]. Сокровище, оборачиваясь в «слёзы, кровь и пот», становится убийственным для Барона. Однако смерть в данной ситуации становится для него точкой обратного превращения. Высвобождаясь от фабульной действительности, герой становится субъектом словесного бытия, содержанием которого является власть как отрицательная ценность. Таким образом, он совершает акт обратного превращения.

В этой ситуации Пушкин-поэт испытывает онтологическое влияние Барона. Автор так же, как и драматический герой воплощает себя через акт освоения власти как абсолютной ценности. Однако власть представляет собой отрицательную ценность, поэтому и поэт становится субъектом эстетического бытия абсолютно противоположного содержания первичной фабульной действительности. Он осваивает отрицательный полюс эстетического бытия для полноты овладения последней ценностью – любовью. Любовь не знает односторонностей, существующих в жизненно-прозаической реальности. Для достижения полноты словесного бытия необходимо совершить ряд преодолений, которые для жизненной горизонтали являются либо положительными, либо отрицательными.

Таким образом, В.В. Фёдоров раскрывает роль поэта с точки зрения творца поэтической реальности, которая по своей сути онтологична. С одной стороны, сам автор достигает состояния словесного бытия, содержанием которого является любовь, с другой стороны, он влияет на бытие Слова. Исходя из архетипической для мировой истории ситуации бытия Слова, учёный создаёт теорию, согласно которой именно поэт как причастный словесному бытию субъект осуществляет коренное преобразование вселенной.

Подводя итоги, необходимо отметить особенность подхода В.В. Фёдорова в осмыслении филологии как основополагающей парадигмы не только для гуманитарного, но и в целом для научного знания. Исходя из предпосылки о роли Слова в осуществлении мира, учёный развивает теорию, согласно которой видимый телесный космос лишь один из онтологических планов Слова. Необходимым условием подлинного осуществления мира становится овладение любовью как высшей ценностью. Данная ценность в теории учёного становится необходимой потребностью для поэта как субъекта высказывания.

Автор как эстетический субъект организован архитектурно: 1) как субъект превращено-словесного бытия; 2) как исполнитель превращено-языкового бытия; 3) как жизненный персонаж фабульной действительности. Совершая ряд онтологических усилий, автор может совершить освоение высшей ценности любви, становясь уже не субъектом не превращённого, но разрешённого «наличного» бытия.

В.В. Фёдоров полагает, что поэтическое высказывание содержит в себе возможность онтологического свершения поэта, при котором он способен влиять на состояние всего мироздания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боневская Н.К. Бахтин глазами метафизика / Н.К. Боневская. – М.; СПб., 2016. – 560 с.
2. Фёдоров В.В. Мир как слово / В.В. Фёдоров – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 122 с.
3. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия / В.В. Фёдоров. – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 492 с.
4. Фёдоров В.В. Три шедевра Пушкина / В. В. Фёдоров // Власть как ценность («Скупой рыцарь» А.С. Пушкина). – Донецк: Норд-Пресс, 2006. – С. 93–127.

Поступила в редакцию 03.10.2021 г.

TO QUESTION ON MAIN CATEGORIES IN V.V. FYODOROV'S THEORY

A. V. Kondaurova

The article discusses the key concepts of the theory Donetsk philologist V.V. Fyodorov. The scholar's thesaurus includes, first of all, the categories of the author, the poetic world, and the plot reality that are fundamental for literary criticism. The concepts of the Word, the transformed being, the act of imagination, specific to V.V. Fyodorov's methodology, are analyzed. The scholar's approach is treated within the boundaries of ontological poetics. Addressing the basics of the scholar's theory, the author considers the category of the author in two aspects: within the boundaries of a literary work; in the perspective of its implementation as a subject of the transformed linguistic being.

Key words: Word, author, value, transformed being.

Кондаурова Александра Владимировна.

ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет».

Старший преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры.

E-mail: filolog_mhk@mail.ru

Kondaurova Alexandra Vladimirovna.

Donetsk National University.

Senior Lecturer at World and National Culture Department.

E-mail: filolog_mhk@mail.ru

УДК 81'276

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК» В ДОНЕЦКОМ РЕГИОЛЕКТЕ

© 2021 В.С. Коробова-Латынцева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается структура лексико-семантического поля с общим значением «Человек» на материале лексических единиц донецкого региолекта. На основании представленных лексических данных делаются выводы об особенностях данного фрагмента региональной языковой картины мира.

Ключевые слова: региолектная лексика, регионализм, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа, семантические типы слов, архисема «человек», региональная языковая картина мира.

Лексическая система современного идиома предельно структурирована, постоянно развивается. Она подобна фракталу: все новые лексические единицы, а также их значения, распределяются по группам (подгруппам) и организуют лексико-семантические поля, причем каждое получившееся благодаря общности лексико-семантических признаков образование обязательно имеет семантическую связь, восходит к общему значению целой парадигмы, чаще всего одновременно образуя собой новое поле и парадигму, в котором является точкой отсчета.

Слова вступают в неограниченные (условно бесконечные) семантические отношения на разных этапах своего существования. По мнению Е.В. Ерофеевой, современный региолект может быть представлен в виде континуума, сочетающего в себе черты диалектного (территориального) и диастратического (социального) континуумов. Как предполагает исследователь, в каждом из континуумов можно вычленять «более мелкие лингвистические образования», ведь давно преодолены территориальные границы диалектов и говоров, строгость границ социолекта также условна, остается вопросом времени и актуальности [2].

В настоящем исследовании в качестве материала представлена региолектная лексика (регионализмы или, по-другому, региолектизмы), то есть слова, имеющие ограниченную территорию бытования.

Для представления самых общих сведений о региолектной картине мира донецкой общности в качестве материала в статье использовались слова, записанные от людей разного возраста и пола, социального положения. Возрастной диапазон респондентов от 18 до 75 лет. Мы рассмотрели особенности речи носителей региолекта нескольких поколений, не обращаясь к данным о частотности того или иного словоупотребления.

Внимание обращено к лексико-семантическому полю «Человек». Эти лексические единицы словаря региолекта предельно мотивированы, это слова, касающиеся не только внешней и внутренней характеристики человека, но и человека, говорящего о себе и о других, высказывающего свое мнения и суждения, дающего оценку и упорядочивающего личные представления о мире при помощи языка и его возможностей. Это так называемый ментальный (или внутренний) лексикон носителя региолекта.

Внимание к лексическим единицам региолекта продиктовано тем, что они могут и должны рассматриваться как лингвокультурный факт, имеющий сложную

многоуровневую организацию. Л.П. Крысин при рассмотрении феномена разговорной лексики говорит о принципиальном ее антропоцентризме: что если это не лексика, называющая, описывающая или характеризующая человека, то значит перед нами именованная его непосредственной оценки [7]. Региолект – это собрание нескольких идиомов устной природы бытования.

Именно поле обеспечивает непрерывность семантического пространства слова. Фрактальная голографичность структуры поля (когда часть, отдельный участок поля, обладающий свойством всего множества) ведет к тому, что значения, находясь в определенной совокупности, реализуются только на уровне лексико-семантического варианта лексемы [3; 4; 13, с. 70]

Отдельно существует теория семантического поля. Так, И.М. Кобозева называет семантическое поле объемной лексико-семантической микросистемой со структурой, наделенной, по мнению ученого, определенной степенью иерархии в силу того, что оно по своему составу представляет объединение языковых единиц, которые могут иметь отличные грамматические характеристики и образовывать вместе с другими лексико-семантическими полями смежные синкретические пространства [6, с. 98–99].

Взаимоотношения, которые возникают в структуре лексико-семантических полей и лексико-семантических групп и подгрупп релевантны структуре концептокорпуса, концептополя или концептосистемы, концептосферы соответственно. С.Г. Шафиков в своих работах наделяет семантическое поле статусом когнитивной единицы, принимающей участие в формировании понятий [12, с. 38]. Здесь надо отметить, что большинство ученых ставят знак равенства между понятиями семантическое и лексико-семантическое поле.

Наряду с термином ЛСП в отечественной лексикологии используются самые разные определения: *понятийное поле* (С.Д. Кацнельсон) и *семантическое поле* (В.А. Белошапкова), *тематическая группа* (Ю.С. Сорокин), *лексико-семантическая парадигма* (Д.Н. Шмелев), *сверхпарадигма* (З.В. Кузнецова, В.М. Солнцев), *суперпарадигма* (В.В. Левицкий), *сложная парадигма*, *парадигма парадигм* (А.А. Евгеньева). *Парадигмой* называют лексико-семантическое поле Л.М. Васильев, Л.В. Быстрова, Н.Д. Капатрук. Уход к термину *парадигма* в корне не верен. Парадигмы выражают 1) отношения сопредельности (т.е. взаимодополнительности), 2) родо-видовые отношения, 3) отношения подобия и 4) отношения противоположения: есть парадигма синонимов, антонимов и т.д., парадигмы могут входить в ЛСП, но не их образовывать.

Ф.П. Филин, придерживаясь диахронического принципа при рассмотрении языковых явлений, под семантическим полем понимает, скорее, лексико-семантическую группу: упорядочивать лексический материал он предлагает по принципу сопоставимости значения [11]. Л.М. Васильев отождествляет понятие ЛСП с понятием тематической группы/тематического поля [1].

Преимущества лексико-семантического поля (словесное поле по Й. Триру, Э. Оскар, Э. Косериу, Ю.Н. Караулов, Н.Г. Долгих, Г.С. Щур и т.д.) состоит в том, что оно включает в себя тематическое (понятийное поле по Й. Триру и др.) и ассоциативное поля, а также учитывает словообразовательные связи лексических единиц всех подгрупп.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) – это особым образом организованное пространство лексических единиц одного языка, имеющее материальную (лингвистическую) и идеальную (семантическую, или/и ментальную) воплощенность с

огромным порождающим потенциалом. Принципиальность этого значения отражена в самом названии поля.

К исследованию ЛСП подходили прежде всего применяя лингвистический инструментарий. По утверждению ряда ученых (Кодухов 1955; Кузнецова 1979, Романова 1975), каждая существующая в пределах ЛСП лексико-семантическая группа (ЛСГ) должна формироваться за счет общности лингвистических характеристик: чаще всего в роли формирующего критерия выступают частеречное тождество и/или общность выполняемой синтаксической функции. Обязательным атрибутом структуры ЛСП остается наличие хотя бы одного общего семантического признака или архилексемы, которая бы наиболее полно воплощала все значения поля (например, *человек*, *Родина*, *семья* и т.д.). Отношения же между лексическими единицами внутри групп могут выстраиваться на основе предполагаемого полного замещения либо совпадения или противопоставления по какому-то признаку.

Иметь тождественную архисему могут лексические единицы, принадлежащие к разным частям речи, являющиеся синонимами или антонимами, занимающие разные позиции в родовидовых взаимоотношениях и т.д. Смысловые взаимоотношения, проявленные в поле, реализуют связь между различными подгруппами и подсистемами, существующими в едином тематическом пространстве.

Приверженцами полевого подхода к изучению лексики стали такие ученые, как С.Д. Кацнельсон, А.А. Уфимцева и Ю.Н. Караулов и др. Ими были предложены в качестве инструментария для лексикологического описания следующие составляющие лексических микросистем («инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями» – [8, с. 38–39]): *лексико-семантическое поле*, *лексико-семантическая группа*, *синонимический ряд*, *антонимическая группа*, *ассоциативное поле*, *тематическая группа*. В этом отношении самой большой единицей оказывается лексико-семантическое поле. Лексико-семантическое поле состоит из лексико-семантических групп, которые соотносятся по принципу отторжения, перехода, объединения, наложения периферий полей и групп, что, в свою очередь, осуществляется благодаря синонимическим и антонимическим потенциям, срабатыванию ассоциативных связей и проч.

Иначе говоря, принципы внутренней организации и существования у ЛСП и ЛСГ схожи. Можно вслед за Ю.Н. Карауловым считать их синонимичными терминами. Поле имеет особую фрактальную структуру, которая сама развивается во времени. Ю.Н. Караулов, учитывая устройство лексико-грамматического поля, называет его тезаурусом, принцип же работы с этой структурой, ее понимание, по его мнению, гарантированы понятийной, или, по-другому, тематической основой [3].

В статье поставлена цель: показать максимально полный объем понятия лексико-семантического поля «человек» в региональной языковой картине мира.

Лексико-семантическое поле «Человек» – особая ценностно значимая, определяющая категория. И.В. Ливинская, ссылаясь на разработки В.В. Морковкина (1988), говорит о продуктивности использования принципов антропоцентрически ориентированного лексикографирования при описании лексической системы региолекта [9].

Что бы ни говорил или ни думал человек, он говорит и думает с позиций себя или «другого», о себе или о «другом». В рамках национальной культуры формируется представление о человеке и о личности в языке, в региональной языковой картине мира происходит конкретизация этого представления с учётом особых экстралингвистических характеристик и типизированных региональных черт. Именно

на основе представлений о лексико-семантической составляющей картины мира, о ее доступном для анализа объеме можем судить об эстетических, этических устремлениях, нравственных императивах, суждениях и общественных предпочтениях.

Ядро лексико-семантического поля «Человек» занимают образно-ассоциативные ряды лексических номинаций лиц. Сюда мы относим *существительные* и различного рода субстантивы следующих лексико-семантических групп:

ЛСГ «названия людей по профессии, по роду деятельности» – *лампонос* и *газожѣг* (устар.), *будейный*, *воротный*, *саночник*, *забойщик*, *газовый* (*горный рабочий*), *ламповица*, *шахтарица*, *шахтарочка* и т.д.

Как видим, наименования людей по распространенной профессии заполняют лакуны в языке – появляются «ласковые» феминитивы для женщины в профессии. Сохранение нейтральности и однозначности для наименования человека в профессии говорит о ее актуальности, сохранившемся уважении к ее представителям в обществе. И, напротив, игровое отношение к номинации сказывается на функционально-стилистическом переосмыслении слов и коннотационных видах расширения их значений. Так шахтеры стали называться *кротами* (из футб., функц.), слова *индус* и *рикша* используются в отношении частного перевозчика (функц.), *извозчик* – ‘таксист’ (экспрес.), *проходчик* – ‘бомж’ (экспрес.), *гаер* – ‘сотрудник Госавтоинспекции’ (эмоц., оцен.), *гаишник* – ‘начальник участка’ (шахт., эмоц.-оцен.), *проходимцы* – ‘проходчики’ (шахт., оцен.) и т.д.

Большую ЛСГ составляют слова, характеризующие человека по внутренним и внешним признакам. Здесь каждую группу сопровождает тот или иной вид оценки. Экспрессивная оценочность в семантике слова – принципиальная особенность лексики региолекта.

ЛСГ «названия людей по внешним характеристикам и проявлениям» – *дохляк* – *доходяга* ‘чрезмерно щуплый’, *заморыш* – *замухрышка* ‘неряшливый человек’, *перепетуля* ‘имеющий особую петляющую походку’, *шибздик* – *шпендик* ‘человек низкого роста’, *физиономия* – ‘человек, не внушающий доверия, неприятный внешне’ и т.д. Здесь мы видим пример реализации эстетической оценки.

ЛСГ «названия людей по умственным и специальным способностям» – *алконавт* – *синеботы* – *пьянь* ‘алкоголики’, *пассажир* – ‘малосведущий человек, который ни в чем не разбирается, предельно доверчив, его легко обмануть’, *пионер/пионэр* – ‘старательный, но глупый новичок в каком-либо деле’, *дуралей* – ‘чрезмерно веселый, неспособный к труду человек’, *бокопóр* (*бакапóр*) и *транда*, *балда* – *бестолковка* ‘названия людей, которые в своей помощи или деятельности больше вредят и мешают, чем помогают и трудятся, часто не намеренно, допускается ироничное использование в отношении себя’. Сюда же можно отнести ироническое *танцюрист*, *танцор-диско* ‘любящий, но не умеющий танцевать человек’, *работяга* – ‘о человеке, который быстро устает от работы, как вариант – больше говорит, чем делает’ и т.д. Интеллектуальный уровень оценки.

ЛСГ «морально-нравственные качества человека» – *лаёжка*, *галета*, *отрепье* и *ветошь* – ‘люди, плохого морального облика’, *охламон* ‘бестолковый’, *ехидна* ‘насмешливый, ехидный человек’, *жмот* ‘жадный’, *бык* – *бычка* ‘агрессивный человек’, *нышпорка* ‘проньера’, *шкодник* ‘все портящий, мешающий делу по мелочи человек’, *чухон* и *шаромыга* ‘плохо выглядящий, ведущий плохой образ жизни человек, нечистоплотный’, *форсун* ‘франт’, *выбразуля* (*вообразуля*) ‘манерный человек, фантазер’, *прохиндей* ‘проходимец, мошенник’, *шалапендра* ‘женщина, ведущая распутный образ жизни’, *шендельмен* ‘бесчестный, постыдный’, *шкандыба* ‘хромой

человек', чебурек 'простофиля', чувырла 'грубый, неприятный человек', шклявотина 'худой человек' и т.д. Реализуется этический вид оценки.

ЛСГ «атрибуты человека – части тела» – лыба 'улыбка', жменя 'горсть', кортаны (корты) 'корточки', 'сидеть на корточках', гуля (куля) 'прическа «Пучок»', кучери 'кудри', типун 'нарост, прыщик на языке, появляющийся при вранье или наговоре' и т.д.

ЛСГ «соматизмы» – харя 'человек с большой головой или обрюзгшим лицом', голова 'умный', чья-то рука – чья-то шея 'оказывающий помощь в карьере', чьи-то уши – чьи-то глаза 'собирающий данные для кого-то в своей среде', кровинушка 'родной человек', (пивной) живот 'толстый, с брюшком человек' и т.д.

ЛСГ «аксессуары и прочие личные вещи» – обувачка, чюни (чуни), педали, тухли – в отношении обуви, боты и ботики 'ботинки', кросы 'кроссовки', спортивки 'обувь и одежда, предназначенная для занятий спортом', котлы 'часы', курево 'сигареты' и проч.

ЛСГ «отпредметные названия человека» – галстук 'официальное лицо', портфель 'представитель академической или политической среды', курилка 'часто курящий человек, прохиндей', чурбан 'черствый, бесчувственный', молоток 'знающий толк в деле', машина 'трудолюбивый, работающий на износ человек', энциклопедия 'человек, который много знает, обладающий широким кругом интересов', велосипед 'очень худой человек' и т.д.

Сочетания предлога с существительным, которое передает значение 'места или направления, находящегося в поле зрения или являющегося точкой отчета, ориентации человека' тоже можно отнести в данное ЛСП: на глазах 'открыто, публично, у всех на виду', на природу (выбраться) 'выехать на пикник за город', (быть) на точке 'быть в указанном месте, где можно совершить необходимые действия', (быть) на месте – 'быть в нужном, указанном месте', (выехать) в город – 'находиться в административном или деловом районе современного города'.

Как видим, существительные ЛСП «Человек» выявляют ключевые моменты в региональной языковой картине мира. По этим данным можно сделать вывод о манере, привычках, о том, как ведет себя типичный носитель региолекта, как проводит свободное время, каких ценностных ориентиров придерживается.

Прилагательное – часть речи, которая помогает назвать и идентифицировать признаки окружающего нас мира. Рассмотрим некоторые виды ЛСГ прилагательного.

ЛСГ «характеристики человека по состоянию» забойный 'выдающийся, очень хороший', зачетный 'отличный, соответствует высокому уровню', заклопотанный 'уставший от хлопот', козырный 'важный, занимающий особое место среди подобных', моднячий 'модный', бесшабашный 'беспечный, отчаянный', безбашенный 'рисковый, безрассудный', радый 'преисполненный радостью по какому-либо поводу', вонючий 'издающий неприятный запах', уматный 'хороший', хитовый 'лучший, удовлетворяющий высшим требованиям', не ахти какой 'плоховатый, не очень хороший' и т.д.

ЛСГ «названия людей по проявленным свойствам и характеру» – забубенный 'заумный, своенравный', маетный 'хлопотливый, суетливый, изнуряющий', непутевый – путевый 'легкомысленный – серьезный, стоящий, дельный человек', еришстый 'упрямый, задристый' гулящий 'тот, кто ведет распутный образ жизни', балахманная 'распутная, непутевая, истеричная женщина', аховый 'плохой, озорной, отчаянный' прибабаханный 'чудаковатый, с придурью' и т.д.

ЛСГ «названия людей по внешнему признаку и физическому состоянию» латаный-перелатанный, штопанный – перештопанный ‘бывалый’, замызганный ‘испачканный, находящийся в плохом состоянии’, керпач ‘курносый’, дюжий ‘сильный’, балдый ‘дылда, неуклюжий, увалень’, буцмач ‘крепыш, сбитый’, прогонистый ‘жилистый и быстрый, высокий и худой’, покоцанный ‘поврежденный, побитый’, полодыря ‘неловкая, размазня’, чаморошная ‘плохо выглядящая особа, пьяная, не в себе’ и т.д.

В донецком региолекте много **глаголов**, созданных по значению действий, свойственных исключительно человеку. Глагол – часть речи, значение которой больше всего зависит от человека, поэтому группа ожидаемо многочисленна.

Перечислим лишь некоторые, самые очевидные лексико-семантические группы глаголов:

ЛСГ «человек живет/умирает» (глаголы витального состояния) – *гепнуться* ‘упасть, погибнуть, (сравним Родная гепаловка в отношении малой родины, поселка, а также гаплык как конец)’, *выздохнуть* ‘истратить все силы’, *выдохнуть* ‘отдохнуть некоторое время, передохнуть’, *отлыгать* ‘выжить, выздороветь’, *жилиться* ‘напрягаться изо всех сил’, *повыздыхать* ‘вымереть, умереть (угроза – чтоб вы поповыздыхали все!)’, *ухайдокать* ‘угробить’ и т.д.

ЛСГ «человек попадает в какое-либо состояние, положение, место» – (быть) в отключке ‘быть без сознания’, *отрубиться* ‘быстро уснуть, потерять сознание’, *выдохнуть* ‘успокоиться, прийти в себя’, *зависнуть* ‘сильно задуматься, остаться проводить время в том же положении’, *елозить* ‘ерзать, вести себя беспокойно’, *завтыкать* ‘отвлечься’, *задубеть* – *выдубеть* ‘стать твердым и сухим, замерзнуть’, *забуриться* ‘заблудиться, задержаться по времени’, *завалиться* ‘оставить дела с целью отдохнуть’, *морозиться* ‘не реагировать должным образом’, *выхолаживаться* ‘остыть, охладиться’, (раз-)завалиться (на диване) ‘удобно разместиться, улечься’ *раставоситься* ‘проснуться’, *занориться* ‘уютно расположиться, устроиться где-то’, (при-)моститься ‘пристроиться, поместиться’, *подгребсти* ‘подойти, присоединиться’ и т.д.

ЛСГ «человек что-то начинает» – *загудеть* ‘запить, начать веселиться на долгий период’, *загордиться* ‘начать испытывать чувство гордости, стать чрезмерно гордым - возгордиться’, *вставать* ‘выходить из транспорта на остановке’, *врубаться* ‘начинать понимать’, *втыкать* ‘начинать понимать’, *выпасть* ‘начать отдыхать, создав соответствующие условия’ и т.д.

ЛСГ «человек что-то заканчивает, приходит к определенному результату, состоянию, имеет результат» – *за-/на-бульбенить(ся)* ‘напиться’, ‘приготовить что-либо на скорую руку’, *накутузиться* ‘напиться’, *заесться* ‘стать привередливым в еде’, ‘испачкаться во время приема пищи (заеды)’, *насыпать* ‘наполнить емкость чем-либо’, *заделать* ‘сделать окончательно’, ‘зарыть или забить что-либо наглухо’, *донетрить* ‘понять собственными усилиями’, *забуриться* – 1. Уронить вагонетку с рельс, сойти с рельс (шахт.); 2. Замешкаться с работой; попасть куда-нибудь (затусить); 3. забраться в труднодоступное место.

ЛСГ «человек испытывает затруднения» – *муздохаться/муздыхаться* ‘возиться с чем-то’, *квилиться* ‘плакать, капризничать (чаще о ребенке)’, *залипать* ‘отвлекаться на что-то’, *тормозить* ‘не реагировать должным, ожидаемым образом’ и т.д.

ЛСГ «человек делает то, что не следует» – *пуржить* ‘нести околесицу’, *булькать* ‘мешать спать’, *вылындаться* ‘задерживаться’, *артачиться* ‘сопротивляться’, *вытворять* ‘совершать глупые поступки’, *выделываться* ‘ломаться, жеманничать’,

обмижуриться ‘допустить оплошность’, *за-/обляпаться* ‘измазаться, испачкаться’, *симафорить* – *отсвечивать* – *светиться* – т.е. ‘быть на виду, привлекать к себе внимание окружающих’, *кочумать* ‘уходить’, *керасинить* ‘пить алкоголь’, *пыркаться* ‘слоняться без дела’.

ЛСГ «человек организует пространство вокруг себя» – *облокотиться* ‘опереться обо что-либо локтем, локтями’, *огородиться* ‘обставиться вокруг себя чем-нибудь’, *куховарить* ‘готовить’, *скупиться* ‘сделать покупки’, *складировать* ‘собираться в одном месте, сложить вещи в кучу’, *подлохматиться* ‘обзавестись чем-либо, приобрести вещь’, *подрехтовать* ‘отремонтировать что-либо, улучшить’, *подымать* – *сымать* ‘поднимать – снимать’ (белье, например, с веревки), *волокти*, *выволакивать* ‘волочь по земле, перемещать с места на место’ и т.д.

ЛСГ «человек воздействует на другого человека или объект» – *задолбать* ‘замучить придирами’, *задрачивать* ‘надоедать’, *зыбать* ‘слегка трясти, колыхать из стороны в сторону’, *позырить* ‘посмотреть’, *вкрутить (лампу)* ‘крутя, вводить что-либо куда-то’, *карябать* ‘скрести’, ‘писать’, *выгудзеливать* ‘делать что-то чрезмерно тщательно’, *впоймать* ‘поймать’, *пнуть* ‘толкнуть ногой’, *пыркать* ‘подковыривать, толкать что-либо’, *раздеребанить* ‘разобрать’, *уконтропунуть* ‘угробить’, *ушатать* ‘что-то поломать’, *тавосить* – *турсучить* ‘будить, дать проснуться окончательно’, *раставоситься* ‘проснуться’ и т.д.

ЛСГ «человек производит особенно интенсивно физические действия» – *голосить* ‘громко кричать’, *гупать* ‘сильно и громко бить’, *грохнуть* ‘неожиданно и громко рассмеяться’, *гоцать* ‘сильно прыгать’, *гулбанить* ‘бурно веселиться’, *буцать* ‘сильно бить’, *орать* ‘громко кричать’, *жахнуть* ‘ударить со всей силой’, ‘сделать что-то от души’, *подскочить* – *подкинуться* – *подорваться* ‘резко встать’, ‘решительно начать что-то делать’, *рыготать* ‘сильно смеяться’, *сигать* ‘высоко прыгать’, *пыхтеть* ‘очень стараться’, *шандарахнуть* ‘ударить неожиданно и сильно’ и т.д.

ЛСГ «человек производит действие не в полную силу» – *вош(ж)каться* ‘возиться, медлить’, *брякнуть* ‘произнести что-то некстати’, *куевдиться* ‘копошиться’, *кучковаться* ‘толпиться, тесниться’, *кыхыкать/бухыкать* ‘покашливать’, *дыбать*, *шкандыбать* ‘идти с трудом’, *примостить*, *притулить* ‘расположить в неудобном для этого месте’, *пришпандорить* ‘прицепить, укрепить (шпандырем)’, *подзадержусь* ‘немного опоздаю’, *подъесть* ‘съесть нижнюю часть или только надкусить’, *подтютюрить* ‘сделать малую шалость, своровать ради шутки’, *подрихтовать* ‘подделать, слегка улучшить’ и т.д.

ЛСГ «человек совершает действие над собой, со своим телом и его перемещением» – *вылезать* ‘выходить из автобуса’, *втереться* ‘зайти в переполненный транспорт’, *бухнуть* ‘рухнуть, с силой упасть, достигнув чего-то’, *тараканить* ‘тащить’, ‘искать’, *таращиться* ‘сильно удивляться без возможности отвести глаза’, *перецепиться* ‘споткнуться, оступиться’ и т.д.

Самыми продуктивными в этой подгруппе оказались приставки *в-* (обозначающая направление или интенсивность действия), *по-* и *за-* (обозначающие начало или завершение действия), которые одновременно передают информацию о времени тот или иного действия.

Много в региолекте предложно-падежных конструкций, передающих информацию об образе жизни и поступках человека: *говору без балды* – ‘правда, не шучу’, *бить байдыки* – ‘лениться’. Чаще всего они имеют отношение к характеристике ментального состояния человека, его типизированных душевных переживаниях.

Интересны словосочетания, образованные с глаголом «дать». Большая часть из них вышла из профессиональной среды шахтеров. Например, *дать бока* – это и 1. Отталкивать в сторону. Например, *дать боку вагона* – ‘Толкать в бок вагонетку при постановке её на рельсы’; 2. Уйти самовольно с работы, *задвинуть смену* – ‘Отметиться в табельной и не пойти на работу’. Ко второму значению родственно выражение *дать отчипного* то есть ‘недобросовестный врач совершает условные действия над больным, лишь бы он «отчипився» (укр.)’. И еще выражение из профессионального сленга – *дать спину* – ‘подставить спину, чтобы товарищ получил точку опоры (уперся спиной в спину), при бурении забоя ручным электросверлом’.

Есть также в донецком региолекте определенное количество наречий, которые подразумевают сему «человек»: *ЛСГ «как человек перемещается»* – *кабанчиком, гуськом, пешкариусом, наутек* и т.д.; *ЛСГ «каким образом и с какой целью человек что-то выполняет»* – *задарма, в тягу, втихаря* и т.д.; *ЛСГ «как у человека обстоят дела с расстановкой дел, организацией времени и пространства»* – *густо, на мази, на потом, на постой* и т.д.

Особого внимания заслуживает использование региолектных служебных частей речи. Информация о междометиях и даже самых частотных слов-паразитах и средств хезитации, безусловно, дополняют сведения о семантическом объеме понятия «Человек» в языковой картине мира носителей региолекта. Специфические *ой ли, да нет наверное, чи не чи, та ты шо* ставят перед собой цель сказать о скепсисе со стороны говорящего в отношении предмета разговора или спора.

Есть особое явление – *фраземы*, использующие имя человека как носителя определенного качества, которое осуждается или поощряется обществом: - *Че ты, как Вася-то?* - в адрес человека, который все портит, *«бока порет»* - по сути является *бокопором*. *Клава – женищина, которая ведет себя, как Вася. Ну ты Васька-кот!* – в отношении того, ‘кто чрезмерно избалован’. *Упасть на Гарику* – ‘притвориться непонимающим, дураком, простаком’. В Донбассе тараканов называют *Стасиками*, а восклицание, призванное осмеять нелепый внешний вид – *Как Стецько!*, или душевную простоту – *Филя-простофиля, просто-Вера* и проч.

Эмоциональную семантическую нагрузку получают в региолекте такие имена, как *Адольф* или *Адольфыч* (имея в виду Гитлера), *тетя/баба Зина* как символ домашнего уюта и заботы. То же касается наименований по национальному признаку, который не имеет к действительной национальности адресанта никакого отношения: *турок ты* – т.е. ‘непонятливый человек’, *еврей* – ‘жадный, хитрый, изворотливый, приbedняющийся’, *чурка с глазами* – ‘черствый человек’, *чучмек* – ‘человек нерусской (неславянской) национальности; плохо понимающий русский язык или плохо на нем говорящий’. Интересно свидетельство из комментария в тематическом сообществе на ФБ: *«Воробьев мы в детстве называли 'жидами'. Так и говорили 'Пошли стрелять жидов'. Стреляли из рогатки. О существовании евреев никто из нас не знал»*.

По аналогии с фактами традиционной культуры жители различных поселков индустриального региона имели коллективные прозвища, как и родовые. Так, *галушниками* называли жителей с. Богоявленка в разговорной речи коренных жителей тамошних окрестных сёл. А *бубляями* (И.п. – *бублаи*) – жителей села (ныне – города) Марьинка в разговорной речи жителей района. По мнению старожил, так повелось еще с прошлого столетия: «так отмечалась их склонность покупать вязки бубликов, обматываясь ими, на ярмарках или рынках». Людей, которые по роду своей профессиональной деятельности связывают территории и населенные пункты – машинисты, работники железнодорожных станций – имели также прозвища согласно

месту, откуда шел вагон, названия его основного населения. Так, машинистов Красного Лимана называли *килками*, Славянска – *балбесами*, локомотивщиков депо Ясиноватая-Западная зовут *гагаями*.

При рассмотрении системных отношений лексем в словаре донецкого региолекта мы пришли к выводу, что каждая лексическая единица самодостаточна и может стать ядром, разросшимся в лексико-семантическую группу, далее – в лексико-семантическое поле. Слово даже в словаре, словнике не существует обособленно, но постоянно наращивает систему взаимоотношений с другими словами в пределах единой культуры и возможностях общенационального языка. Лексико-семантическое поле «человек» включает в себя ряд лексико-тематических и лексико-семантических групп, и если среди первых выделилась группа существительных и субстантивов со значением «то, что делает/создает/организует человек», то среди второй разновидности лидирует группа глаголов и глагольных форм.

Словарь региолекта состоит из предельно мотивированных, актуальных и востребованных, всем понятных слов, практически всегда имеющих стилистическую характеристику.

В описанном фрагменте региональной языковой картины мира четко просматриваются ценностные лингвокультурные особенности носителей региолекта. На первом месте стоят общественные отношения, отношения полезности – не полезности в деле и жизни, тема мастерства и трудолюбия – социально востребованных качеств. При морально-нравственных характеристиках человека выделяется пристальный интерес к внутренним свойствам человека, а не его характеристикам внешности (см. *свинота* – это не чрезмерная полнота, а неподобающее, неаккуратное в быту или подлое поведение). Во всех описанных группах превалирует общее значение «название человека по поступку или проявленному качеству». Слабо или совсем не проявлены в региолекте стратификационные и имущественные отношения в номинации лиц, термины родства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
2. Ерофеева Е.В. Региолект как континуум / Е.В. Ерофеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (4). – С. 596–614.
3. Караулов Ю.И. Структура лексико-семантического поля / Ю.И. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
4. Караулов Ю.И. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 355 с.
5. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) : монография / В.В. Катермина. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 222 с.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
7. Крысин Л.П. Антропоцентричность лексических значений в русской разговорной речи // Проблемы лексической семантики: тез. докл. междунар. конф. Девятые Шмелевские чтения / Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М., 2010. – С. 83–85.
8. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
9. Ливинская И.В. Лексические единицы региолекта и их лексикографическая интерпретация : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ливинская Ирина Владимировна; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина]. – Москва, 2017. – 191 с.
10. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 171 с.
11. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Езиковедски исследования в чест на акад. Ст. Мла. – София, 1958. – С. 537–538.

12. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1999. – 88 с.
13. Шеина И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И.М. Шеина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 69-72.
14. Шмелев Д.Н. Современный русский язык / Д.Н. Шмелев. – М.: УРСС, 2004. – 152 с.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Донецкий региолект // Монография. – В.И. Теркулов, В.С. Коробова-Латынцева, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина и др. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.
2. Измайлов О.В. Донбасс для «чайников» (исторический экскурс) / О.В. Измайлов. – Донецк, ФЛП Чернецкая Н.А., 2017. – 232 с.
3. Русско-донецкий словарь. Архивированные данные сайтов: www.slovar.dn.ua и www.sleng.dn.ua (дата обращения: 22.08.2017).
4. Словарь донецкого просторечия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/587256148065323> (дата обращения: 12.07.2021).

Поступила в редакцию 02.10.2021 г.

LEXICAL-SEMANTIC FIELD "HUMAN BEING" IN THE DONETSK REGIOLECT

V.S. Korobova-Latyntseva

The article examines the structure of the lexical-semantic field with the general meaning "human being" on the material of lexical units of the Donetsk region. Based on the presented lexical data, conclusions are drawn about the features of a fragment of the regional linguistic picture of the world.

Key words: regiolectic vocabulary, lexical-semantic field, lexical-semantic group, thematic group, semantic types of words, archeseme "human being", regional linguistic picture of the world.

Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры русского языка.
E-mail: korobova.lat@gmail.com

Korobova-Latyntseva Victoria Sergeevna.
Donetsk National University.
Assistant at Department of the Russian Language.
E-mail: korobova.lat@gmail.com

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 159.96

САМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С НЕПСИХОТИЧЕСКИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ ОЖГОВОЙ БОЛЕЗНИ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

© 2021 *К.А. Косенко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье раскрывается специфика самоотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения.

Данные результаты могут использоваться при разработке дифференцированных индивидуальных программ психологической помощи людям с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения и при реализации их на психологообразовательном, психокоррекционном, психотерапевтическом и психореабилитационном этапах психологической помощи.

Ключевые слова: самоотношение личности, совладающее поведение, непсихотические психические расстройства, ожоговая болезнь.

Ключевым фактором для самовыражения, самореализации, самоактуализации и успешной адаптации к различным жизненным ситуациям выступает самоотношение личности как многомерное динамическое образование, включающее в себя систему эмоционально-ценностных установок в адрес собственного «Я» и выражающее смысл «Я» для субъекта. Данной психологической категории посвящено большое количество научных трудов, однако проблема самоотношения остается актуальной и на сегодняшний день [2].

На самоотношение и самосознание личности оказывают влияние различные соматические болезни, что обусловлено ограничивающими факторами в настоящем, а также изменением планов и целей на будущее. Это в конечном итоге может приводить к фрустрации, возникающей из-за воздействия реальной или воображаемой помехи, которая является или непреодолимой, или трудно преодолимой для индивида. Все это выражается в появлении тревожности, агрессии, отчаяния и т.д., но конкретные реакции будут зависеть от особенностей личности пациента и от того, как изменится его самоотношение в ходе заболевания [1].

В рамках данной работы были рассмотрены больные с ожоговыми болезнями, возникающими в результате местного действия высокой температуры, а также химических веществ, электрического тока или ионизирующего излучения.

В процессе приспособления и адаптации к трудным жизненным обстоятельствам и к стрессовому воздействию активизируется работа различных стратегий совладающего поведения. Эффективность данных стратегий будет зависеть от личностных ресурсов, направленных на обеспечение благополучия индивида, решение проблемной ситуации, поддержание эмоционального равновесия и улучшение общего эмоционального состояния [3,4].

Изучением данной проблематики занимались различные отечественные и зарубежные авторы, которые рассматривали следующие вопросы: положения о

содержании и развитии самоотношения (Л.И. Божович, Л.В. Бороздина, А.В. Визгина, И.С. Кон, А.Н. Крылов, А.И. Липкина, М.И. Лисина, В.Г. Маралов, С.Р. Пантилеев, А.Р. Петрулите, Ю.Г. Пилипейченко, Н.И. Сарджвеладзе, В.Ф. Сафин, Е.Т. Соколова, В.В. Столиц, И.Г. Чеснова, И.И. Чеснокова и др.); представления о социальной ситуации развития личности в условиях хронической болезни (Л.Ю. Данилова, Б.В. Зейгарник, Б.С. Калмыкова, В.В. Ковалев, Н.М. Манухина, Т.Н. Муладжанова, В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, Е.Г. Филякова и др.); концепции психологических характеристик ожоговой болезни (Б. Берени-Маржук, П. Месала, И.В. Гурин, С.Г. Лафи).

Пациенты с ожоговой болезнью являются максимально уязвимыми в психологическом плане и нуждаются в оказании особой психотерапевтической помощи, с учетом возникновения у них непсихотических психических нарушений на разных стадиях течения болезни.

Таким образом, *целью данного исследования* является изучение самоотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения. *Объект исследования* – самоотношение личности. *Предмет исследования* – самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни у больных с разными типами совладающего поведения. *Гипотеза исследования*: самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни будет иметь негативную направленность, обусловленную использованием непродуктивных стратегий совладающего поведения.

Психодиагностические методы исследования: методика «Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан»; методика «Исследование самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС)»; методика «Шкала депрессии А.Т. Бека»; методика «Оценка личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина»; опросник «Выраженность психопатологической симптоматики SCL-90-R»; методика «Диагностика копинг-поведения в стрессовых ситуациях Д. Амирхана». *Методы математической статистики*: описательная статистика, корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона). *Эмпирическая база*: в данном исследовании приняли участие пациенты отделения термических поражений и пластической хирургии Института неотложной и восстановительной хирургии им. В.К. Гусака в количестве – 21 человек.

На основе высоких показателей по шкалам «Тревожность» (3,18), «Депрессия» (3,23) опросника SCL-90-R и высокого уровня депрессии (39,28) по методике А.Т. Бека, а также высокого уровня ситуативной тревожности (55,71) по методике Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина из 21 пациента нами были выделены 14 человек, которые имеют непсихотические психические расстройства. Участвовавшие в исследовании респонденты находятся в возрасте от 23 до 35 лет.

Таким образом, по *методике «Шкала депрессии Бека»* выделенная нами группа пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни характеризуется высоким уровнем выраженности депрессии (табл. 1).

Таблица 1

Средние показатели по методике «Шкала депрессии Бека» (баллы)

	Когнитивно-аффективная субшкала	Соматическая субшкала	Общий балл
Результаты	21,64	18,21	39,86

Эти показатели свидетельствуют о том, что для большинства из данных пациентов характерны пессимистичное настроение, неудовлетворенность жизнью и жизненными обстоятельствами, чувство несостоятельности, стремление к самообвинению, повышенные раздражительность и утомляемость, низкая работоспособность, нарушение сна, утрата аппетита, а также нарушение социальных связей. Помимо прочего, данные пациенты испытывают беспокойство по поводу своего будущего и отмечают, что сейчас они не могут радоваться и получать удовольствие от жизни, они испытывают трудности по поводу того, чтобы заняться чем-то, взаимодействовать с другими, а также часто испытывают чувство вины.

По методике Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина данная группа отличается высоким уровнем ситуативной тревожности и низким уровнем личностной тревожности (табл.2).

Таблица 2

Средние показатели по методике Ч. Д. Спилбергера-Ю. Л. Ханина (баллы)

	Уровень ситуативной тревожности	Уровень личностной тревожности
Средние показатели	55,71	26,29

На данный момент пациенты находятся в стрессовой ситуации, сопровождающейся субъективным дискомфортом, повышенными напряжением, беспокойством, нервозностью, а также вегетативным возбуждением. Для них характерны ощущения взвинченности, волнения, усталости, неудовлетворенности по поводу происходящего, в связи с чем они чувствуют неуверенность в себе. Данный уровень тревоги мешает им адаптироваться к новым условиям, ситуация, в которой они находятся, воспринимается ими как небезопасная, им сложно расслабиться или быть спокойными.

При этом, для большинства из них в обычной жизни не характерна личностная тревожность, они ощущают себя более защищенными, стабильными, для них не характерно воспринимать угрозу и испытывать тревогу в широком диапазоне жизненных ситуаций, также это может свидетельствовать о том, что у них отсутствует невротический конфликт.

Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R также позволил подтвердить наличие у испытуемых непсихотических психических расстройств (табл. 3).

Таблица 3

Средние показатели по методике SCL-90-R	
Шкалы	Средний показатель
SOM (Соматизация)	2,55
INT (Межличностная сензитивность)	1,86
DEP (Депрессия)	3,23
ANX (Тревожность)	3,18
Индекс GSI (общий индекс тяжести)	1,68

Пациенты с ожоговой болезнью ощущают неуверенность, отмечают, что, сравнивая себя с другими, ощущают себя неполноценно, испытывают дискомфорт, беспокойство в связи с тем, что окружающие, по их мнению, считают их неприятными, а также не стремятся к взаимодействию с ними.

Данные пациенты не испытывают заинтересованности по отношению к окружающей действительности, имеют подавленное настроение, у них отмечается недостаток мотивации, высокая утомляемость, чувство безнадежности, незащищенности и одиночества. Помимо прочего, они испытывают тревогу в обстоятельствах, в которых они находятся, отмечают за собой проявление нервозности, напряжения, приступов паники, тремора и т.д.

Получение ожоговой травмы могло спровоцировать появление страха по поводу определенного места, объекта или ситуации, что привело к стремлению избегать данные стимулы. Общий показатель, отражающий уровень психического дистресса пациентов (индекс GSI), превышает нормативный и указывает на то, что на фоне ожоговой болезни пациенты испытывают высокий уровень дискомфорта от имеющихся у них симптомов и нынешних обстоятельств их жизнедеятельности.

Самоотношение, как психологический конструкт, влияет на внутреннюю картину болезни, процесс выздоровления и адаптацию к сложным жизненным обстоятельствам.

Результаты по методике С.Р. Пантелеева позволили определить негативную направленность самоотношения пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни (табл. 4).

Таблица 4

Средние показатели по шкалам методики С.Р. Пантелеева

	Замкнутость	Самоуверенность	Саморукводство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Среднее	9,22	3,43	2,93	6,29	6,64	2,57	6,64	12,93	8,71

Из данных показателей видно, что пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни имеют выраженную неуверенность в себе, склонны к чрезмерной самокритике, часто сомневаются в своих способностях, принятых решениях, не верят, что могут преодолевать трудности или достигать поставленных целей. Также они склонны акцентировать внимание на своих недостатках, обвиняют себя во всех промах и неудачах, что влечет за собой нарастание внутреннего напряжения и ощущения невозможности удовлетворять свои потребности.

При этом они считают, что у большинства людей вызывают чувство неприятия, положительное отношение к ним может быть обусловлено только некоторыми их качествами или определенными поступками. Испытуемые склонны к чрезмерной самокритике, часто сомневаются в своих способностях, акцентируют внимание на своих недостатках, обвиняют себя во всех промахах и неудачах. Также они имеют общий негативный фон восприятия себя и проблемы с волевым контролем и саморегуляцией. Для них характерно проявление защитного поведения и стремление соответствовать общепринятым социальным нормам.

Испытуемые имеют общий негативный фон восприятия себя. Это выражается в том, что они проявляют излишнюю самокритичность, симпатия к себе проявляется эпизодически. Несмотря на это, помимо негативных качеств в себе, которые они хотели бы изменить, они хотели бы сохранить имеющиеся положительные качества.

Ко всему прочему, пациенты имеют проблемы с волевым контролем и саморегуляцией, подобные тенденции создают дополнительные препятствия на пути к поставленным целям, снижают сопротивляемость внешним факторам. Наблюдается доминирование внешнего локус-контроля, так как они склонны приписывать причины происходящего внешним обстоятельствам, избегать ответственности. Для них характерно проявление защитного поведения, стремление соответствовать общепринятым социальным нормам, отсутствие стремления к взаимодействию с самими собой, они не хотят осознанно раскрывать себя, рефлексировать, признавать, что испытывают проблемы с саморегуляцией. Такие проявления приводят к внутреннему конфликту, дискомфорту и напряжению.

Результаты по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан позволили подтвердить негативную направленность самоотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни (табл.5).

Таблица 5

Показатели по методике Дембо-Рубинштейн (баллы)

Шкалы		Средние показатели
Здоровье	Высота самооценки	25,14
	Уровень притязаний	73,29
Ум	Высота самооценки	56,29
	Уровень притязаний	79,00
Характер	Высота самооценки	51,64
	Уровень притязаний	75,64
Авторитет	Высота самооценки	38,21
	Уровень притязаний	71,57
Самостоятельность	Высота самооценки	35,93
	Уровень притязаний	73,36
Уверенность	Высота самооценки	24,14
	Уровень притязаний	71,43

У пациентов с ожоговой болезнью с непсихотическими психическими расстройствами наблюдаются негативные установки в оценивании себя. У них преобладает низкая самооценка, т.е. тенденция недооценивать себя, свои возможности, испытывать неуверенность в себе, критично расценивать свои поступки и действия.

Состояние своего здоровья оценивается ими, как неудовлетворительное, оставляющее желать лучшего. У них имеется выраженное стремление к его улучшению, однако разница между уровнем притязаний и уровнем самооценки указывает на то, что пациенты с ожогами неадекватно оценивают собственные силы, возможности, не объективно соотнося их со своими целями, что провоцирует возникновение внутреннего конфликта, обусловленного не только их физиологическим состоянием, но и отношением к этому состоянию. Такая тенденция свидетельствует о наличии внутреннего конфликта в данной сфере, что приводит к дополнительным проблемам в процессе лечения и реабилитации пациентов.

Больным с ожогами характерно недооценивать свое положение среди других людей, по их мнению, окружающие относятся к ним неуважительно и не стремятся к ним прислушиваться, учитывать их мнение. Им бы хотелось, чтобы ситуация изменилась в лучшую сторону, но расхождение между уровнем притязаний и самооценкой указывает на то, что они не знают, как с имеющимися возможностями достичь такого результата.

Испытуемые адекватно расценивают свои интеллектуальные способности, оценивают себя как способных применять свой уровень интеллектуальных

способностей и сообразительности для решения различных задач. А также они имеют нормативную самооценку своего характера, стремятся к самосовершенствованию своего набора характерологических черт и планируют ставить перед собой достижимые цели, адекватно расценивая свои возможности и распределяя силы.

Стоит отметить, что несмотря на заниженную самооценку и неуверенность в себе, большинство пациентов имеют адекватный уровень притязаний, что указывает на то, что они могут ставить перед собой реалистичные цели и могут оценивать свои возможности.

Отсутствие уверенности в себе делает некоторые из этих целей недостижимыми на данный момент, что может вызывать дискомфорт, фрустрацию и тревогу. Проявление подобных особенностей, вероятнее всего, обусловлено особенностями протекания ожоговой болезни и сопутствующими непсихотическими психическими расстройствами, и, возможно, условиями стационарного лечения.

Оценить преобладающую стратегию совладающего поведения позволила методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амирхана (табл. 6).

Таблица 6

Средние показатели по методике Д. Амирхана (баллы)	
Шкалы	Показатели
Решение проблемы	18,93
Поиск социальной поддержки	19,64
Избегание	26,86

Пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни чаще всего при столкновении с проблемами используют стратегию избегания. Данная стратегия направлена на избегание контактов с окружающей реальностью и людьми, на уход от проблемы или проблемной ситуации. Подобное поведение приводит к дополнительной дезадаптации и является временным решением для преодоления или снижения дистресса. Использование данного типа копинг-поведения говорит о том, что больные имеют недостаточно развитые личностно-средовые копинг-ресурсы и навыки активного и продуктивного разрешения проблем.

При этом они реже используют активные поведенческие стратегии, направленные на мобилизацию личностных ресурсов для решения проблем или обращение за помощью к окружающим людям, семье или близким друзьям.

Корреляционный анализ позволил определить, что между показателями выраженности непсихотических психических расстройств, особенностями самоотношения и копинг-стратегиями имеются взаимосвязи, указывающие на то, что высокий уровень личностной тревожности способствует меньшему использованию продуктивных стратегий поведения, направленных на эффективный поиск вариантов решения проблемных ситуаций: обратная сильная взаимосвязь ($r = -0,69$, $p \leq 0,01$) между шкалой «Личностная тревожность» и шкалой «Решение проблемы»; прямая средняя взаимосвязь между шкалой «Поиск социальной поддержки» и шкалами «Тревожность» ($r = 0,52$, $p \leq 0,05$) и «Общий индекс тяжести» ($r = 0,53$, $p \leq 0,05$); обратная средняя взаимосвязь между шкалой «Поиск социальной поддержки» и «Самоуверенность» ($r = -0,53$, $p \leq 0,05$); обратная средняя взаимосвязь между шкалой «Избегание» и «Самопринятие» ($r = -0,55$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни будет иметь негативную направленность, обусловленную использованием непродуктивных стратегий совладающего поведения. Результаты данного исследования могут помочь психологам и психотерапевтам разрабатывать дифференцированные индивидуальные программы психологической помощи людям с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами совладающего поведения и реализовывать их на психологообразовательном, психокоррекционном, психотерапевтическом и психореабилитационном этапах психологической помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вильдгрубе С.А. Особенности оказания психотерапевтической помощи больным с непсихотическими психическими нарушениями при термических поражениях / С.А. Вильдгрубе, Г.М. Фирсова // Вестник неотложной и восстановительной хирургии. – Том 2. – № 2-3. – 2017. – С. 186–196.
2. Вильдгрубе С.А. Самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни / К.А. Косенко, С.А. Вильдгрубе // Донецкие чтения - 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. – Том 9. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 290–293.
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – СПб: Питер, 2011. – 272 с.
4. Яньшин П.В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности / П.В. Яньшин. – СПб.:Питер-Юг, 2014. – 336 с.

Поступила в редакцию 20.10.2021 г.

SELF-ATTITUDE OF A PERSON WITH NON-PSYCHOTIC MENTAL DISORDERS SUFFERING FROM BURN DISEASE WITH DIFFERENT TYPES OF CONTROLLING BEHAVIOR

К.А. Косенко

The article reveals the specifics of self-attitude of a person with different types of controlling behavior suffering from non-psychotic mental disorders in burn disease. The results can be used in the development of differentiated individual programs of psychological assistance to people with different types of controlling behavior suffering from non-psychotic mental disorders in burn disease. The results can be applied when implementing the above-mentioned programs at the psychological educational, psycho-corrective, psychotherapeutic and psycho-rehabilitation stages of psychological assistance.

Key words: self-attitude of a person, controlling behavior, non-psychotic mental disorders, burn disease.

Косенко Карина Алексеевна.

Студентка 2 курса магистратуры.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: kado4kaa@mail.ru

Kosenko Karina Alekseevna.

2nd year student of the Master's program.

Donetsk National University.

E-mail: kado4kaa@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАКИАВЕЛЛИЗМА СТУДЕНТОВ - СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

© 2021 С.В. Данилова

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»

Данная статья посвящена изучению макиавеллизма студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа». Проанализировано понятие «макиавеллизм» в научной литературе. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи макиавеллизма и психической ригидности будущих социальных работников.

Ключевые слова: макиавеллизм, манипуляция, психическая ригидность, социальные работники.

Введение. В современных условиях развития общества проблема манипулирования проникает во все сферы жизнедеятельности человека, и многие ученые рассматривают манипуляцию как неприемлемую форму общения, нарушающую права человека на свободу волеизъявления и принятия решения.

Учитывая интерес ученых к проблеме макиавеллизма как следствия широкого распространения манипулятивного поведения в современном мире, способы и тактики, используемые макиавеллистами в процессе взаимодействия с людьми, сложно назвать социально приемлемыми и этичными.

Макиавеллизм как черта личности предполагает использование психологической манипуляции в качестве основного средства при достижении своей цели, часто в ущерб интересам других людей [3]. Макиавеллизм как свойство личности выражает систему отношений человека к другим людям и социальной действительности, которое проявляется в виде цинизма, отчужденности, равнодушии, пренебрежении моралью. Макиавеллисты используют психологическую манипуляцию исключительно в своих целях.

Актуальность изучения проблемы макиавеллизма на этапе профессиональной подготовки специалистов, которые будут работать в системе «человек-человек», обусловлена в первую очередь социальным запросом. Также интерес к данной проблеме возникает в связи с имеющейся тенденцией социального одобрения манипулятивного поведения, нарастанием агрессивных тенденций в обществе, жесткой конкуренцией в профессиональной среде, ростом лидерских тенденций и т.д.

В современной науке сложилось понимание социальной работы как профессиональной деятельности, где неотъемлемой ее частью является стремление помочь человеку или группе людей, обеспечить их существование и социальное взаимодействие, поддержать чувство собственного достоинства человека. Таким образом, необходимо своевременное распознавание тенденции личности к макиавеллизму, а также тех личностных особенностей, которые сопутствуют ей, особенно если человек работает в сфере деятельности «человек-человек».

Вышесказанное позволяет нам обозначить цель данного исследования, которая заключается в анализе особенностей тенденции к макиавеллизму и психической ригидности студентов социальных работников.

Основная часть. Отправной точкой создания теории «макиавеллизма» стали взгляды и труды средневекового итальянского мыслителя Никколо Макиавелли, который является автором широко известного трактата «Государь». Описанный им образ мыслей, установок, убеждений и способов поведения по отношению к другим людям послужил основой для создания «портрета» людей, склонных к манипулятивному способу поведения [5].

Сама проблема макиавеллизма совсем недавно попала в поле зрения специалистов, которые занимаются исследованиями в области социальной психологии. Каждый человек, независимо от степени выраженности склонности к манипулированию время от времени прибегает к разным техникам манипуляции. Манипулятивное поведение может быть вызвано общечеловеческими, социальными, мотивационными и пр. причинами.

За рубежом проблема макиавеллизма личности активно исследуется в таких областях, как экономика, бизнес, менеджмент и маркетинг, политология. Эта тенденция свидетельствует об огромном интересе к данной проблеме среди людей разных профессий и создает основания для прогноза некоторых направлений изучения проблемы макиавеллизма.

В психологической литературе при изучении макиавеллизма обнаруживается противоречивость и неоднозначность в интерпретации данного феномена. С одной стороны, макиавеллизм выступает как индивидуальная особенность личности, способствующая успешности психосоциальной адаптации, а с другой стороны – является фактором, приводящим к социальным дисфункциям.

Термин «макиавеллизм» широко распространен как в западной, так и в отечественной научной литературе. Впервые понятие «макиавеллизм» в психологии было применено двумя американскими учеными Р. Гейс и Ф. Кристи; по мнению авторов, основными составляющими свойства личности макиавеллиста являлись:

1) убеждение человека, что при взаимодействии с другими людьми ими следует, а иногда даже и необходимо манипулировать;

2) навыки, конкретные умения манипуляции, которые включают в себя способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков [5].

Р. Гейс и Ф. Кристи в своей работе «*Studies in Machiavellianism*» утверждают, что макиавеллизм представляет собой «психологический синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и поведенческих характеристик» [4].

Из исследований Р. Гейс и Т. Мун следует, что можно выделить 3 фактора, характеризующих термин «макиавеллизм».

1. Поведение. В процессе взаимодействия с другими людьми макиавеллист использует манипулятивные техники, такие как лесть, обман, подлог, подкуп. Он манипулирует всегда осознанно, преследуя выгоду для себя.

2. Отношение. Макиавеллисту свойственно циничное отношение к другим людям. Они подозрительны, эмоционально отчуждены, ориентируются не на партнера, а на выгоду, которою они могут получить через него. То есть в процессе взаимодействия партнер для макиавеллиста – только инструмент, необходимый для достижения своей цели.

3. Пренебрежение (игнорирование) социальной морали в тех случаях, когда она мешает достижению желаемого результата.

В дальнейшем классическая трехфакторная схема Р. Гейс и Т. Мун была проанализирована и дополнена: Хантер обнаружил, что в феномен макиавеллизма включено не три, а четыре фактора: лживость, лесть, неверие в мораль и вера в то, что люди изначально лживы и порочны [4].

Впоследствии многими учеными была сделана попытка конкретизировать, расширить или указать на отличительные черты личности макиавеллиста. Так появился целый ряд определений, встречающихся в зарубежной и отечественной научной литературе.

Макиавеллизм – устойчивая личностная черта, представляющая систему отношений человека с другими людьми [3].

Макиавеллизм – это склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях [5].

Макиавеллизм – это стратегия социального поведения, включающая манипуляцию другими в личных целях, зачастую противоречащую их собственным интересам [1].

По мнению западных психологов, макиавеллизм – это склонность человека к манипулированию другими людьми в межличностных отношениях. При этом манипулятор скрывает свои истинные намерения и, используя отвлекающие маневры, добивается того, чтобы партнер изменил свои изначальные цели, не осознавая этого. Макиавеллизм обычно определяется как склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими тонкими, едва уловимыми или не физически агрессивными способами, такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание. В.В. Знаков, описывая макиавеллизм, говорит о том, что это количественная характеристика, каждому человеку в определенных ситуациях свойственно манипулятивное поведение, однако у некоторых людей более выражена склонность и развита способность к нему [39].

По мнению ряда авторов, манипулятивное взаимодействие приводит к нарушению психологической безопасности (Г.В. Грачев, И.К. Мельник) и понимания в межличностном взаимодействии (В.В. Знаков, Ю.А. Желтонова), а также препятствует развитию личности самого манипулятора, нарушает творческий процесс общения (Е.Л. Марголина, Л.И. Рюмшина) [1].

Обратимся к этимологии термина «манипуляция»; как пишет Е.Л. Доценко, в метафорическом смысле ее можно определить, как «проделки, махинации», а манипулятора – как «циркового артиста, выполняет фокусы, основанные на ловкости рук» [2]. Относительно ситуаций реального взаимодействия людей манипуляцию можно представить как такое психологическое воздействие на человека, в процессе которого он выступает объектом, с которым выполняются некоторые действия, направленные на то, чтобы «прибрать его к рукам» с помощью махинаций, уловок и приемов. Иначе говоря, манипулятор стремится использовать другого человека как средство достижения собственных целей или получения выгоды для себя.

При рассмотрении понятия «макиавеллизм» необходимо учитывать, что это понятие – явление историческое, и его оценка предполагает объективный и критический подход с целью выявления как преимуществ, так и ограниченности применительно к современной как политической, так и психологической проблематике.

Как мы уже выяснили, главными психологическими составляющими макиавеллизма как свойства личности являются убеждение субъекта в том, что нужно

манипулировать, и наличие определенных навыков манипуляции. Последние включают в себя способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков. Однако, макиавеллистские убеждения и навыки могут не совпадать и реализоваться в поведении «автономно». Отметим, что в исследованиях, посвященных развитию макиавеллизма личности в онтогенезе, одни дети перенимают от родителей систему убеждений, которая не прямо, а косвенно влияет на их поведение. Другие – непосредственно копируют у родителей успешные способы манипулирования людьми, но не перенимают у них макиавеллистские убеждения.

Макиавеллист всегда действует осознанно и отдает себе отчет в том, что поступает неэтично, негуманно, нечестно. Макиавеллевская манипуляция, как отмечают Г.Е. Шибаета и Ю.И. Тарасова, имеет цель – добиться своего, следовательно, другой человек может быть либо средством для достижения своей цели, либо преградой. Важной особенностью макиавеллистов является то, что в общении они предметно-ориентированы, конкурентоспособны и направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с собеседниками [2].

Способы, которые макиавеллисты используют в процессе взаимодействия с людьми, нельзя назвать социально приемлемыми, этичными. Одним из важных приемов совладания с манипуляциями макиавеллистов является демонстрация окружающим и самим макиавеллистам, что их манипулятивные стратегии разгаданы и раскрыты.

Для социума макиавеллисты могут в ряде случаев представлять угрозу, так как из-за их хитрых комбинаций нередко страдают люди. Таким образом, необходимо своевременное распознавание тенденции личности к макиавеллизму, а также тех личностных особенностей, которые сопутствуют ей, особенно если субъект работает в сфере «человек – человек».

Специалисты в сфере социальной работы предлагают людям помощь в связи со сложными нравственными вопросами и затруднениями, переплетенными с социально-экономическими реалиями их жизни и деятельности в обществе. Они выступают одновременно трансляторами норм и их реформаторами, расширяя рамки толерантности по отношению к тем, кто не соответствует общепринятой социальной норме, к тем, кто просто «иной». Многие из их диагностических выводов предстают как этические суждения, оценивающие личность, поведение, межличностные отношения.

Социальный работник сталкивается с зачастую трудно разрешимыми противоречиями между интересами личности и общества. Ему приходится искать баланс между поощрением самореализации и самодетерминации клиента и ограничением его свободы в контексте социальной ответственности; между терпимостью и принуждением; между долгом перед бюрократической системой и потребностью клиента в помощи; между правами детей и родителей, мужа и жены.

Эффективность деятельности социального работника в значительной степени зависит от соблюдения трудовой профессиональной этики. Социальный работник обязан предоставлять социальные услуги любому клиенту, независимо от его социального статуса, расы, пола, возраста, религиозной принадлежности и т.д. Специалист в сфере социальной работы должен обладать такими качествами этического порядка, как гибкость ума, реалистичность, развитая интуиция, дальновидность, воля, выдержка, принципиальность, терпеливость, работоспособность, дисциплинированность, самоконтроль.

Одна из старых дилемм, стоящих перед социальной работой, – как облегчить тяготы социально депривированных групп населения, но при этом избежать манипулятивного поведения, оказывать помощь, не забывая о принципах нравственности и этичности. Следовательно, необходимо своевременное распознавание склонности личности к макиавеллизму.

По мнению О.В. Каракуловой, склонность к манипулированию – характеристика динамичная, прежде всего, в юношеском возрасте, она изменяется во времени, особенно в процессе получения профессионального образования. Кроме того, отмечает автор, молодым людям, склонным к манипулированию, свойственны характеристики ригидного типа личности [1].

Таким образом, специфика цели исследования обусловила выбор методик исследования: для выявления особенностей тенденции к макиавеллизму «Методика измерения уровня макиавеллизма личности (Мак-шкала)» Р. Кристи и Ф. Гейс (в адаптации В.В. Знакова); для выявления психической ригидности студентов «Томский опросник ригидности» Г.В. Залевского.

В исследовании принимало участие 54 студента направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» (47 – девушек и 7 – юношей в возрасте 17-24 лет). Исследование проводилось с 01.09.21 по 20.09.21.

Использование Мак-шкалы продемонстрировало нам, что большинство в выборке студентов-социальных работников (54 % респондентов) имеют низкий уровень выраженности личностного макиавеллизма, который предполагает застенчивость, вежливость, отсутствие грубых выражений в речи. Им присущи сострадательность, доброта, сердечность, эмпатия, сочувствие, уступчивость, понимание. Ощущение радости от процесса (творчества). Эти студенты ощущают потребность в помощи, доверии, признании со стороны окружающих, стремление к тесному сотрудничеству, дружелюбное отношение к окружающим. Навыки манипулирования обучающиеся не применяют либо по причине того, что они не выработаны (респонденты отказываются манипулятивно взаимодействовать с другими людьми), либо по причине гуманитарной направленности своей будущей профессии. 28 % респондентов имеют средний уровень выраженности личностного макиавеллизма, что может свидетельствовать о том, что они достаточно эмоциональны и не всегда умеют держать свои эмоции, мысли, чувства под контролем, возможно, часто демонстрируя их окружающим. Манипуляция для них четко ограничена необходимостью ситуации, реже сознательным влиянием, но зачастую не для личной выгоды, а по социальным соображениям.

И у 18 % респондентов высокий уровень макиавеллизма, для таких студентов-социальных работников характерны стремление говорить неправду, критичность, прямолинейность, настойчивость в достижении цели; доминантность, напористость и любовь к соревнованию; они пренебрегают социальным одобрением, всегда имеют особое мнение, отличное от мнения большинства, нацелены на результат, прагматичность; уверенность, чувство собственного превосходства, независимость, стремление к соперничеству. Студенты макиавеллисты отлично приспосабливаются к любой ситуации.

Студентам-социальным работникам с низким уровнем макиавеллизма в большей степени присуща альтероцентристская направленность личности в общении, со средним уровнем макиавеллизма – манипулятивная. Для испытуемых с низким уровнем макиавеллизма наиболее значимой является ценность доброты, наименее значимой – ценность власти. При этом люди с высокими баллами по Мак-шкале

значительно более успешны при ведении переговоров, использовании манипулятивных тактик и получении вознаграждения, чем имеющие средние и низкие баллы.

При анализе результатов по методике «Томский опросник ригидности» Г.В. Залевского мы выяснили, что психическую ригидность студентов направления подготовки «Социальная работа» можно охарактеризовать как умеренную. Вместе с тем, по шкале «симптомокомплекс ригидности» показатели соответствуют высокому уровню. Это свидетельствует о том, что в целом студенты-социальные работники склонны к ригидным формам поведения. Для них характерен медленный темп деятельности, инертность, трудность переключения и коррекции программы поведения в связи с объективной необходимостью ситуации. Вся выборка испытуемых показала низкие результаты по шкале реальности и шкале лжи, поэтому мы можем говорить о достоверности результатов исследования.

Однофакторный дисперсионный анализ, проведенный для сравнения показателей психической ригидности и уровнем Мак-шкалы, выявил, что сензитивная ригидность ($M = 37,65$, при $p \leq 0,033$) и установочная ригидность оказались выше у студентов с высоким уровнем макиавеллизма ($M = 34,48$, при $p \leq 0,015$). Более того, результаты у студентов с высоким уровнем макиавеллизма по шкале «симптомокомплекс ригидности», которая отражает широкий спектр фиксированных форм поведения, также оказались выше, чем у студентов со средним и низким уровнем макиавеллизма ($M = 115,64$, при $p \leq 0,047$). Таким образом, мы заключаем, что студенты с высоким уровнем макиавеллизма характеризуются более высокой ригидностью.

Субъекты с высокими показателями ригидности имеют высокий уровень макиавеллизма, и наоборот. Эти личности не являются гибкими коммуникаторами, понимающими необходимость учета психологических особенностей партнера. Социальные работники с высоким уровнем выраженности макиавеллизма обычно идеологически нейтральны, слабо эмоционально вовлекаются в межличностные взаимоотношения.

Учитывая то, что у будущих специалистов служб социальной защиты населения с высоким уровнем макиавеллизма тактики взаимодействия с людьми связаны с убеждением об эффективности и универсальности манипулятивного поведения, которому они редко изменяют, можно считать, что именно это является причиной наличия у них высокой ригидности и склонности к фиксированным формам поведения. Тем не менее наличие высокой ригидности в связи с высоким уровнем макиавеллизма дает основание предполагать, что таким субъектам сложно изменить способы своего поведения.

Заключение. Результаты исследования позволяют отметить не только рост числа публикаций по вопросам макиавеллизма, но и смещение фокуса исследований. Несмотря на значительные усилия в разработке темы макиавеллизма, остается значительное число вопросов, требующих теоретических и исследовательских усилий.

Исследование показало, что уровень макиавеллизма у большинства студентов социальных работников находится на среднем уровне. Обучающиеся с высоким уровнем макиавеллизма характеризуются высоким уровнем ригидности. Полученные результаты дают возможность более эффективно строить процессы обучения и общения со студентами с учетом их предрасположенности к макиавеллизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков С.В. Взаимосвязь социальных установок у студентов с уровнем макиавеллизма личности / С.В. Быков // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2014. – № 1 (15). – С. 81–89.

2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – СПб.: Речь, 2003. – 304 с.
3. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 22–53.
4. Калуцкая И.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок / И.Н. Калуцкая, А.Н. Подъяков // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 4. – С. 78–89.
5. Катунин Д.Б. Макиавеллизм как психологическая проблема: история вопроса / Д.Б. Катунин, Л.В. Куликов // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2006. – Том 2. – № 2. – С. 68–71.

Поступила в редакцию 14.10.2021 г.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MACHIAVELLIANISM OF PROSPECTIVE SOCIAL WORKERS

S.V. Danilova

The article deals with the study of Machiavellianism of students majoring the speciality 'Social work'. The concept of Machiavellianism as well as its treatment in the scientific literature is analyzed. The results of an empirical study of the relationship between Machiavellianism and mental rigidity of future social workers are presented.

Key words: Machiavellianism, manipulation, mental rigidity, social workers.

Данилова Светлана Владимировна.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».

Доцент кафедры социологии управления.

E-mail: svtlndanilova2015@yandex.ru

Danylova Svitlana Vladimirovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of Donetsk People's Republic.

Associate Professor of the Department of Sociology of Management.

E-mail: svtlndanilova2015@yandex.ru

УДК 159.96

СТРЕСС: ПРИЗНАКИ, МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ

© 2021 *Е.В. Новикова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрена психологическая природа стресса, признаки и виды стресса. Проанализированы основные этапы его проживания. Приведены примеры методов профилактики и коррекции стрессового состояния личности.

Ключевые слова: стресс, нервное напряжение, стресс физиологический, стресс психологический, дистресс, эустресс.

Введение. Жизнь современного человека наполнена стрессами, и избежать их практически невозможно. Человеку важно понять природу стресса и научиться совладать им. В этом случае стресс не будет иметь разрушающую природу для психики. Более того, он может стать ресурсным состоянием для психологического роста, развития и самосовершенствования личности.

Целью статьи является анализ психологической природы стресса, методов его профилактики и коррекции.

Основная часть. Впервые термин «стресс» в физиологию и психологию ввел еще в 1920-х годах американский психофизиолог Уолтер Кеннон в своих трудах, описывая его как универсальную реакцию «бороться или бежать».

В 1936 году Ганс Селье начал использовать термин «стресс» для определения общего адаптационного напряжения. Стресс (stress (англ.) – давление, нажим, напряжение) есть неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование. Стресс является моментом адаптации к новой среде, новым условиям [10].

Под требованием понимается всякое раздражение, превышающее адаптивные возможности человека, которые всегда индивидуальны. Например, человек закаленный, адаптированный к холодной воде будет реагировать на погружение в прорубь лишь легким покраснением кожи, а новичок может выдать весь физиологический и психологический набор реакций стресса. Для одного ребенка пойти в детский сад и остаться без мамы на целый день чуть ли не с первого раза – это практически нормально. Другой ребенок выдаст реакции стресса в первые минуты отрыва от матери, и в дальнейшем может адаптироваться долго и трудно.

Под неспецифической реакцией Г. Селье понимал стереотипный ответ организма к новым условиям существования.

По физиологической сути стресс – адаптационный процесс, обеспечивающий приспособление организма к существованию.

Стресс – состояние длительного и сильного напряжения, связанное с эмоциональной перенагрузкой. Ведущей психологической характеристикой стресса выступает *напряжение* [10].

Причины стресса – стрессоры (факторы, вызывающие состояние стресса). Стрессоры бывают:

– физиологическими (чрезмерная физическая нагрузка, высокая и низкая температура, болевые стимулы, затруднение дыхания и пр.),

– психологическими (угроза, опасность, информационная или эмоциональная перегрузка, конфликты и пр.).

Реакция человека на стрессовую ситуацию всегда индивидуальна. Каждый человек обладает уникальным набором психологических особенностей (потребности, мировоззрение, нервная система и пр.), которые и обеспечивают именно его неповторимую реакцию на стрессовую ситуацию [2, 6, 10, 12].

Наглядно особенность стресса представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Личность и стресс

(личность со всеми своими особенностями, попавшая в новые для себя условия, переживает присущую только ей реакцию на стрессовую ситуацию)

В зависимости от вида стрессора и характера его влияния выделяются различные **виды стресса** (в самой общей классификации):

- стресс физиологический (физическая перенагрузка),
- стресс психологический (психологическая перенагрузка).

Психологический стресс подразделяется на:

- стресс информационный (возникает в ситуациях информационных перегрузок);
- стресс эмоциональный (возникает в ситуациях эмоциональных перегрузок;

например, появляется в ситуациях угрозы, опасности, обиды и пр.).

В медицине, физиологии, психологии выделяют положительную (*эустресс*) и отрицательную (*дистресс*) формы стресса [2, 6, 10].

Положительный стресс (стресс, который не вызывает у человека сверхнапряжения) движет человека к активности, достижениям, решению поставленных перед ним задач. Это стресс, который получен в результате сильно заряженных положительными эмоциями событий. Например, рождение долгожданного ребенка, день бракосочетания и пр.

Отрицательный стресс (стресс, который вызывает у человека сверхнапряжение) воздействует разрушающе на психику человека, т.к. психика не справляется со сверхнагрузками.

Какого бы вида ни был стресс, он вызывает физиологическую реакцию – выброс «гормона стресса» – кортизола, что приводит к физиологическим изменениям в организме.

Динамика протекания стрессового состояния одинакова практически у всех людей (см. рис. 2).

Интенсивность

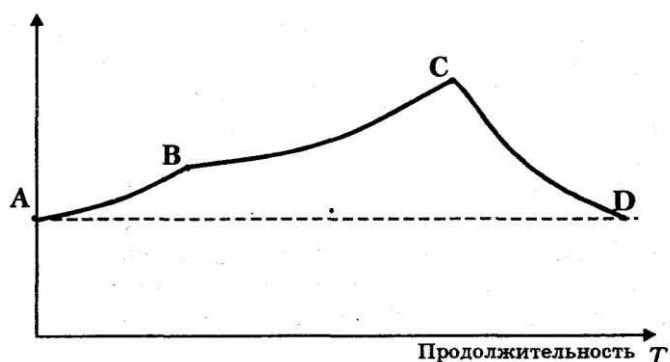

Рис. 2. Динамика стресса

Ученые выделяют три основные стадии развития стрессового состояния у человека [8]:

- 1) Предстрессовое состояние – нарастание напряженности (линия АВ);
- 2) Собственно стресс (линия ВС);
- 3) Постстрессовое состояние – снижение внутренней напряженности (линия CD).

На первой стадии (АВ) нарастает нервно-психическое напряжение, неудовлетворенность, страхи и т.д. Продолжительность первой стадии может быть разной. Один человек «заводится» в течение 2-3 минут, а у другого внутреннее напряжение накапливается в течение нескольких дней, недель или месяцев, а порой и годами.

Вторая стадия (ВС) в развитии стрессового состояния начинается в точке В, в которой происходит потеря эффективного и сознательного самоконтроля (полная или частичная).

На третьей стадии (CD) человек останавливается и возвращается «к самому себе», часто переживая чувство вины («Что же я сделал (а)!») и клянется, что «этот кошмар» больше никогда не повторится [8].

Исходя из причин и видов стресса, можно выделить признаки стресса, которые представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Признаки стресса

Анализ работ ученых (Б.Р. Мандель, Ю.В. Щербатых, Л.А. Китаев-Смык и др.) позволяет обобщить представления о наиболее частых *проявлениях стресса*:

Физиологические особенности:

1. Боли в различных частях тела неопределенного характера, головные боли (психосоматические боли).
2. Повышение или понижение артериального давления. Учащенный и неритмичный пульс.
3. Нарушение процессов пищеварения (запор, диарея, повышенное газообразование; потеря аппетита или переедание).
4. Быстрое увеличение или потеря веса тела.
5. Нарушение свободы дыхания.
6. Появление аллергии или других кожных высыпаний.
7. Повышенная потливость.
8. Мышечные зажимы (ощущение напряжения в мышцах).
9. Повышенная утомляемость.
10. Расстройство половой функции.

Особенности познавательных процессов (интеллектуальная сфера):

1. Трудность сосредоточения.
2. Повышенная отвлекаемость.
3. Сужение поля зрения, кажущееся уменьшение возможных вариантов действия.
4. Ухудшение показателей памяти.
5. Преобладание негативных мыслей.
6. Нарушение логики, спутанность мышления.
7. Импульсивность мышления, поспешные и необоснованные решения.
8. Постоянное и бесплодное вращение мыслей вокруг одной проблемы.
9. Трудности принятия решений, длительные колебания при выборе.
10. Частые ошибки, сбои в вычислениях.

Особенности эмоционально-волевых процессов:

1. Повышенный уровень тревожности и беспокойства.
2. Пониженный эмоциональный фон (преобладание негативных эмоций; мрачное настроение).
3. Ощущение постоянной тоски, депрессии.
4. Чувство отчужденности, одиночества.
5. Раздражительность, приступы гнева.
6. Подозрительность, придирчивость.
7. Эмоциональная нечувствительность, равнодушие.
8. Уменьшение общей удовлетворенности жизнью. Потеря интереса к жизни.
9. Пассивность, желание переложить ответственность на кого-то другого.
10. Общее недовольство собой и своей работой.

Поведенческие особенности:

1. Ощущение потери контроля над собой.
2. Низкая продуктивность деятельности.

3. Возрастание ошибок при выполнении привычных действий.
4. Более быстрая или, наоборот, замедленная речь. Дрожание голоса.
5. Увеличение конфликтных ситуаций на работе или в семье.
6. Уменьшение времени, которое уделяется на общение с близкими и друзьями.
7. Потеря внимания к своему внешнему виду, неухоженность.
8. Нарушение сна (долгое засыпание, раннее пробуждение) или бессонница.
9. Более интенсивное курение и употребление алкоголя.
10. Антисоциальное поведение [2, 6, 7, 10, 12].

Коррекцию стрессового состояния личности важно проводить с учетом 4-х сфер проявления стресса:

1. Физиология человека.
2. Познавательная (интеллектуальная) сфера.
3. Эмоционально-волевая сфера.
4. Поведенческие особенности личности.

На физиологическом уровне важно обеспечить:

– Полноценный сон (желательно спать с 22.00-23.00 до 6.00-7.00; именно в это время происходит интенсивная выработка мелатонина, который является естественным антистрессором и антидепрессантом);

– Здоровое питание (хорошо добавить в свой рацион больше фруктов и овощей; рекомендовано не есть после 18.00, т.к. в это время прекращает свою работу поджелудочная железа, и пища не усваивается, а просто «блуждает» по ЖКТ, происходят процессы брожения и гниения, и, как следствие, интоксикация организма);

– Достаточное количество употребляемой воды (рекомендовано 1 литр на 30 кг. веса; однако важно помнить, что норма у каждого человека своя);

– Физическую активность (зарядка, активный отдых, пешие прогулки на свежем воздухе, плавание, танцы, йога и пр.);

– Дыхательные практики;

– Массаж / Самомассаж;

– Ароматерапия [1, 6, 12].

На физиологическом уровне с целью снятия стресса может быть использовано упражнение с кинезиологии «Поза Уэйна Кука»:

Позиция 1.

Сядьте, поставьте ноги на пол.

Положите правую стопу на левое колено.

Обхватите левой рукой щиколотку правой ноги, а правой рукой – подушечки пальцев на правой стопе.

Чуть притяните согнутую ногу к себе до ощущения растяжки.

Закройте глаза и прижмите язык к верхнему нёбу.

Медленно и глубоко вдохните через нос, позволяя воздуху как бы приподнять ваше тело.

Медленно выдыхайте через рот, опуская язык вниз и расслабляя тело.

Сделайте 3-5 таких дыхательных циклов. Поменяйте ноги.

Рис. 4. Поза Кука

Позиция 2.

Сидя поставьте обе стопы на пол.

Соедините ладони так, чтобы пальцы касались друг друга (в виде шара).

Закройте глаза.

Прижмите язык к небу.

Глубоко дышите.

Оставайтесь в этой позе 30-60 сек.

Работа с познавательной сферой осуществляется преимущественно через проработку мышления личности, развитие позитивного мышления.

Психологи подчеркивают, что мир зеркалит наши мысли и формирует события нашей жизни сообразно им. Внешний мир и окружающие люди зеркальным образом отражают нас самих. То, что мы чувствуем и думаем – то и получаем в ответ. Каждый получал извне то, что внутри его души. И если мы сами позитивно относимся к миру и другим людям, в ответ мы получаем те же положительные события и отношения. Это – закон человеческой жизни.

Находясь в состоянии стрессе, важно подумать о чем-то приятном. Можно посмотреть на небо, солнце, цветы, налить чай в любимую кружку. Можно вспомнить что-то хорошее (вкусный кофе, приятная открытка, хорошо выполненное задание и т.д.). Когда мы фокусируемся на чем-то приятном, мозг отправляет телу сигнал расслабиться.

Сталкиваясь с проблемами, жизненными сложностями важно помнить, что во все в жизни есть и хорошее, и плохое. В любой жизненной ситуации, как правило, есть положительные и отрицательные стороны. Смотря, с какой стороны посмотреть. Экологичней для психики человека смотреть с хорошей стороны. В проблемной ситуации также есть хорошее и плохое. В случае столкновения с проблемой мы можем обрести душевное равновесие при помощи выделения в ней положительных сторон. В проблемной ситуации есть, по крайней мере, три полезные стороны:

- 1) Проблема всегда выступает в качестве жизненного урока.
- 2) Проблема всегда жизненное испытание.
- 3) Жизненный опыт показывает, что проблема всегда несет что-то положительное. Но позитив становится понятен не сразу, а через какое-то время.

Умение видеть хорошее – навык, который вырабатывается. Для выработки такого навыка можно использовать *упражнение «Моя ситуация»*. Возьмите чистый лист бумаги и разделите его пополам вертикальной чертой. В левой части отметьте те стороны проблемной ситуации, которые связаны с чем-то отрицательным: потерями,

тяжелыми переживаниями, разрушением важных и значимых отношений с людьми и т.п. В правой части листа попробуйте отметить те стороны проблемы, которые могут принести в Вашу жизнь что-то полезное, новое, интересное [8].

В эмоциональном плане работа со стрессом осуществляется в направлении снятия тревоги и страхов, успокоения, повышения общего позитивного эмоционального фона.

Универсальным средством поднятия эмоционального фона является юмор. Здесь эффективно работает чтение анекдотов, просмотр комедий и пр.

Н.В. Самоукина подчеркивает, что мы часто относимся к своему настроению как к чему-то, от нас независящему. «Что-то у меня сегодня настроение неважное», – говорим мы. Или, наоборот, радуемся, что «сегодня – хорошее настроение». Н.В. Самоукина предлагает способы внутренней «настройки» на позитивное настроение:

– Представьте, что Вы – тонкий, чутко улавливающий все внешние воздействия, «психологический радиоприемник». Каждое утро Вам необходимо «поворачивать» ручку» такого «радиоприемника» с тем, чтобы «настроить его на нужную Вам волну». Такая настройка заключается в том, что сразу же после сна, пока Вы еще не встали и чувствуете приятную дремоту, выбрать для себя «формулу настройки» и проговаривать ее. Например, Вы говорите себе (про себя и с закрытыми глазами): «Я сегодня в хорошем настроении. Все будет хорошо». Эту формулу нужно проговорить раза три-четыре, с чувством, вникая в каждое слово.

– Внутренняя «настройка» будет эффективной, если утром Вы вспомните, какие приятные дела Вас ждут: улыбка и «доброе утро» любимого человека, утренний чай/кофе и т.п.

– Обращайте по утрам свое внимание на свежесть утреннего воздуха, солнце, если оно светит или дождик, если он моросит. Каждое проявление природы встречайте с удовольствием и радостью.

– Один из путей такой внутренней «настройки» – исследование самого себя. Каждый вечер необходимо записывать свои негативные и позитивные переживания. Примерно через две-три недели провести анализ, выделяя события, которые принесли Вам огорчения или принесли радость. Подумайте, что Вас огорчает и в чем причина таких огорчений. Вполне возможно, что некоторые из этих событий (если не все) можно исключить из своей жизни [8].

Эффективными методами гармонизации эмоционального фона являются медитация и молитва.

В поведенческом плане в работе со стрессом рекомендуется:

– Увеличить время общения с приятными людьми (родными, близкими, друзьями, коллегами, контакт с животными и пр.);

– Заняться своим внешним видом (принять душ, расслабляющую ванну, посетить косметолога, парикмахерскую и пр., по возможностям и желанию) [3, 4, 6, 9, 12].

При работе со стрессом важно учитывать стадию стресса, на которой находится человек.

На первой стадии возникновения стресса эффективно работает метод отвлечения. Суть метода состоит в произвольном переключении внимания с одного объекта на другой. Важно «взять перерыв» и усилием воли прервать свои действия:

- сделать паузу в общении (помолчать несколько минут вместо того, чтобы с раздражением отвечать на несправедливое замечание);

- выйти из комнаты;

- переместиться в другую, отдаленную часть помещения.

Необходимо всегда стремиться перевести свою энергию в другую форму деятельности, заняться чем-нибудь другим, что даст возможность снять напряжение.

Если потеря самообладания произошла на работе, можно заняться следующим:

- перебрать свои деловые бумаги, полить цветы на подоконнике, заварить чай;

- выйти в коридор и поговорить с доброжелательными коллегами на нейтральные темы (о погоде, покупках и др.);

- подойти к окну и посмотреть на небо и деревья, порадоваться солнцу, дождю или снегу;

- обратить внимание на идущих по улице людей; попробовать вообразить, о чем думают проходящие мимо люди;

- зайти в туалетную комнату и на 2-3 минуты опустить ладони под холодную воду.

Такой «перерыв» нужно практиковать как можно чаще в те моменты, когда происходит потеря самоконтроля. Важно, чтобы действие «остановки себя» вошло в привычку.

Следует серьезно задуматься над тем, какие действия помогают снять напряжение. Важно ответить себе на вопросы: «Что меня больше всего радует?», «Чем я занимаюсь с увлечением?» И стараться каждый день иметь немного времени на занятия, которые приносят удовлетворение и радость [8].

Приведем примеры упражнений, которые могут быть использованы в рамках метода отвлечения.

Первый вариант. Посмотрите на что-то, что не связано с вашей деятельностью, например, выгляните в окно и найдите дерево, которое вам нравится. Внимательно посмотрите на него. Постарайтесь угадать его высоту. Обратите внимание на его ствол, ветви. Посчитайте крупные ветви. Найдите изгибы, которые вам особенно симпатичны. Обратите внимание на цвет коры, листвы. Найдите как можно больше оттенков. Заметьте, в какую сторону дует ветер, как сильно он качает ветки. Посмотрите, какие птицы сидят на ветвях дерева. Постарайтесь определить их название. Наблюдайте за деревом так долго, как вы сами захотите (рекомендуется не менее 5 минут). Обратите внимание на то, на что ранее никогда не обращали. Постарайтесь запомнить это. Наполните себя спокойствием и силой. Запомните эти ощущения. В трудные минуты вы сможете представить это дерево, вновь увидеть его перед своим мысленным взором и таким образом снять стрессовое напряжение.

Второй вариант. Закройте глаза и погрузитесь в слуховые ощущения. Если возможно, включите приятную, спокойную музыку. Если такой возможности нет, постарайтесь вслушаться в то, что происходит вокруг вас. Вслушайтесь в общий гул звуков и постарайтесь выделить из него несколько потоков: это шумят деревья, едут машины, поют птицы, смеются дети, разговаривают взрослые и т.д. Или: слышу, как работает принтер, шумит кофеварка, в умывальнике включили воду, кто-то ходит на каблуках, а кто-то тихо перешептывается... Несколько минут послушайте других, а затем обратите внимание на себя. Пошевелите плечами, послушайте, как шуршит одежда и скрипит ваше кресло. Обратитесь к дыханию. Дышите ровно, глубоко и спокойно. Наполняйте свои легкие свежим воздухом. Наполняйтесь силой и энергией.

Третий вариант. Возьмите в руки какой-нибудь небольшой предмет, закройте глаза и погрузитесь в тактильные ощущения. Взвесьте предмет сначала в левой, затем в правой руке. Постарайтесь определить его вес. Ощутите плотность материала, из которого сделан предмет, его температуру. Подержите предмет на открытой ладони, покатайте по ладони другой рукой, возьмите его несколькими пальцами. Указательным пальцем обведите предмет по поверхности. Ощутите все шероховатости, выпуклости и впадины. Почувствуйте, как меняется узор на поверхности предмета. Если возможно, попытайтесь угадать закономерность. Проведите по предмету ногтем. Потрогайте его мизинцем. Изменились ли ощущения? Повторите манипуляции другой рукой. Приложите предмет к своей щеке, затем ко лбу. Почувствуйте его там. Попробуйте что-либо изменить в предмете (снимите колпачок у ручки, несколько раз легонько сожмите степлер, согните линейку и т.д.). Снова подержите предмет на открытой ладони. Откройте глаза и взгляните на него. Подумайте, что нового и интересного Вы узнали об этом предмете [1].

На втором этапе происходит проживание стресса. Цель – сохранение самоконтроля и самообладания. На этом этапе эффективно работают такие методы, как:

- дыхательные практики,
- аутогенная тренировка,
- музыкальная терапия,
- физические упражнения,
- общение с животными, друзьями,
- прогулки на природе,
- просмотр позитивного, мотивирующего фильма,
- занятие любимым делом (увлечение),
- чтение книг,
- занятие домашними делами (уборка, мытье посуды и пр.),
- рисование,
- пение [3, 4].

Данные методы также активно могут применяться на всех этапах протекания стресса.

Эффективно на этом этапе работает медитация.

Медитация «Обретение спокойствия»:

Примите удобную позу, закройте глаза, расслабьте все свое тело...

Вам хорошо и комфортно. Ваше тело расслаблено и сейчас наполняется воздухом, как воздушный шарик. Представьте, что вы устремляетесь ввысь, вы летите по воздуху, ваше тело невесомо. Под руки вас поддерживают плотные потоки воздуха, так что вы совершенно спокойны. Постепенно поднимаясь, вы оказываетесь в совершенно другом мире. Здесь все пронизано любовью. Здесь совершенно безопасно и красиво.

В этом более высоком мире вы видите причудливые строения, похожие на сталактиты. Они бело-голубого цвета. Также вы видите океан, но он не привычного нам синего цвета, а золотого. Вы видите, как бесчисленные блески солнечного света играют на поверхности этой золотой воды. Вы понимаете, что вы попали в очень добрый мир. Туда, где нет проблем и войн, где всюду царит гармония и счастье, где вы в полной безопасности. И самое главное – вы каждой клеточкой своего существа ощущаете глубокую, невероятную, безусловную любовь. Это Божественная любовь. Сейчас вы можете забыть о своем возрасте, о своей внешности, о своих истинных или мнимых недостатках. Сейчас это неважно, потому что вас любят просто так, только за то, что вы существуете.

И вот вы видите, что над поверхностью золотого океана возникает силуэт прекрасной птицы. По мере приближения вы видите, что это огромная белая птица с очень умными и добрыми глазами. Она подлетает к вам и садится у ваших ног. Вы слышите мягкий голос, который предлагает погрузить на спину этой волшебной птицы все ваши сложности, все печали. Вы даже можете поместить на этот ковер своих знакомых людей, отношения с которыми далеки от совершенства. Вспомните и поместите на птицу тех, кто вас обидел, тех, кто вас предал. А также тех, кого обидели и предали вы сами. При этом вы испытываете глубокое облегчение и удовлетворение. После того как вы погрузили все свои печали на спину волшебной белой птицы, она грациозно взмахивает крыльями и улетает вдаль.

Сейчас вы наблюдаете чудо. Вы видите, как все эти проблемы начинают таять под потоком серебристого света, который опускается с небес.

При этом вы чувствуете, что как будто поток струящихся пузырьков наполняет ваше тело и поднимает ваше настроение. Вы чувствуете, что тоже начинаете меняться. Изменяется ваше отношение к проблемам и людям.

Ваше осознание растет, вы начинаете смотреть на все глазами любви. Вы поднимаетесь над чувствами вины, гнева, обиды. Обида, усталость и недоверие, которые мешали вашему счастью, постепенно уходят.

Вы понимаете, что конфликты и непонимание – это всего лишь иллюзия, которую рассеивает луч любви.

Найдите в своих любимых черты невинности, представьте их детьми, простите им их проступки, их вину. Поверьте, что они действуют по незнанию.

Вы понимаете, что, чем больше вы проявляете агрессию к другим, тем больше агрессии получаете. Поэтому попросите этот сияющий свет рассеять также и ваш гнев, ваши обиды, наполнить вас мудростью и спокойствием.

Отныне вы становитесь океаном спокойствия, океаном мудрости, океаном света, океаном любви. Куда бы вы ни шли, везде вы распространяете любовь. Ибо вы и есть любовь. Ибо любовь это все, что есть. Так оно и есть [5].

Существует ряд психологических упражнений, которые помогают снять стресс и нервное напряжение быстро.

Упражнение «Водопад». После напряженного дня встаньте под душ. Направьте сильную струю воды на себя сверху вниз, закройте глаза и представьте, что вы на берегу горного озера, под струями горного водопада. В своем движении сверху вниз вода смывает с Вашего тела и Вашей души все тяжелое, что было в течение рабочего дня (неприятности, чьи-то резкие слова, несправедливые замечания и т.д.).

Упражнение «Горная речка». В течение рабочего дня, при возникновении неприятностей, если Вы не можете быстро успокоиться, зайдите в туалетную комнату и опустите руки под холодную воду. На минуту представьте, что ваши руки – в прохладной воде стремительной горной речки. Вода смывает с ваших рук все тяжелые переживания...

Упражнение «Убежище». Вечером, после трудного дня сядьте в кресло и закройте глаза. Представьте, что у вас есть свое убежище, о котором никто не знает. Это может быть маленький домик где-то в деревне или высоко в горах, в лесу и т.п. Как можно более детально, во всех мелочах представьте внутреннее убранство этого домика. Что стоит слева, как только вы входите в дом? Что – справа?

Что вы делаете в минуты отдыха в этом домике, о котором никто не знает? Валяетесь на диване и смотрите телевизор? Слушаете музыку? Копаетесь в саду? Играете с любимой собакой?

Позанимайтесь в своем воображении своим любимым делом минут 20-25. А затем откройте глаза и возвращайтесь к реальной жизни.

Упражнение «Мое настроение». Возьмите что-нибудь, чем можно рисовать (цветные шариковые ручки или карандаши, фломастеры или краски, или что-нибудь еще). Нарисуйте что-либо, что можно назвать так: «Мое настроение». Рисуйте все, что вам придет в голову, не задумываясь над тем, хорошо это или плохо, красиво или некрасиво, получается у вас или нет. Выбирайте цвет, какой вам хочется выбрать, и проводите линии, которые вам хочется провести. Рисуйте увлеченно, самозабвенно эмоционально, как рисуют дети.

Когда рисунок будет готов, посмотрите, что получилось. Если это – позитивное, радостное и яркое «полотно», поместите его на какое-то время на самом видном месте у себя дома или в своем кабинете.

Каждый раз, когда вы будете смотреть на свое «художество», у вас будет улучшаться настроение и подниматься жизненный тонус.

Если же получилось что-то мрачное и безрадостное, и ваш рисунок вам не нравится – порвите свой рисунок и выбросите его в урну. При помощи рисования вы «переплавили» свои эмоции в листок бумаги, точнее, в то, что вы на нем нарисовали, и, избавляясь от рисунка, вы избавляетесь от дурного настроения [8].

Упражнение «Мое событие». Если у Вас есть приятные воспоминания о каком-либо событии жизни, возьмите фотографии этого события и положите рядом с собой. В те минуты, когда вы будете чувствовать усталость, раздражение или депрессию, берите фотографии и оживляйте свои воспоминания – до мелочей, до запахов и случайно сказанных слов... Вспомните, что было, что вы чувствовали, думали... Вспомните все самое приятное, углубитесь в свои воспоминания... [8].

На третьем этапе важна проработка негативного эмоционального фона и укрепление позитивного «Я-образа», формирование уверенности в себе. С этой целью может быть использована медитация.

Медитация «Почувствуй свою силу».

Примите удобную позу, закройте глаза, расслабьте все свое тело... Вам хорошо и комфортно. Ваше тело расслаблено.

Почувствуйте свою силу. Ощутите мощь своего дыхания, своего голоса. Почувствуйте всю силу своей любви. Ощутите силу своего прощения, силу решимости меняться к лучшему. Почувствуйте свою силу. Вы – прекрасны. Вы – величественное создание. Вы заслуживаете всего самого лучшего, всего, без всяких исключений. Почувствуйте свою силу. Не бойтесь ее, Вы в безопасности. Приветствуйте новый день, раскинув руки с любовью [11].

Это упражнение может выступать точкой роста, ресурсной точкой для человека, столкнувшегося с трудной жизненной ситуацией.

Заключение. Современный ритм жизни погружает человека в постоянное состояние стресса. Современному человеку важно научить не уходить от стресса, а выработать умения и навыки совладения с ним. В этом случае стресс станет для него ресурсной точкой для личностного роста и развития.

Перспективу дальнейшего исследования феноменологии стресса мы видим в разработке программы профилактики и коррекции стрессового состояния личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жданов О.И. Преодоление нервно-психического напряжения [Электронный ресурс] / О.И. Жданов. – Режим доступа: <https://qps.ru/k298w> (дата обращения: 29.08.2021).
2. Китаев-Смык Л. Психология стресса / Л. Китаев-Смык. – М.: Наука, 1983. – 186 с.

3. Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2005. – 960 с.
4. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Г. Осухова. – М.: Академия, 2007. – 288 с.
5. Правдина Н. Полная энциклопедия женского счастья / Н. Правдина. – М.: АСТ; Астрель, 2010. – 512 с.
6. Психология стресса: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Б.Р. Мандель. – М.: Флинта, 2014. – Режим доступа: <https://qps.ru/BsH8m> (дата обращения: 17.07.2021).
7. Решетников М.М. Психическая травма / М.М. Решетников. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. – 322 с.
8. Самоукина Н.В. Экстремальная психология / Н.В. Самоукина. – М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство ЭКМОС. 2000. – 288 с.
9. Свиридкина Т.Л. Шаги из прошлого. Руководство по психотерапии травмы / Т.Л. Свиридкина. – М.: ИД «Городец», 2017. – 368 с.
10. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1982. – 53 с.
11. Хей Л. Полная Энциклопедия целительных методик / [пер. с англ. Л.Н. Савельевой]. – Од. : «Издательский дом Луизы Хей», 2003. – 608 с.
12. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю.В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.

Поступила в редакцию 07.10.2021 г.

STRESS: SIGNS, METHODS OF PREVENTION AND CORRECTION

E. V. Novikova

Psychological nature of stress, signs and types of stress are considered in the article. The main stages of stress experience are analyzed. Methods of prevention and correction of an individual's stressful state are considered.

Key words: stress, nervous tension, physiological stress, psychological stress, distress, eustress.

Новикова Елена Владимировна.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

e-mail: novikova80@mail.ru

Novikova Elena Vladimirovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of Psychology.

e-mail: novikova80@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

4. Абзацный отступ – 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом **под**, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2021. – № 4

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 10.12.21
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 17,14
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.